

АННА БРУКС

НА ТВОЕЙ
Территории

Что он хочет сделать, чтобы спасти ее?

Моя новая сексуальная соседка по квартире не похожа на тех девушек, на которых я обычно западаю. Вообще. Она — мать-одиночка, и я достаточно умен, чтобы понимать, сколько у меня будет проблем, если я свяжусь с ней, не смотря на то, насколько она бы не была хороша для меня. Но когда ее прошлое внезапно возвращается в ее жизнь и над ними нависает не шуточная угроза, я вынужден встретиться лицом к лицу с моими собственными демонами, чтобы обеспечить им безопасность.

Анна Брукс

“Не твой герой”

Серия: вне серии

Автор: Анна Брукс

Название на русском: Не твой герой

Серия: вне серии

Перевод: Лерок Фёдорова (1–9 гл.),

Aquamarine (10–17 гл.)

Редактор: honey sweet girl, Eva_Ver

Вычитка: Вера Поварго

Обложка: Таня Медведева

Оформление: Eva_Ver

Аннотация

Моя новая сексуальная соседка по квартире не похожа на тех девушек, на которых я обычно западаю. Вообще. Она — мать-одиночка, и я достаточно умен, чтобы понимать, сколько у меня будет проблем, если я свяжусь с ней, не смотря на то, насколько она бы ни была хороша для меня. Но когда ее прошлое внезапно возвращается в ее жизнь и над ними нависает не шуточная угроза, я вынужден встретиться лицом к лицу с моими собственными демонами, чтобы обеспечить им безопасность.

Глава 1

Сэм

— Ты уверен, что не хочешь пойти с нами? — спрашивает Нейт, мой единственный сотрудник.

Я качаю головой:

— Нет, мужик.

— Давай, Сэм. Мы никогда не зависали вместе, это на одну ночь, — он запрыгивает в кузов грузовика, где я разбираю свои инструменты.

У меня нет должности, думаю, что я разнорабочий. Я могу исправить любое дерьмо: часы, велосипеды, сломанные стулья, что угодно. Если это слишком большое, то я приду к вам домой. Я ремонтирую заборы, раковины или все, что с ними связано.

— Это мой мальчишник, будет много сисек. Может, ты сможешь подцепить тёлочку,

чтобы потрахаться.

На моем лице появляется легкая улыбка, так как мне действительно нужно что-то подобное, но помощь в этом мне не нужна, поэтому я быстро стираю улыбку, заменяя ее хмурым видом.

— Мне не нужно идти в стрип-клуб, чтобы потрахаться. А ты иди и получай удовольствие, — я толкаю его, и он спрыгивает вниз. Тогда Нейт подходит к своему джипу, становится на подножку и смотрит на меня поверх капота.

— Я надеюсь, что скоро ты перестанешь быть мудаком и будешь наслаждаться жизнью. Я работаю на тебя уже шесть лет, Сэм. Не знаю, как долго я смогу ещё мириться с твоим дерьмом, — с этими словами он захлопывает дверь и уезжает.

Нейт прав, он уже не шестнадцатилетний парень, которого я нанял из-за того, что он напоминал мне себя. Нейт теперь мужик, он скоро станет отцом, а это нечто стоящее в этой жизни. И я рад за него, но такая жизнь не для меня. Мой дом и бизнес — вот две вещи, которые действительно что-то значат для меня.

Дом, хотя на самом деле это дуплекс, я унаследовал от моей бабушки и деда (Прим. Дуплекс — это дом, состоящий из двух секций, объединенных одной крышей и боковыми стенками и рассчитанный на две семьи). Когда они умерли несколько лет назад, я не знал, что делать со второй половиной дома, в которой они жили. Я побаивался заходить туда без них, поэтому четыре месяца назад решил разместить объявление об аренде этой части дома.

— Привет, Сэм.

Я смотрю вниз и вижу, как мой маленький сосед, Бен, размахивает бейсбольной перчаткой в руке. Его мама, Кортни, ответила на мое объявление.

Мой бизнес размещается в гараже, поэтому машину Кортни приходится парковать на улице, но это её не смущает. Она рада тому, что на заднем дворе есть место для игр её пятилетнего сына.

— Как дела? — я вылезая из грузовика и захлопываю дверь.

— Все в порядке, — он пинает ногами грязь и смотрит, как взлетает пыль.

— Всё так плохо?

— Я ненавижу детский сад. Мама говорит, что я недостаточно большой, чтобы самому идти в парк с друзьями, — он кидает перчатку на землю и начинает по ней топтаться. Я встаю перед ним, и Бен смотрит на меня своими невинными зелеными глазами. Они такие же, как и у его матери.

— Она права, малыш. Тебе только пять.

— Но Тайлеру тоже пять, и его мама отпускает одного.

Мама Бена, Кортни, появляется рядом со скрещенными руками и постукивает ногой. Я отхожу, не желая мешать.

— Это потому, что у Тайлера есть старший брат. Мы возвращаемся к этому разговору снова? Ведь я предупредила тебя, Бенджамин, если мы это сделаем, то ты лишишься компьютерных игр на неделю, — Бен качает головой. — Покачивание головой — это не ответ на мой вопрос.

— Нет, — бормочет он.

— Хорошо. Сходи поиграть на задний двор с новым бейсбольным мячом.

— Поиграешь со мной? — спрашивает он, оживляясь.

Я вижу боль на лице Кортни, когда она отвечает:

— Прости, малыш, но мне нужно идти на другую работу. Мона будет здесь через десять

минут, и этого времени мне хватит, чтобы приготовить тебе ужин.

Бен обиженно надувает губы. Кортни быстро моргает и отводит взгляд в сторону. Она хорошая мать и хочет проводить с ним больше времени, но она работает на двух работах, чтобы обеспечивать их жизнь. «Но это не моя проблема, верно?»

— Я побросаю тебе мяч пару минут.

Обе их головы поворачиваются ко мне, и я мысленно отвечаю себе пинка.

— Ты уверен, Сэм? Насколько я знаю, ты занят, — спрашивает Кортни.

— Мне действительно нужно готовиться к вечеринке, но пару минут побросать мяч я могу, — на хрен все.

«Какого черта я делаю? Иду на вечеринку к Нейту, чтобы выйти из этой дерьмовой ситуации? Нет, я не сближаюсь с людьми. Особенно с матерью-одиночкой и ее сыном».

— Ура! Давай, Сэм, пошли! — Бен берет мою руку, и я иду вместе с ним на задний двор.

Кортни никогда не упоминала об отце Бена, так что я не знаю, что там за история. И меня не волнует это, пока она платит мне арендную плату вовремя и не беспокоит меня. С Беном ситуация иная. Когда я работаю на улице, он всегда приходит и пытается помочь мне с работой.

— Тебе нужна перчатка?

— Нет, я справлюсь, дружище.

На самом деле меня умиляет, когда он наклоняется, щурится и поднимает ногу, прежде чем кинуть мяч. Я встряхиваю рукой, как если бы его бросок был слишком сильным, когда ловлю мяч.

— Ауч, горячо.

— Я знаю, — распираемый от гордости, он пожимает плечами и встает в позицию ловца, чтобы поймать мяч, когда я бросаю его обратно.

Примерно через десять минут Кортни кричит из окна кухни:

— Время вышло, Бен, скажи спасибо Сэму и иди ешь.

— Ммм, еще две минуты, мам, пожалуйста?

Она смотрит на меня, спрашивая разрешения. Я киваю, на самом деле я хорошо провожу время с ребенком.

— Две минуты, Бен. Когда Сэм говорит, что время вышло, ты без аргументов заканчиваешь, понятно?

— Ладно! Спасибо, ма! — он смеется и быстро бросает мяч, так быстро, что я почти его пропускаю.

— Мы сможем сделать это снова? Или каждый день?

Я смеюсь и бросаю мяч. Он приземляется рядом с его ногой, и Бен опускается и поднимает его, прежде чем кинуть обратно.

— Я не знаю про каждый день, но уверен, что мы сможем сыграть ещё раз.

— Круто. Сэм?

— Да, приятель?

— Что такое залупа?

Я застываю на середине броска и опускаю руки.

— Где ты это слышал?

— Твой друг сказал, что ты залупа. Это звучит нехорошо.

Я стою, закусив внутреннюю часть щеки, чтобы подавить смех.

— Это не хорошо.

— Так что, я не должен так называть маму?

— Нет, не называй маму залупой.

— Хорошо. Сэм?

Вздыхнув, я отвечаю:

— Да?

— Спасибо за игру, а теперь поймай меня.

— Конечно, дружище, но я уже должен идти.

— Хорошо, пока.

Я смотрю, пока он не заходит в дом, в это время Кортни выглядывает из окна.

— Спасибо.

Кивнув, я пересекаю лужайку и захожу к себе в дом. Снимаю свою грязную одежду и иду принять душ, чтобы подготовиться к вечеринке Нейта. Он хороший работник и единственный человек, которому я доверяю, но до сих пор не полностью. Доверие — непостоянная стерва, и дается мне нелегко.

Я захожу в бар за углом за пару часов до того как отправиться в стрип-клуб. Там горячая блондинка предлагает мне себя, но я решаю отказаться и пойти на вечеринку Нейта.

— Охренеть, ты пришел! — Нейт встает и, шатаясь, подходит ко мне, явно наслаждаясь своей последней холостяцкой ночью.

— Да.

Подойдя ко мне, Нейт тянет меня в свои объятия и хлопает по спине. Я неумело возвращаю жест, прежде чем отойти от него.

— Спасибо, Сэм. Это многое значит для меня.

— Нет проблем, — я следую за ним к столу и поворачиваю стул, чтобы сесть на него верхом.

— Ребята, это Сэм, — он представляет меня компании из десятка парней.

Я киваю, но забываю все имена, прежде чем последнее выходит из уст Нейта. Я не собираюсь дружить с кем-либо из них. У меня нет друзей и знакомых, так как друзьям доверять нельзя.

Я смеюсь над глупыми шутками парней и сам поддразниваю Нейта. Мы смотрим каждое новое выступление, и парни пускают слюни на искусственные сиськи и ужасные танцы. «Это не совсем мое, я предпочитаю больше действий».

— Кому добавки? — я замираю на месте от сексуального голоса.

Когда я слегка поворачиваю голову, вижу сиськи Кортни, которые прикрыты только кисточками. Мой взгляд проходит по ее почти неузнаваемому лицу, которое украшает целая чертова тонна макияжа. Ее светло-коричневые волосы заменяет платиново-блондинистый парик.

Она меня еще не заметила и, честно говоря, я не хочу этого. Когда подходит очередь моего заказа, я опускаю голову и отказываюсь от выпивки.

— По крайней мере, выпей еще с нами, — говорит Нейт, — может быть, Мисти позволит сделать это с ее сисек, — я сердито смотрю на него, надеясь, что он поймет намек заткнуться, и он понимает.

— Так что, ты хочешь или нет? — спрашивает «Мисти».

Я качаю головой, а она нагибается так, что ее грудь прижимается к моей спине.

— Твой друг прав, я позволю тебе испить с моей груди за дополнительную плату.

«Бл*дь, она заставляет мой член дергаться. Мне не нужны такие сложности, она мой жилец и мать-одиночка». Даже если ее тело кричит: «Отличный трах, с ее округлыми бедрами и большой грудью». Я снова мотаю головой, и она уходит к другому столику.

— Поздравляю, Нейт. Я должен идти, — я бросаю деньги на стол и отбываю, не говоря ни слова, хлопнув дверью своего грузовика.

Кортни Галлахер — этот тип женщины не для меня. Конечно, я смотрел на нее из своего гаража. Она горяча, вне всяких сомнений. Но она хорошая женщина и заслуживает лучшего. Ей нелегко положиться на кого-нибудь. Я облегчу ей эту задачу. Она уже пережила эмоциональный срыв раньше, это написано у неё на лице.

Когда она дома — она мать, и я никогда не видел парней рядом с ней. Она много работает, и увидеть ее здесь сегодня — доказательство того, что есть еще одна причина, по которой мне нужно держаться от нее подальше.

«Почему, черт возьми, я думаю о ее чувствах, я ведь не поступаю так? Мой выбор — быстрый трах без продолжения. Тогда что же я делаю?»

Я останавливаюсь возле бара за углом своего дома. Хочу узнать, осталась ли здесь блондинка, которая вешалась на меня. Мне нужно снять напряжение.

Я захожу и притормаживаю у входа, всматриваясь в переполненный бар. Когда вижу ее, останавливаюсь напротив. Она вскрикивает и поднимает голову.

— О, это ты. Господи, ты напугал меня, я думала, ты ушел, — она поворачивается и оборачивает свои руки вокруг моей шеи.

— Я уходил, но вернулся за тобой. Хочешь убраться отсюда? — она быстро кивает.

— Хорошо, идем, — я шлепаю ее по заднице и киваю бармену. Джеймс слишком стар, чтобы работать барменом в час ночи, но этот бар — его гордость. Когда что-то передается вам по наследству, вы дорожите этим.

Мы выходим на улицу, и я жду, когда она догонит меня. Когда мы подъезжаем к моему дому, она паркуется позади меня на обычном месте Кортни. Я подбегаю к ней, когда блондинка выходит из машины.

— Ты можешь припарковаться с другой стороны? Это место моего арендатора.

Она пожимает плечами и заводит машину.

— Конечно.

Я стою в дверном проеме с открытой дверью и жду, пока она поднимется по лестнице. Когда девушка проходит мимо меня, покачивая бедрами, я закрываю дверь. Иду к дивану и спускаю сразу и штаны, и боксеры. «Нет смысла тратить время».

Она следует моему примеру и стягивает свое «едва ли» платье через голову. Мой член встаёт, когда я вижу ее голой.

— Без нижнего белья? — спрашиваю я, приподнимая бровь.

— Ага. Я искала с кем трахнуть сегодня вечером и упростила задачу, — говорит она деловито.

Девушка подходит ко мне и снимает мою рубашку через голову. Я иду к столу и открываю ящик. Она смеется и достаёт из него презерватив. Так же быстро я хватаю его и надеваю. «Всегда используй собственные средства защиты. Не доверяй сучкам».

— Ты готова? — спрашиваю я.

— Я готова.

— Хорошо.

Я сажусь на диван, поднимаю ее за бедра, она берет мой член в руку и медленно

опускается на меня. Я закрываю глаза. Не люблю смотреть, просто хочу чувствовать. Это занимает несколько минут, прежде чем она начинает насаживаться на меня сильнее, и я начинаю вдалбливаться в нее, яростно гнаться в пространство, где нет прошлого, нет боли и воспоминаний. Мы вместе приходим к кульминации, и она скатывается с меня, явно не желая большего. «Слава богу».

Я молча иду к джинсам, выбросив презерватив в мусорное ведро и захватив пару бутылок воды из холодильника. Я удивлен, что нашел девчонку уже одетой, когда вернулся в гостиную. Я подал ей воды, и она проглотила пол-бутылки одним махом.

— Спасибо. И спасибо за секс.

Я смеюсь от ее смелости.

— Нет проблем.

— Слушай, я не ищу ничего большего, чем случайный трах, если захочешь снова, позвони мне, — она дает мне свою визитку, и я убираю ее в карман.

— Я тебя провожу.

Она кивает мне, и когда мы добираемся до ее машины, я открываю для нее дверь. Должен же я, по крайней мере, вести себя как джентльмен.

— Вау, я действительно шлюха. Я даже не знаю твоего имени, — смеется она.

— Ты не шлюха. Ты женщина, которая знает, чего хочет, и ты приняла это. И ничего плохого в этом нет. И я Сэм.

— Ну, Сэм, я — Лиза. Доброй ночи, — она закрывает дверь и отъезжает в тот момент, когда Кортни паркуется на своем месте.

«Дерьмо, не хочу иметь дело с ней. Я только что забыл, как ощущается ее грудь, прижатая к моей спине».

Поэтому я решительно иду по улице прямо мимо ее машины. Но кого я обманываю — не могу игнорировать ее. Я открываю дверь ее машины и делаю шаг назад, когда уличный свет отражается от пореза на ее лице. Больше нет ее макияжа и, несмотря на засохшую кровь, Кортни выглядит намного лучше с чистым лицом.

— Эй, — осторожно говорю ей.

— Привет, Сэм, — она выходит из машины и морщится, когда ее нога касается земли, затем снова приподнимает ее вверх, хватаясь рукой за дверцу.

— Что случилось?

— Просто немного подралась на работе, — она осторожно шагает вперед, я закрываю дверь ее автомобиля. Кортни пытается дойти до тротуара, но, в конце концов, приподняв левую ногу, прыгает на правой.

— Кортни, позволь мне помочь тебе.

— Нет, я в порядке. Спасибо, правда, — она по-прежнему идет, подпрыгивая, а я стою на улице и смотрю, не решаясь подойти, пока она не достигает тропинки.

«Я должен пройти мимо нее, игнорируя ее независимую задницу. Черт. На хер все».

Я без предупреждения подхожу к ней и сгребая в свои объятия. Я забыл, что не надел рубашку. Она понимает это в то же время, что и я, и убирает свою руку.

— Извини, — говорю я.

— На самом деле, я в порядке, Сэм.

— Ты не в порядке, позволь мне хотя бы помочь, — я, может быть, и мудака, но не собираюсь смотреть, как она мучается.

Войдя на нашу общую веранду, я опускаю ее, и она опирается о стену дома, ища

поддержки.

— Что ты подразумеваешь под дракой?

— Я работаю в баре, — так вот, что она говорит людям, — один из клиентов разошелся, я упала на пол, подвернула ногу и поцарапала щеку. Ничего страшного, — Кортни машет мне, но что-то есть в ее глазах — стыд, наверное.

Незнакомое чувство поднимается в моей груди, и меня бесит это. Я был там и видел, о каких «клиентах» она говорит.

— Какого хрена? Кто-нибудь надрал ему задницу? — я был бы не прочь. Она хорошая женщина и не нуждается в этом дерьме.

— Да, я была в безопасности, его вывели вон. Это нормально, такое происходит иногда.

— Ты точно в порядке?

— Да, я в порядке. Спасибо, что донес меня. Я должна приложить лед.

— Да, доброй ночи.

— Спасибо, — она открывает дверь и ковыляет внутрь. Прежде, чем девушка закрывает дверь, я зову ее.

— Эй, Кортни, — она просовывает голову в щель и поднимает брови. Я делаю глубокий вдох, прежде чем сказать:

— Дай мне знать, если тебе что-нибудь понадобится.

— Хорошо, спасибо, — потом она закрывает дверь и исчезает в своей половине дома, а я иду в свою.

«Какого черта я делаю?»

Глава 2

Кортни

— Черт, — я прислоняюсь к двери и кладу руку на быстро бьющееся сердце. Мускулистый и загорелый, и глаза, эти удивительные ледяные-голубые глаза, которые выглядят по-настоящему обеспокоенными.

— Привет, Корт, — я киваю головой, и мои мысли рассеиваются. Рядом стоит и улыбается моя подруга, а так же одна из моих няней, Мона. Она была стриптизершей в «Клубе X». Самое отстойное название стрип-клуба, о котором я когда-либо слышала, но Тони, его владелец, говорит, что «X» означает отмеченное место. «И что бы это могло значить?»

Мона окончила колледж и ушла из стриптиза в тот же день, когда получила степень. Теперь она дипломированная медсестра и моя ближайшая подруга.

— О, нет. Что с тобой случилось? — она бросается ко мне и тянется, осматривая мое лицо. Я одёргиваю ее руки.

— Стоп, я в порядке.

— Нет, ты не в порядке. Черт возьми, что случилось? — она кладёт мою руку на свое плечо и ведёт меня к дивану. Затем нежно тянет меня вниз и укладывает мою ногу на подушку.

— Догадайся.

Мона шуршит на кухне и спустя мгновение возвращается с пакетиком льда и аптечкой.

— Ну, я думала, Тони нанял больше охранников, нет?

— Так он и сделал, — я вздрагиваю, когда усиливается давление на моей поцарапанной

щеке, из-за того, что Мона приложила к ней лёд.

— Я прислонилась к столу, чтобы парень выпил рюмку с моей груди, а когда он наклонился, то схватил меня за сиськи. Я попыталась отстраниться, но стол опрокинулся и упал. Каким-то образом я вывихнула ногу и порезала лицо.

— О, Корт. Почему ты позволяешь им делать это? Я ненавидела быть ниже сцены. Там парни ведут себя хуже, чем пока ты танцуешь на шесте. Там они думают, что могут все время лапать нас.

— Потому что каждый раз, когда я это делаю, то зарабатываю пятьдесят баксов, — она посылает мне сочувствующую улыбку и качает головой в знак понимания.

— Как Бен?

— Хорошо. Он не мог перестать говорить о Сэме. Постоянно повторяет, что он крутой парень.

«И крутой, и сексуальный».

— Дети.

Я потираю виски.

— Ты можешь дать мне Тайленол?

— Уже, — она протягивает мне таблетки, и я хватаю открытую бутылку воды со столика, чтобы проглотить их.

— Бен тянется к нему. Я знаю, что Сэм хочет быть хорошим, но это в скором времени начнет его раздражать. Каждый раз, когда Бен бежит к нему в гараж, я иду и говорю ему, чтобы он оставил Сэма в покое, но тот всегда говорит: «Все в порядке, Кортни, он не мешает мне».

— Я видела этого парня пару раз. Он ведет себя, как осёл и горячая задница, но он же не единственный мужчина, чтобы бегать вокруг него, просто оглянись.

— Он не осёл.

«Сэм добрый и милый. Он играет с Беном и помогает мне. Он не осёл, в нём есть все что я хотела бы видеть в мужчине».

— Все, что я хочу сказать, так это то, что если бы он не хотел, чтобы Бен был с ним, то не позволил бы ему остаться.

— Возможно, — мы одновременно зеваем и смеемся.

— Ты останешься здесь или собираешься вернуться домой?

— Я пойду домой.

Я встаю и прыгаю к двери, опираясь на стену для поддержки.

— Что ты делаешь? Вернись обратно.

— Мне нужно закрыть дверь.

— Как, черт возьми, ты добралась до дома?

— О, умм, — мое тело наполняется теплом, когда я думаю об этом. — Сэм помог.

— Что? — восклицает Мона. — Рассказывай, подруга.

— Ничего такого. Он провожал машину своего последнего завоевания, когда увидел меня без сил, взял и понес меня вверх по лестнице, — я пожалала плечами, словно это ничего для меня не значит, хотя мое тело горело в его руках.

— Ничего такого? — подруга останавливается в дверях и потирает руки. — Я уверена, что он хорошо пах. Я всегда представляю его хорошо пахнувшим.

Смеясь над ее словами, я киваю.

— Действительно, думаю, он пах как-то по-мужски. Не похоже на дешёвый одеколон,

как у парней в клубе. Это было что-то освежающее.

— Вкуснятина. Как он нес тебя? Как новобрачную? Или он перебросил тебя через плечо?

— Свадебный стиль, — я вздыхаю.

— Ухх, — она хлопает в ладоши и подпрыгивает.

— Стоп, как я сказала, это ничего не значит.

— Как скажете, леди, — она закатывает глаза и поворачивает ручку двери. — Позвони мне завтра.

— Хорошо. Спасибо за помощь.

Я запираю дверь, надев цепочку для дополнительной предосторожности. По пути к спальне, я беру пакет со льдом и хромаю к комнате Бена. Я подглядываю через щелочку в двери за моим маленьким мальчиком. Я бы хотела проводить с ним больше времени, но так как мне нужно платить по счетам, то я должна больше работать.

Наконец-то я добираюсь до «святилища» — своей комнаты, раздеваюсь и падаю лицом на поролоновый матрас — это единственная вещь, которую я купила для себя. Мысли о безопасных и надежных руках Сэма, усыпляют меня.

Раздражающее чириканье птиц будит меня от беспокойного ночного сна. У Сэма есть огромные деревья в центре двора, и как бы красиво это ни было, я хотела, чтобы их там не было, и я могла бы просыпаться не так рано.

Перевернувшись, я смотрю на будильник и ахаю, когда вижу, что уже 8:49. Сегодня суббота, так что Бену не надо идти в школу, но он обычно просыпается до семи. Я подрываюсь с кровати и взвизгиваю, когда нога ударяется о пол. Я забыла о ней.

Осторожно я иду в комнату к сыну, так быстро, как только могу, и радуюсь, что у меня есть возможность разбудить его в это утро. Обычно это он всегда заходит в мою комнату и прыгает на кровати, так что это будет весело. И хотя я не могу сейчас запрыгнуть на его кровать, но могу зашекетать его.

Когда я добираюсь до комнаты Бена, то обнаруживаю, что дверь открыта, а его кровать пуста. Вы знаете это чувство тошноты, когда ваш желудок находится в горле? Именно это я чувствую прямо сейчас. «Что-то не так».

— Бен! Бен! — кричу я, бегая по дому.

Миллион мыслей проносится в моей голове, а сердце уходит в пятки. Адреналин прогоняет пульсирующую боль из ноги, а я опираюсь на стену, когда вижу стул у открытой входной двери.

— О, боже.

Я бегу к лестнице и кричу:

— Бенджамин! — перепрыгиваю через ступеньки, бегу и зову своего сына.

Когда я поворачиваю за угол, Сэм выходит из гаража.

— Корт.

— Бен! — кричу я. — Он пропал!

Только тогда я замечаю светловолосую головку Бена возле ноги Сэма. Облегчение затапливает меня, и я опускаюсь без сил на землю и делаю несколько глубоких вдохов, чтобы не упасть в обморок. Мои руки трясутся, когда я вытираю слезы со своих щек. Бен бежит ко мне и падает на колени рядом.

— Прости, мамочка, — он знает, что вляпался. У меня сейчас нет сил, чтобы кричать на

него; все, что я знаю, — мой ребенок в безопасности. Я прижимаю его руки к своей груди и плачу.

— Я просто хотел поиграть с Сэмом, — его голос тихий и неуверенный.

— Почему бы тебе не пойти и не собрать свои инструменты, дружище? — я смотрю на Сэма, забыв, что он все еще здесь. Сочувствие отражается на его лице.

Бен кивает ему, прежде чем поцеловать меня, и уходит в гараж, чтобы забрать свои вещи.

— Кортни, прости. Он сказал, что ты знаешь, где он.

— Это не твоя вина, — я не могу перестать плакать.

Это самое ужасное чувство в мире — не знать, где твой ребенок. Это разрывает тебя на части и ставит под сомнение всю твою жизнь за доли секунд. Это ужасно.

Бен возвращается со своими пластиковыми игрушками, и Сэм ерошит его волосы.

— Почему бы тебе не вернуться в свою комнату и не подождать свою маму там для разговора?

— Ладно, — Бен опускает голову, и пока он не ушёл, Сэм садится на корточки на уровне его глаз.

— Никогда больше не покидай свой дом без разрешения матери.

— Ладно, — его губы дрожат от строгого голоса Сэма, и он убегает в дом.

Сэм встает и запускает свои руки в волосы. Я даже задерживаю дыхание, когда слышу его рык.

— Бл*дь, я чувствую себя мудаком.

— Это не твоя вина. Он подставил стул к входной двери, чтобы снять цепочку с петли. Он знает, что не должен делать этого, — Сэм стоит спиной ко мне.

Адреналин отступает, и теперь я чувствую, как моя лодыжка пульсирует. Я смотрю вниз и замечаю, что я в шортах и майке. Мое лицо вспыхивает.

Сэм поворачивается, и его глаза устремляются вниз на мое тело. Я прикусываю свою губу, когда его взгляд возвращается обратно к моему лицу, он делает шаг вперед и проводит пальцем по моей щеке.

Я думала, что быть в его объятьях прошлой ночью было жарко, но быть объектом его желания, это как попасть в эпицентр пожара. Прошло почти шесть лет с тех пор, как какой-либо мужчина прикасался ко мне, не считая тех мужиков в клубе. Я опираюсь на его руку, и он, отступая, помогает мне встать.

— Дерьмо, — я ругаюсь и прыгаю на месте, пока Сэм придерживает меня своими сильными руками за плечи. Затем он разворачивается и уходит в дом, оставив меня в покое.

Сэм

«Какой же я дебил. Я должен был догадаться, а не верить пятилетнему ребенку. Особенно, когда он в пижаме — Кортни никогда не выпускает его в ней. Какого хрена я делаю? Она мой арендатор, а Бэн — ее сын. Вот именно. Черт, ее тело. Я никогда в своей жизни не видел более совершенной фигуры в форме песочных часов. Я хочу разорвать её одежду, толкнуть на землю и трахать до потери пульса».

«Бл*дь, я не могу сделать этого. Я не могу начать заботиться о ней. Она просто женщина. Великолепная и сексуальная женщина под запретом, к которой я не имею права прикоснуться. Но ее кожа такая мягкая...»

Кортни милая и добрая, и мне это нравится.

Я хватаю ключи и выхожу из своего дома. Сейчас только девять утра, и я не знаю, куда я еду. Лишь бы куда-нибудь подальше отсюда.

— Вы можете сделать букет из дюжины красных роз?

— Конечно, вам нужна ваза? — спрашивает веселая девчонка за прилавком.

— Нет, только цветы.

— С вас сорок баксов, — я протягиваю ей деньги в обмен на мои цветы.

Приехав на кладбище, я смахиваю скошенную траву и грязь с таблички, затем устанавливаю цветы. Стелла Монро — имя моей матери. Я был обречен с самого начала. Она умерла, когда рожала меня, и мой отец часто любил напоминать мне, что я убийца. Не нужно говорить, что мое детство не было веселым. Хотя все завидовали мне. Мой отец богат, он отличный адвокат, на самом деле, самый лучший. Это правда, ведь он умеет врать. Он прикидывался скорбящим вдовцом и любящим отцом-одиночкой. Люди не видели, как входили и выходили шлюхи из нашего дома и следы от ремня на моей спине.

Родители моей матери знали, что мой отец был мудаком, и пытались получить опеку надо мной, и то, что он сделал с ними в суде, было ужасно. Я читал протоколы судебного дела после их смерти. Он сделал так, чтобы их считали старыми, недееспособными маразматиками, приводя в доказательство выдуманные показания свидетелей во время суда.

Я едва знал их, хотя они присылали открытки на все праздники. Интересовались моими делами в школе и тем, что мне нравилось. Я молился, что в один прекрасный день они придут и заберут меня.

Я сижу перед могилой своей матери и смотрю на ее имя. «Какой была бы моя жизнь, если бы она выжила? Защищала бы она меня от жестокости отца? Он всегда был такой сволочью? Он бил и ее тоже?»

Я всегда молчу, когда прихожу сюда, потому что не знаю, что сказать. Мама родила меня, но с небес на меня она не смотрит.

Не только мне приходилось жить с гневом моего отца, но, по той или иной причине, всем, кто встречался в моей жизни. Будь то необходимость достать наркотики, деньги или секс.

Да, я был плохим ребенком. Это был единственный способ сказать отцу: «Пошел ты!». Я быстро узнал, что есть люди, даже более эгоистичные, чем я. Которые дружат с тобой только тогда, когда им что-нибудь нужно от тебя.

Вставая, я стряхиваю пыль со своих джинсов и вспоминаю про визитку в кармане. Я вытаскиваю ее, и прежде чем сесть в машину у меня есть адрес жаждущей киски. «Чертовски охрененно».

— Не думала, что ты так скоро позвонишь, — Лиза сидит на крыльце и бросает недокуренную сигарету в кусты.

— Я тоже.

— Плохой день? — она склоняет голову и упирается руками в бедра.

— Можно сказать и так.

— Хочешь поговорить об этом?

— Нет.

— Хорошо, я не болтушка, но думаю, что это правильный выбор, — она пожимает плечами и заходит в дом, оставляя дверь открытой, чтобы я следовал за ней.

К тому времени как я закрыл дверь и вошёл в дом, она уже сидела голая на подлокотнике дивана, в ожидании меня.

Глава 3

Кортни

— Спасибо, Мона. Я действительно ценю это.

— В любое время, мне нравится быть с ним. Мы пойдем на ланч, а после полудня я свожу Бена в кино. Завтра, после всего этого, я верну его тебе.

— Отлично, — я обнимаю ее и раскрываю свои руки, чтобы обнять Бена. Он подбегает к дивану и дает мне обнять себя. Я не провожу с ним достаточно времени, потому что много работаю, а теперь ещё и это. Просто, черт возьми, «Мать года», которая не может присматривать за своим ребенком, потому что повредила лодыжку в стрип-клубе. Независимо от улучшения после отдыха прошлой ночью нога заболела снова, когда я прыгнула с крыльца сегодня утром. Мона думает, что это просто вывих. Конечно, единственный способ узнать наверняка — сделать рентген, но у меня нет денег, чтобы оплатить страховку.

— Я приготовила макароны с сыром на ужин, они в микроволновке.

— Уже взяла.

— Отдыхай. Приложи лед и выпей ибупрофен. Увидимся завтра, — кричит Мона.

— Пока, мамочка.

— Пока, Бен. Люблю тебя.

— И я тебя.

Я вытираю слезу, когда Мона захлопывает входную дверь. Эмоции за последние сутки устроили беспорядок в моей голове. Я люблю своего сына и стараюсь делать всё для него, что, к сожалению, включает и унижение себя. Работы продавца в продуктовом магазине недостаточно, чтобы обеспечить нас всем необходимым, включая еду, арендную плату и прочее.

Я сомневаюсь в своих решениях каждый день, но знаю, что в конечном итоге, дополнительная работа официанткой в стрип-клубе — мой единственный вариант. И когда я подумала, что потеряла Бена сегодня утром... Я бы не смогла жить без него. Он — мой мир. Даже если ему всего пять.

Но мне до сих пор одиноко.

Я хватаю бутылку вина и иду на крыльцо. Мона принесла мне костыли, и я использую один, помогая себе идти.

Общая веранда в хорошем состоянии, как и все в доме Сэма. Он хорошо проделывает работу по уходу за своим домом. Мне повезло с ним, как с владельцем. Не мешает и то, что при всем этом он великолепный мужчина, собранный и сексуальный.

Вздыхнув, я сажусь на качели, открываю бутылку и делаю глоток вина. Алкоголь сразу же растекается по моим венам, так как я редко пью. Решив, что прошло достаточно времени, я набираюсь от жидкости из бутылки храбрости, беру телефон и звоню.

— Привет?

— Привет, мам.

— О, Кортни, привет, — её голос не так разочарован, как я предполагала. — Как ты, дорогая? Как Бенджамин?

— Все в порядке, он начал играть в бейсбол. Он счастлив, и я счастлива, — о последнем я лгу.

— У вас достаточно денег? Ты можешь подать на его отца в суд, ты ведь знаешь?

Сейчас мы снова начинаем с того момента, как я узнала, что беременна, и Мэтт, отец Бенджамина, не захотел иметь с нами ничего общего. Он обозвал меня шлюхой и шалавой. Сказал, что нет ни единого шанса, что ребёнок был его, потому что мы всегда использовали презервативы, и после этого выгнал меня из нашей квартиры.

Я не оглядываюсь назад. К черту его. Если он не хочет быть частью нашей жизни, я не собираюсь заставлять его. Мои родители не согласны с этим. Мы ссоримся из-за этого каждый раз, когда разговариваем. Именно поэтому мы разговариваем раз в неделю. К счастью, моя мать не навязчивая. Так что, хотя мы и живем в одном городе, видимся мы раз в месяц.

— Да, я знаю. Но как я уже тысячу раз говорила — мне ничего от него не нужно.

— Ты могла бы, по крайней мере, взять его деньги. Я понимаю, что ты не хочешь делить опеку, но, Кортни, ты могла бы использовать его. Наверняка, работа в продуктовом магазине не обеспечивает тебя достаточно.

Да, мама не знает, что я работаю ещё и в стрип-клубе. Я все-таки борюсь. Я могла бы заработать больше, если бы вышла на сцену, но я достаточно смущаюсь и в роли официантки «Клуба Х».

— Мы должны делать это каждый раз? Мы расходимся во мнениях. Давай просто оставим это, пожалуйста, — я умоляю её, но мне уже все равно, я устала от ссор и споров.

— Хорошо, я должна идти. Ужин готов, и твой папа скоро будет дома.

— Все в порядке. Передай папе, что я люблю его. Пока, мам! — я бросаю трубку, не дожидаясь ответа. И бросаю свой телефон на свободное место рядом со мной.

Я сжимаю бутылку вина и дрожу, поднося её к губам, чтобы выпить еще. Я, может быть, и тридцатилетняя женщина, но отсутствие поддержки моих родителей съедает меня живьем. Они были рядом, когда я забеременела, но при этом мы постоянно ругались, и они оспаривали все мои решения. Так что теперь есть просто я и Бен. Одни.

Проходит время, и солнце садится. Бутылка уже пуста, и я, сильнее запахивая свой халат, ложусь на спину и закрываю глаза, чтобы дать им немного отдохнуть.

— К черту! — гневный шепот пугает меня; я резко сажусь, забыв, что я лежу на неустойчивых качелях. Поэтому, теряя равновесие, падаю, ударяясь головой о деревянные доски.

— Дерьмо. Ты издеваешься надо мной, — говорю я.

Последние двадцать четыре часа не могут стать еще хуже. Потирая свои виски, я отодвигаюсь, чтобы увидеть Сэма, стоящего в нескольких дюймах от меня. Причем на корточках, как он делал сегодня утром, чтобы поговорить с Беном. У меня бегут мурашки по телу, и я становлюсь влажной, когда он пальцами задевает место удара на моей голове.

— Бл*, Кортни. Я чертовски сожалею. Я просто уронил свои ключи, я не хотел тебя пугать, — его губы перестают двигаться, и он наклоняет голову, оценивая меня.

— Все нормально. Я в порядке, — я встаю, и моя лодыжка не болит. — Эй, посмотри на это, — я хватаю его за плечо и вращаю ногой по кругу, — вино действительно делает все лучше.

Слегка спотыкаясь, я падаю на Сэма. Его рука оборачивается вокруг меня, чтобы удержать. Я не отхожу. Наоборот, делаю еще шаг ближе, прижимаясь к его телу. Он такой теплый. И даже через его жесткие мышцы, я чувствую, какой он мягкий... как гигантский, мускулистый мишка.

— Кортни, — строго говорит он и отодвигает меня. Я наклоняю голову, и наши глаза встречаются. Я прикладываю свой палец к его губам:

— Шшш.

Я пьяная, но мне плевать. Я просто хочу чувствовать себя желанной, хотя бы на одну ночь. Схватив его за футболку, я тянусь и прикасаюсь своими губами к его. Сэм колеблется и делает шаг назад.

— Нет, я не могу, — из-за его отказа, слезы наворачиваются мне на глаза.

— О, ладно. Я все понимаю.

«Я не достаточно хороша и никогда не буду. Интересно, почему я не удивлена?»

— К черту, — он хватается мое лицо, заставляя посмотреть на него, в его глазах мелькает сожаление. — Ты не хочешь меня, — говорит он очень медленно.

— Это нормально, я все понимаю, — чувствуя унижение, я вырываюсь из его рук и разворачиваюсь. Мне нужно попасть в дом. Внезапно Сэм прижимается всем телом ко мне сзади. Я оказываюсь зажатой между ним и дверью.

— Нет, ты не хочешь «этого». И именно поэтому я не могу, — рычание вибрирует в его горле, когда он сжимает мои бедра, прежде чем наклониться к моему уху и угрожающе прошептать: — Это то, что делаю я. Ты хочешь большее, чем это. Я не в состоянии дать больше, чем просто трах, Кортни, — Бог ты мой, его голос настолько ровный, что посылает мурашки по моей коже.

Поворачиваясь к нему лицом, я тычу в его грудь пальцем. Алкоголь все ещё течет по моим венам и придает мне мужество.

— Как ты смеешь? — он делает шаг назад, но я следую за ним. — Ты совсем не знаешь меня. Ты не знаешь, чего я хочу. Может быть, это все, что мне нужно. У тебя есть куча женщин на ночь, какая разница, если твоя «киска на ночь» живет по соседству? — я вру, на самом деле, не желая обычного перепиха. Я хочу взаимности во время занятия любовью. Я хочу, чтобы вместе со мной радовались и разделили ужин. Одним словом, мне нужен постоянный партнер.

Сэм смеется, дерзкий засранец, просто смеется надо мной:

— Ненавижу отказываться, но я только что вернулся от киски. Я не слишком требователен к «свободным кискам», но, — он пожимает плечами, — не гадь там, где живешь, леди. Поверни свой прекрасный зад и зайди внутрь. Тебе. Не нужно. Хотеть. Меня.

Он спускается вниз по ступенькам без лишних слов и скрывается в своей машине. Я до сих пор в шоке от его выходки, просто смотрю с широко раскрытыми глазами на то, как задние фонари его грузовика исчезают.

Его слова заставляют меня вернуться в дом и изменить свое решение. «К черту его. Я все-таки женщина. Я устала позволять парню влиять на мое счастье. Мэтт был единственным моим парнем. До него у меня было еще двое мужчин, которые контролировали мою жизнь. Так что я научилась на своих ошибках. Я сделаю то, что делает женщина хоть раз в своей жизни. Я пойду в бар и приведу с собой пьяного парня, и у нас будет ночь ничего незначущего секса».

Копаясь в своем шкафу, я достаю короткую джинсовую юбку и обтягивающую черную

майку с глубоким вырезом. Моя рабочая обувь единственная из всего, что у меня есть на высоких каблуках, так что я проскальзываю в четырёхдюймовые шпильки, наношу красную помаду и тушь для ресниц.

Уже через десять минут такси, которое я вызвала, высаживает меня на полупустой автостоянке. У меня появляются сомнения, что мой минутный порыв продлится до утра. «Какого черта я делаю? Идиотка». Слезы снова собираются у меня в глазах. Вместо того чтобы сдержать их, я присаживаюсь на землю и позволяю им литься.

«Это не поможет мне, чтобы чувствовать себя нужной. Конечно, в первую очередь я — мать, но все-таки я еще и женщина. Я всего лишь хочу разделить свою жизнь с тем, кто будет любить меня, а не убегать вместо этого от того, кто считает, будто лучше знает, чего я хочу».

Чьи-то шаги пугают меня, и мое сердце начинает быстро стучать. Я одна на стоянке посреди ночи, одетая как проститутка. Шаги становятся громче, и прежде чем я успеваю закричать, успокаивающие слова Сэма, заставляют меня зарыдать еще сильнее:

— Малыш, не плачь.

Он наклоняется и подхватывает меня на руки. Я охотно держусь за него, зная, что он хороший человек. Он бы никогда физически меня не обидел, эмоционально же — с этим можно поспорить. Сэм сажает меня на переднее сиденье своего грузовика, и я пытаюсь успокоиться, чтобы спросить, куда он меня везет.

— Я отвезу тебя домой.

— Сэм, я...

— Стоп. Просто позволь отвезти тебя домой.

Молча согласившись, я удерживаю свой взгляд на его профиле. Его лицо остается невозмутимым, а мне так хочется, чтобы он что-нибудь сказал. Я видела проблески эмоций, скрываемых за его маской. Он что-то чувствует, хотя и не желает говорить об этом.

Когда грузовик подъезжает к парковке возле дома, я выпрыгиваю из него и иду к дому. Когда открываю свою дверь, Сэм не останавливает меня, хотя и идет позади. Но прежде, чем я успеваю закрыть дверь, рука мужчины удерживает её. Сквозь образовавшуюся щель я спрашиваю:

— Что, Сэм? Ты ясно дал понять, что не хочешь меня. Я не знаю, о чём думала, когда пошла в бар. Это была плохая идея, и я благодарна, что ты был там, прежде чем я сделала что-нибудь глупое. Давай просто притворимся, что ничего не произошло.

Дверь приоткрывается, и я вижу его напряженное лицо.

— Ты думаешь, что я не хочу тебя? Да? Ты думаешь, моему члену не тяжело? Думать о тебе в той желтой майке и трусиках, в которых ты была утром, — он заходит, закрывает дверь и прислоняется к ней головой. — Ты думаешь, что, увидев тебя в стрип-клубе, я могу не думать о твоих больших сексуальных сиськах?

Я ловлю ртом воздух, и он опускает голову.

— Да, я почувствовал тогда, как ты прижалась своей грудью к моей спине в клубе и предложила выпить шот.

— Это был ты? — действительно, что-то было знакомое той ночью.

— Да, и когда я сегодня ушел...

— Почему?

— Я уже говорил тебе, — он вскидывает руки вверх и издает вздох разочарования.

— Да, я помню, ты же не хочешь меня, — смеясь, я снимаю каблуки, — но ты же последовал за мной в бар и утешал, когда я плакала.

— Я не следовал за тобой в бар, я уже был там, когда ты вышла из такси, — он пожимает плечами.

— Несмотря на то, что ты выступаешь себя бессердечной сволочью, которая не имеет чувств, я вижу тебя, Сэм. Я вижу, как твои глаза смягчаются, когда ты смотришь на Бена. Если бы ты был так бессердечен, как говоришь, то трахнул бы меня час назад.

Замешательство появляется на его лице.

— Я никогда не говорил, что я бессердечный. Я мудака. Я эгоистичный мудака. И я никогда не смогу предложить больше, чем это.

— Я никогда не говорила, что хотела большего, — утверждаю я. — Когда ты вытирал слёзы с моего лица этим утром, это был первый раз, когда кто-то касался и утешал меня после беременности, — я прочищаю горло, продолжая говорить. — Но ты прав, я хочу большего. Мне нужен мужчина, настоящий мужчина, который будет поддерживать меня, и очевидно, что это не ты.

— Я говорил это, — шепчет Сэм, почему-то сейчас он стоит прямо передо мной.

Я киваю, соглашаясь. «Я бы сожалела об этом утром. Я не такая девушка. Я не сплю, с кем попало. Я не смогу так. Я была только с тремя мужчинами в своей жизни. И со всеми у меня были длительные отношения».

— Мое одиночество сильнее меня сегодня. Прости, что ты попался, — одинокая слеза сбегает по моей щеке, и он протягивает руку, чтобы поймать ее.

— Я не хочу видеть, как ты плачешь.

— Я и сама не поклонник этого, — неловкое молчание повисает в воздухе, и я переминаюсь с ноги на ногу.

— Спасибо, что отвез меня домой. Я бы никогда не вошла в тот бар.

Он убирает мою выбившуюся прядь волос за ухо, проведя пальцами по щеке.

— Я знаю, — он прижимается губами к моему лбу и, прежде чем уйти, говорит, чтобы я заперла дверь.

Глава 4

Сэм

Три недели я избегал Кортни. Я обязательно уходил, когда она возвращалась со своей смены в продуктовом магазине, которая, как я знаю, заканчивается в семь тридцать. Несколько недель назад я мог оттрахать ее прямо у входной двери. Я мысленно пинаю себя каждый раз, когда думаю о том, что мог бы взять ее. И, бл*дь, Лизе не обуздать мои потребности. Это просто безумная, дикая одержимость погрузиться и попробовать Кортни.

Представьте мое удивление, когда в четыре тридцать я ставлю пиво и курицу на конвейер в магазине у Кортни. И клянусь, если ублюдок впереди не отойдет от нее, я оторву его чертову башку.

Только по его костюму и галстуку, я могу предположить, что он относится к богачам офисного типа. Его вино, французский хлеб и сыр помогли в решении уравнения. Он наклоняется над аппаратом для кредитной карты дальше, чем это необходимо. Голова Кортни остается опущенной, пока она заканчивает операцию. Ей явно некомфортно.

— Простите? Вы не пропустите меня вперёд? У меня только два товара, — спрашиваю я пожилую женщину передо мной.

— Конечно, проходите, — я киваю в знак благодарности и обхожу ее. В руках Кортни

сдача мудака, а его рука находится в ее кудрях. Теперь я понимаю её, когда до меня доносится:

— Пойдем, малышка. Ты сможешь оставить сдачу себе, если встретишься со мной в подсобке. Я буду быстрым, обещаю.

В последний раз я чувствовал себя таким злым, когда увидел порез на ее щеке. До этого никогда. Она что-то делает со мной, и я не уверен, что мне это нравится.

— Отпусти ее, — говорю я ему, мои слова сочатся гневом.

Кортни поворачивает свою голову, и я вижу слезы в ее испуганных глазах. Я расправляю плечи и разминаю шею, многозначно смотря на этого ублюдка. «Костюм и галстук» опускает свою руку и дарит мне самодовольный взгляд.

— В любом случае, она — шлюха, — огрызается он.

Я зажмуриваю глаза и думаю, как отслежу его, когда он выйдет из магазина. Наконец, когда я оборачиваюсь, чтобы убедиться, что Кортни в порядке, неожиданный удар пронзает мою грудь и оседает болью в животе.

Слезы скатываются по ее щекам, пухлые губы приоткрыты, она пытается контролировать свое дыхание.

Я неловко смотрю на женщину позади меня. Она читала журнал, так что не видела, что произошло. Снова поворачиваюсь к Кортни и спрашиваю у нее:

— Ты в порядке? Он был засранцем.

Она качает головой и вытирает лицо:

— Да, был. Спасибо, — быстро вытирая руки о свой смешной зеленый фартук, который ей приходится носить, она быстро хватает мои покупки, чтобы пробить их.

— Семнадцать сорок девять, — я скольжу своей картой по аппарату, не отвечая ей, потому что, действительно, что я могу сказать? Она отрывает чек и запикивает его мне в пакет. Я хватаю его и ухожу, но не раньше, чем оборачиваюсь через плечо, чтобы увидеть, что она смотрит на меня.

*

Фары на секунду размывают мой взгляд, когда в полночь машина Кортни подъезжает к дому. Я бы соврал себе, если бы сказал, что не жду ее. Почему? Черт возьми, я не знаю. Я никогда раньше не чувствовал себя собственником по отношению к женщине. А женщина с ребенком? Я избегаю их, как чумы. Это просто еще одна сложность, которая мне не нужна, даже если ее ребенок — самый крутой пятилетка, которого я когда-либо встречал.

Кортни открывает заднюю дверь машины и вытягивает спящего Бена. Затем захлопывает дверцу своим коленом и направляется по тропинке к входной двери.

Она спотыкается и резко останавливается, увидев меня.

— Привет, — шепчет девушка.

— Привет, — я беру ключи из ее руки и открываю дверь. Зайдя к ней, я включаю свет в прихожей.

— Спасибо. Я скоро вернусь, — я наблюдаю, как ее изящная попка исчезает вверх по лестнице, и со стоном втягиваю и выпускаю воздух из лёгких. Ее тело абсолютно идеальное.

Я не был здесь с тех пор, как они переехали, но тогда я был в роли хозяина. У меня занимает пять минут, чтобы осмотреться. У Кортни дом декорирован в пляжном стиле. Комната, где мои бабушка и дедушка обедали за столом, теперь стала игровой, и Кортни перекрасила стены на кухне в ярко-желтый цвет. Я просматриваю фотографии на стене и

смеюсь над той, где у Кортни глазурь размазана по всему лицу.

— Это было в прошлом году, — её мягкий голос слышится через гостиную, я поворачиваюсь к ней лицом. — День рождения Бена, Мона подсказала ему эту идею.

— Это забавно, — Боже, я превращаюсь в тёлку.

Мои руки прижимаются к бёдрам в карманах джинсов, и я раскачиваюсь на каблуках своих ботинок.

— Что случилось? — спрашивает она. Ее голова наклоняется, и девушка скрещивает руки на груди в защитном жесте.

— Просто хотел убедиться, что ты в порядке...

— Да, — она прерывает меня, кажется, раздраженно. — Я в порядке.

— Хорошо, тогда я пойду, — моя рука ложится на ручку, когда я останавливаюсь от ее слов.

— Я ненавижу это. Я ненавижу свою работу. Ненавижу, что не могу уложить своего ребенка каждую ночь в постель. Я ненавижу, что все время одна. И я ненавижу, что второй раз за месяц ты видишь меня в худшем состоянии, — когда я начинаю говорить, она поднимает руку, чтобы остановить меня. — Я беру свои слова обратно. Три раза. В клубе, когда я набросилась на тебя, а затем вечером. О, господи! — она выдирает заколку из волос и плюхается на диван.

— Ты, наверное, думаешь, что я полный псих, — говорю я.

— Нет, я не знаю тебя. И я бы хотела не желать этого, — она грызёт ноготь большого пальца.

— Ты хочешь знать, но не хочешь желать.

— Да.

— О.

Тщательно выбирая свои слова, я говорю ей:

— Я хочу тебя. И я, честно говоря, не уверен, это из-за того, что я знаю, что ты будешь хорошей любовницей или из-за того, что я не могу получить тебя, — моя прямота не пугает ее.

— Почему ты не можешь получить меня?

— Я не могу получить тебя, потому что не могу тебе дать то, что вам нужно, — она встает и случайно задевает своей грудью мой живот.

— И что, по твоему, мне нужно?

— Больше, чем несколько часов, — слабая улыбка появляется на ее губах.

Ее крошечное запястье оказывается в моих руках, когда я беру его, чтобы поцеловать ее ладонь, прежде чем мягко толкаю девушку обратно на диван и, подходя к двери, я говорю:

— Я не знаю, почему, черт возьми, я пришел сюда.

Я думал, какого хрена? Я что, стал благородным и упаду к ее ногам? Я не беспокоюсь о женщинах. Я не беспокоюсь ни о ком, кроме себя. Но по какой-то чертовой причине, которая осталась от моей совести, той, что перевешивает мой член, меня тянет к ней.

— Ты прав, Сэм, — Кортни садится на колени на диване и накручивает прядь волос на палец, — я хочу большего, но иногда кажется, что это никогда не произойдет, и я никогда не найду хорошего мужчину. Даже интересно, зачем я это сказала.

Мысль о ней с каким-нибудь другим парнем раздражает меня. Я хочу просто трахнуть ее и покончить с этим. Вытрахать ее из моих мыслей, прежде чем она найдет хорошего мужчину. Я сжимаю кулаки, представляя, как она раскрывается и стонет для кого-то

другого, как они кончают вместе.

— Тебе лучше уйти, — заканчивает она шепотом.

— Скорее всего, — только ноги не хотят двигаться, хотя мозг знает, что мне нужно уйти.

Может, она и не понимает, но Кортни подает мне все сигналы. Мягкий голос, приподнятая грудь, накручивание волос на палец. Я знаю, что если прямо сейчас не уйду, то сделаю то, о чем она будет сожалеть. Я не буду жалеть об этом, но она будет.

Девушка встает и медленно подходит ко мне, каждое покачивание ее бедер, как вызов для моего члена.

— Мне нужно запереть дверь после того, как ты уйдешь.

На ней черные брюки и рабочая уродливая зеленая рубашка поло, и она не понимает, как чертовски сексуально выглядит. Ее волосы спадают на плечи, и мне интересно, они такие же мягкие, какими и выглядят?

— Мне нужно уйти, — она молчит, но кивает. Ее грудь поднимается с каждым вздохом. — Прикажи мне уйти, — когда она не отвечает, я протягиваю руку, чтобы коснуться ее волос, и делаю шаг ближе, проиграв битву. Я сдвигаю руку на ее щеку, поглаживая.

Нежная, мягкая, гладкая, приятная.

— Она нежная, другая часть такая же нежная, Кортни? — я не могу контролировать своё тело, когда моя рука скользит по ее плечу от груди и опускается ниже ее живота. Глядя на меня жаждущим взглядом, она кивает, пока мои пальцы играют с поясом ее брюк.

Моя другая рука, скользящая под ее рубашку, присоединяется к веселью. Я приподнимаю чашечку ее бюстгалтера и не могу удержаться от стона, когда ее большая грудь оказывается в моей жаждущей руке. Кортни жадно втягивает воздух и хватается за мои плечи.

— Иисус, это приятно, — я осторожно толкаю её на пару шагов назад так, чтобы ее спина прислонилась к стене.

— Подними рубашку, я должен это увидеть, — я пощипываю ее соски, и она стонет, делая мой член еще тверже. Я вдавливаю свое колено между ее бедер и раскрываю их.

Когда она обнажает свою грудь для меня, я не теряю времени. Я сосу, лижу и покусываю каждый сантиметр ее самых идеальных сисек, которые я когда-либо видел.

— Боже, Сэм, — ее пальцы грубо хватаются за мои волосы, и она притягивает свой рот к моему. И я, кажется, уже обожаю его. Мне нравится чувствовать ее губы на своих. Я обычно не целуюсь, когда трахаюсь. Это слишком интимно. Но после того как она напугала меня на крыльце, я понял, что пропал, мне нужно попробовать вкус ее губ.

— Ты уверена, что хочешь этого? — я отстраняюсь от нее и наклоняюсь, чтобы спустить свои джинсы и боксеры до колен.

— Да, — она расстегивает свои брюки, и уже через секунду я начинаю трахать ее пальцами.

— О, Боже!

— Бл*дь, детка. Ты тугая, — я добавляю третий палец и, клянусь, что сам едва не кончил в штаны. Скользящая, горячая... ее киска сводит с ума... ожидание убивает меня.

— Я не могу дождаться, когда окажусь внутри тебя.

Она срывает с меня рубашку и стягивает свои брюки полностью, я скидываю свои джинсы и беру презерватив из бумажника.

Раскатываю латекс по своему члену и наслаждаюсь, наблюдая, как извивается Кортни. Ее щеки покраснелись, и красные следы от моих пальцев и губ покрывают всю её грудь. Некоторые из них останутся там в течение нескольких дней, и какая-то часть меня рада этому. Если она будет работать в клубе «Х», я хочу, чтобы эти ублюдки видели мой след на ней.

Я хватаю ее за задницу и поднимаю вверх, прижимая ее плечи к стене. Провожу пульсирующим кончиком члена по ее складочкам, пока ее соки смазывают меня достаточно, чтобы войти в нее на несколько сантиметров. Она кусает мое плечо и цепляется в мою спину ногтями. Кортни очень тугая и ощущается чертовски приятно, она чувствуется просто о*уено.

— Дерьмо, с тобой все в порядке? — она кивает, но это не тот ответ, который я хочу. — Ты должна смотреть на меня, когда мой член в тебе. Мне нужно знать, что ты со мной, — я всегда этого избегал, но сейчас мне нужно видеть ее глаза. Это чертовски заводит, когда смотришь ей в лицо.

Она поднимает голову и прижимает свой лоб к моему, убедившись, что мы смотрим друг другу в глаза. И, черт возьми, мой член становится еще твёрже.

— Прошло много времени, после моего последнего раза, но сейчас я в порядке. Пожалуйста, просто трахни меня.

Мы продолжаем смотреть друг на друга, слушая сбивчивое дыхание. Я снова трусь кончиком члена, после чего резко и глубоко погружаюсь в неё, по самые яйца. Она громко стонет, и я делаю это снова. Сохраняя тот же ритм, я трахаю ее так долго, как могу, потому что, безусловно, это самая лучшая киска, внутри которой я когда-либо был.

Кортни сжимает меня внутри, пот течёт по моей спине. В этот момент я вытаскиваю свой член и не двигаюсь.

— Обьезди мой член, позволь мне посмотреть на твою киску в действии, — её тело дрожит.

Она скачет на моем члене как гребаный чемпион, бл*дь, ее задница сжимается, каждый раз, когда я опускаю ее вниз.

Ее губы приоткрыты, дыхание сбилось, щеки покраснели, Кортни смотрит на меня, как чертова порноактриса.

— Черт, детка. Прямо сейчас ты выглядишь так сексуально, — поскольку я держу ее на весу, и мои руки заняты, я хлопаю ее по заднице и прижимаю ближе к себе. — Тебе придется поиграть со свои сосками для меня, — она мягко обводит свое розовые соски и двигает бедрами еще быстрее. Я не могу больше сдерживаться, — сожми их сильнее и трахай меня быстрее, чтобы кончить.

Ее движения ускоряются, она сжимает соски и тянет их. Кортни вскрикивает, я прижимаю ее к стене и врезаюсь в нее сильнее, чем когда-либо. Она кончает, и я изливаюсь в нее. Обычно, когда я трахаюсь, все становится черным и больше ничего не существует. Но в этот раз, я вижу гребаный свет, и меня это бесит. Ее лицо довольное, и она улыбается. Она думает, что это что-то значит, но это ни черта не так.

Я стягиваю презерватив и надеваю джинсы. Не потрудившись взять свою рубашку, я дарю ей жесткий поцелуй, прежде чем уйти.

— Я знал, что с тобой будет приятно трахаться.

Кортни

Я рада, что Сэм уходит и захлопывает дверь, потому что так он не сможет увидеть мое страдальческое выражение, которое я уверена, есть на моем лице. Я не ждала любви и романтики, но я так же и не ожидала, что буду чувствовать себя, словно шлюха. Это больно.

Поскольку я все еще в шоке от самого мощного оргазма в своей жизни, я использую это, чтобы подняться на ноги. В том же состоянии я убираюсь в ванной и проверяю Бена. Когда же оно схлынуло, я залезаю под одеяло, позволяя слезам бежать по моим щекам. Одиночество овладевает мной, и я прячу свое лицо в подушку, чтобы заглушить свою боль. Ненавижу чувствовать себя слабой, как сейчас. Когда я засыпаю, вижу глаза Сэма — такие яркие, именно в тот момент, когда он был внутри меня, и это видение заполняет мой разум, и на какое-то мгновение я подумала, что важна для кого-то, кроме своего сына.

Спустя неделю мы с Моной заканчиваем наш обед, когда я чуть не давлюсь, услышав ее слова:

— Он снова спрашивал о тебе, поэтому я дала ему твой номер, — она уклоняется от салфетки, которую я в нее бросаю.

— Какого черта ты это сделала? Я не хочу, чтобы на меня давили, — кричу я.

— Потому что, — говорит она, размешивая свое латте, — ты моя лучшая подруга уже много лет. И я не могу смотреть, когда тебе больно, — заявляет она мне, в то время как я делаю последний глоток ледяной воды и встаю. Она хватается за руку, когда мы выходим из кафе:

— Нормально — это не показатель эмоционального состояния, это когда тебе больно, одиноко и грустно. И, черт подери, Сэм тоже не помогает в этой ситуации.

— Сэм не имеет никакого отношения к этой ситуации, — я вырываю свою руку и понижаю голос. — Я была одинока до встречи с ним.

— На прошлой неделе ты была похожа на зомби, — перебивает меня Мона, когда я пытаюсь ответить. — Даже не пытайся сказать мне, что ты чувствуешь себя так из-за мудака, который узнал тебя на работе. Это связано с Сэмом, который трахнул тебя, а затем обращался с тобой, как со шлюхой.

Я оглядываюсь, чтобы убедиться, что ее никто не слышал.

— Во-первых, тише. Во-вторых, это не имеет ничего общего с ним, — это ложь, и она знает это. Скрестив руки на груди, подруга бросает мне вызов.

— Отлично, если Сэм тебя не волнует, тогда ты идешь с Кевином на свидание.

— У меня нет времени.

— Ты успела трахнуть с Сэмом.

— Он живет по соседству. Он трахнул меня у стены и ушел. Мы не ходили на свидание, и Бен спал наверху.

— Именно, — все еще не убежденная, она предлагает, — я смогу за ним присмотреть, а вы сможете сходить на настоящее свидание.

Я вздыхаю:

— Мона, ты серьезно? У меня нет времени, — я не вру сейчас, — я работаю в продуктовом магазине пять дней в неделю и четыре ночи в клубе.

— Одно свидание, пожалуйста, Корт. Я никогда не буду пытаться свести тебя с кем-нибудь снова, если ты с ним сходишь в этот раз. Я просто хочу, чтобы ты хорошо провела время, — она надувает свои губки и строит мне щенячьи глазки. Я поднимаю свои руки

вверх в знак поражения.

— Одно свидание.

— Ура, — она хлопает в ладоши и обнимает меня. — Ты действительно понравишься ему, — мы идем к нашим машинам, оставленным за углом, и она рассказывает о Кевине.

— Он по-настоящему хороший. Ещё я знаю, ты увидишь, что он горячий парень.

— Тебе лучше надеяться на то, что он не какой-нибудь свихнувшийся серийный убийца или кто-нибудь еще. Ты ведь не знаешь его.

— Я знаю его достаточно хорошо. Мы работали вместе с ним почти два года. Он физиотерапевт, поэтому мы видимся не каждый день, но обедали вместе тысячу раз.

— Если он такой удивительный, почему бы тебе не встретиться с ним самой? — я облокачиваюсь о свою машину и жду ответа.

Мона крутит ключи. Я завидую ей прямо сейчас. У неё есть приличная работа с перерывом на обед. Простой рабочий халат создают вид профессионала. Мои форменные брюки и зеленая рубашка поло делают меня похожей на прислугу. Мы стараемся встречаться за обедом раз в неделю, но обычно приходится отменять из-за ее работы. Сегодня нам повезло.

— Конфликт интересов. Он сексуальный, смешной и милый, но я не готова идти вперед с ним, — она смотрит на часы. — Мне нужно идти, было весело. Рада, что мы смогли сегодня выбраться.

Прежде чем она садится в свою машину, я ей кричу:

— Одно свидание.

— Есть!

Я выключаю музыку в машине, чтобы можно было спокойно подумать. Сходить на свидание должно быть весело, но я не чувствую воодушевления. Вместо этого мои обязанности затуманивают мне мозг. Я боюсь возвращаться в продуктовый магазин. Как бы я ни ненавидела эту работу, руководство было лояльно к моему рабочему графику и позволяло мне начинать работу раньше, чтобы я успевала забирать Бена из детсада. Он должен опережать программу, но у меня нет никакой возможности, работать неполный рабочий день. Мне нужна не только медицинская страховка, но и деньги. Счета по беременности и родам Бена, все еще не погашены. Я пытаюсь погасить их вместе с долгом по кредитной карточке. Как только я сделаю это, буду в состоянии уйти из клуба. Это будет напряженным моментом, но я не хочу разгуливать с обнаженной грудью больше, чем необходимо. Я хочу быть той, кем мой сын станет гордиться.

Я мчусь за Беном после рабочей смены. Мне нравится слушать, как он рассказывает о событиях, произошедших с ним за день.

— Мам, можно к Люку с ночевкой? — спрашивает он.

— Я не знаю, милый. Возможно. Мне нужно поговорить с его мамой.

— Но его мама сказала, что можно.

— О, да?

— Да, мне Люк сказал, что он ее спросил.

— Ну, мне все равно нужно спросить у нее, — я смотрю на него в зеркало заднего вида и вижу, как он хмурит брови.

— Почему?

— Потому что тебе всего пять лет, и мне нужно поговорить со взрослым.

— Хорошо.

— Дерьмо, — шепчу я, когда подъезжаю к своему парковочному месту возле дома, а Сэм в это время загружает свой грузовик.

Это не первый раз, когда я вижу его с прошлой недели, но это впервые, когда мне нужно пройти мимо него с Беном. В прошлый раз я надела воображаемые шоры и избегала любого зрительно контакта с ним.

— Сэм, — кричит Бен и бежит к нему.

Мужчина ерошит свои волосы и смотрит на меня, как всегда с нечитаемым выражением лица. Я пытаюсь одарить его улыбкой, надеюсь, что у меня получилось.

— Давай, Бен.

— Ммммм, можно мне остаться и помочь Сэму? — его восхитительная улыбка растапливает мое сердце.

— Он не помешает, — говорит Сэм.

Моя обиженная часть хочет забрать Бена внутрь и притвориться, что Сэма не существует, но мать во мне понимает, что это эгоистично.

— Хорошо, но будь послушным, — говорю я сыну, избегая взгляда Сэма, вхожу внутрь и прислоняюсь к двери.

Прошедшая неделя была пыткой. Каждый раз, когда я видела его, мое сердце колотилось с бешеной скоростью. Я думаю о том, какой он сильный, и вспоминаю, какие грязные слова он мне говорил. Как невероятно я чувствовала себя, когда он был внутри меня.

Я засмотрелась в окно и увидела его в совершенно другом свете. Он был бы отличным отцом. Пока Бен бежит вокруг, Сэм, покачиваясь, пытается поймать его. Я могла бы умереть за его искренний смех и улыбку.

Поскольку любимое блюдо Бена — это спагетти, решаю, что это именно то, что мы будем есть сегодня на обед. Я ставлю воду кипятиться и бросаю мясо в соусе на сковородку. Так как я сегодня вечером не работаю, то переодеваюсь в спортивные штаны и майку, пока все разогревается.

Когда я возвращаюсь обратно на кухню, смех Бена привлекает мое внимание к заднему двору. Я беру пиво и сажусь за стойку, чтобы посмотреть, как они играют в догонялки. Бен дает задний ход и падает на задницу. Сэм замечает слезы в глазах Бена и идет к нему, чтобы помочь подняться, но падает, и Бен начинает смеяться над ним. Сэм поджимает ноги от притворной боли, и когда его глаза встречаются с моими через окно, на мгновение он замирает, а после встает и уходит обратно к себе в гараж. Бен отстает от него.

— Мама, может ли Сэм остаться у нас на ужин? — Бен вбегает через заднюю дверь, а я поднимаю миску с лапшой над головой, чтобы избежать столкновения.

— Нет, не может.

— Что? Пожалуйста?

— Я... умм, — Сэм поднимается по ступенькам, когда я ставлю миску на кухонный стол. Мои ладони потеют, а сердце ускоряет ритм. Как он может так влиять на меня?

— Просто хотел убедиться, что с ним все в порядке, — глубокий рокот его голоса заставляет дрожать мое тело. Черт. Он такой горячий, одетый в серую толстовку, джинсы и рабочие ботинки. Твою ж налево.

— Пожалуйста, мама! — Бен дергает меня за руку и разгоняет мои похотливые мысли.

Сэм подмигивает мне, и я выпрямляюсь. Я не играю в эти игры. Это не смешно.

— Нет, он не может. У меня не хватит еды для него, — едва заметный легкий шок отражается на его лице. Он не ожидал от меня отказа.

— Но мама, я серьезно.

— Нет, не сегодня. Теперь иди и умойся, — Бен пытается возразить, но я стреляю «маминым» взглядом, и он опускает голову, прежде чем уйти.

Я накладываю лапшу и соус для нас двоих, игнорируя взгляд Сэма.

— Неужели теперь все будет так?

— Как так? — я сажусь в свое кресло, спиной к нему, и начинаю накручивать макароны вилкой.

Его руки опускаются мне на плечи, а щетина щекочет мою щеку.

— Ты злишься на меня. Я же говорил тебе, что не смогу дать тебе большего. Я просил тебя, чтобы ты выгнала меня, но ты сама позволила мне остаться, — он касается своим носом местечка у меня за ухом, и я сжимаю руками кресло, пытаюсь не шелохнуться. Я не хочу, чтобы он заметил, как это действует на меня. — Итак, мы трахались, Кортни. И могли бы сделать это снова. На самом деле, я стараюсь отвлечься от мысли снова трахнуть тебя. Ты знаешь, где я живу, если захочешь повторить, — топот ног Бена заставляет меня быстро встать, но Сэм выходит за дверь, прежде чем я успеваю ударить его по лицу. «Мудак».

*

— Привет! Я на месте, — голос Моны разносится по дому, когда я в последний раз бросаю взгляд в зеркало. Мои волосы завиты крупными локонами, глаза подведены тремя темными оттенками в стиле «smokey eyes». Черное платье обтягивает мое тело, а из выреза соблазнительно выглядывает грудь.

— Я хорошо выгляжу? — кручусь я, кусая губу и ожидая ее ответа. Мои нервы сейчас на пределе. Это было так давно, когда я последний раз была на свидании.

— Ты выглядишь горячо, Кевин будет пускать слюни по тебе. А обувь? — я кручу свою лодыжку, восхищаясь серебристыми туфлями.

— Они великолепны, да?

— Да, они новые?

— Нет, я забыла о них. Нашла их в своем шкафу. Тебе не кажется, что они слишком вульгарные?

— Неа, — она хватается мои руки. — Волнуешься?

Я сжимаю ее плечо и выглядываю за угол, чтобы проверить Бена. Он увлекся новой видеоигрой, так что не заметил, что Мона уже здесь.

— Нервничаю и немного взволнована. По телефону он показался милым, — я разговаривала с Кевином по телефону в конце прошлой недели, мы проболтали час. Кевин действительно оказался хорошим парнем. Он не спрашивал о Бене, и я не сказала ему, что у меня есть сын. Он спрашивал о моей работе, и, конечно, я солгала, сказав, что работаю в баре. К счастью, он не настаивал на подробностях.

Мы с Моной болтаем несколько минут, пока не зазвонил звонок, и я смотрю на подругу, перед тем как сделать глубокий вдох.

— Удачи, — шепчет она.

— Пока, малыш, — я целую Бена в макушку. — Слушайся Мону.

— Пока, мамочка, — его глаза не отрываются от экрана, и я, смеясь, сжимаю его щеки.

— Для игры осталось несколько минут, потом нужно почитать книжку.

— Окей, — его губы сжимаются на минуту, но Мона подталкивает меня к двери.

Я киваю ей и открываю дверь. Кевин стоит с розой в руке и ухмылкой на губах. Я знала, что он был очень симпатичным, так как Мона показывала мне его фотографии на Facebook. Широкоплечий, высокий, но поскольку я на каблуках, мы оказываемся одного роста. Его светлые волосы зачёсаны на бок. Думаю, что у него голубые глаза, но трудно определить наверняка из-за тусклого освещения. Вот только в пиджаке, брюках цвета хаки и мокасинах он выглядит скучно.

— Привет, это для тебя, — он протягивает мне розу, и я благодарю его. — Думаю, мы могли бы сходить в новый итальянский ресторан в центре.

— Это было бы здорово, — он открывает для меня дверь своей спортивной красной машины, и меня чуть не тошнит от злоупотребления им парфюма. Кевин садится в машину и улыбается, прежде чем выехать.

— Я очень рад, что ты согласилась на свидание. Мона рассказывала много замечательных историй про тебя.

— Да, про тебя она тоже говорила.

Он рассказывает про свою работу, и я стараюсь выглядеть заинтересованной. Я киваю и улыбаюсь в нужных местах, и облегчено вздыхаю, когда мы подъезжаем к ресторану.

Вылезаю из машины, прежде чем задохнусь в облаке мужского парфюма. Он встречает меня впереди и берет под локоть, ведя в ресторан. Как только мы усаживаемся, официант приносит каждому из нас бокал домашнего вина, и я заставляю себя не выпить все одним махом.

— Расскажи мне о себе. Мона сказала, что у тебя есть сын.

Искренняя улыбка появляется на моих губах.

— Да, его зовут Бен. Ему пять лет.

— Так он уже ходит в школу?

— Нет, в детский сад, — Кевин улыбается, но больше вопросов не задает, и мы смотрим в меню.

Официант подходит и спрашивает:

— Вы готовы сделать заказ?

— Да, а ты?

— Я буду цыпленка с пармезаном, пожалуйста.

— А вы, сэр?

— Я буду лазанью, спасибо.

— Заказ скоро будет готов, — когда официант забирает меню, я быстро опустошаю свой бокал и поднимаю его.

— Я вернусь с добавкой для вас, мэ.м.

— Спасибо.

Остальная часть вечера проходит неуклюже. Я не думаю, что Кевин замечает это. Ведь он оживленно рассказывает о своей любви к охоте. Показывает мне фотографии мертвых фазанов и уток. Я стараюсь изо всех сил имитировать интерес, правда. Бедный Кевин не виноват, что я сравниваю его с другим мужчиной.

Сэм заказал бы пиво и стейк и что-нибудь сказал официанту, когда тот нагло рассматривал мою грудь. Самое ужасное, что я не знаю Сэма и не знаю, как бы он поступил. Я только предполагаю, что мой идеальный мужчина, сделал бы подобное, и это был бы Сэм. Хотя он отнесся ко мне как к шлюхе, но я вижу проблески в его глазах и искренность по отношению ко мне. После его комментариев, сказанных на прошлой неделе, я должна его

ненавидеть, но это не так, наоборот, я хочу его еще больше.

— Готова? — Кевин встает и выдвигает мой стул.

Когда мы садимся в машину, я набираю полные легкие свежего воздуха, прежде чем сажусь в газовую камеру из одеколona. Кевин держит меня за руку, чем заставляет съежиться. Он очень хороший парень, но я этого не чувствую. Сейчас в моих венах течет десять тысяч разных эмоций, но влечение — не одна из них.

— Спасибо тебе за приятный вечер, я хорошо провела время, — я прислоняюсь к входной двери, надеясь, что он ответит.

— Я тоже. Кортни, ты мне действительно нравишься. Смогу ли я снова увидеть тебя? — у него на лице появляется мальчишеская ухмылка, и он почти стесняется спрашивать... это мило. «Неа, он не понял намека». Я собираюсь сказать ему, что позвоню ему, намереваясь мягко от него избавиться, когда подъезжает Сэм. Он ждет, стоя на обочине, и смотрит на свою шалаву. Она смеется над чем-то, прежде чем исчезнуть в доме с Сэмом. Прямо перед тем, как дверь закрывается, Сэм имеет наглость взглянуть на меня. Он приподнимает бровь и наклоняет голову в сторону Кевена. Как будто видит меня насквозь. Пытаясь сохранить свою связь с ним, я отвечаю Кевину:

— Да, я бы с удовольствием встретила с тобой снова.

Глава 6

Сэм

«Какого черта она делает с этим придурком?»

Я захлопнул дверь, как только услышал, что она согласилась пойти с ним на свидание снова. Это не должно меня злить. Он — тот, кто ей нужен. Хороший парень. Костюм и галстук. Ей нужен тот, кто может доверять другим, а не человек, который облажался со своим прошлым и построил гребаную стену вокруг себя, чтобы избежать чувств.

Лиза уже отрубилась на диване, когда я вошел в комнату. Она была слишком пьяна, чтобы уехать самостоятельно из бара. Я должен был отвезти ее домой, но не отвёз, потому что хотел позлить Кортни. Она горячая, когда злится. Черт, она горячая даже когда одета в футболку и джинсы, играя при этом на заднем дворе с Беном.

Так как на Лизе почти ничего не надето, я накидываю на нее одеяло и тащу свою задницу наверх, в свою ванную комнату. Жаль, что не могу через стену комнаты расслышать, что происходит по соседству. Холодная вода, которую я выплескиваю себе в лицо, не помогает затушить ярость, кипящую внутри меня.словно заезженная пластинка, представляю себе, как тот парень касается Кортни и как она кричит, когда он оказывается внутри нее.

— Черт, — я бросаю полотенце на пол и быстро раздеваюсь, раскидывая одежду по комнате. Затем захожу в свою комнату и хлопаю дверь.

Я всегда легко засыпаю. Когда я спал, отец не бил и не кричал на меня. Он был мудаком, но по какой-то причине, он позволял мне жить, пока я спал. Никакого унижения, побоев и лжи. Во сне я мог спастись от подлости.

*

— Сэм.

— Да? — я протираю глаза и сажусь. Лиза сидит на моей кровати с чашкой кофе.

— Можешь подвезти меня до моей машины? — она смотрит на часы. — Уже девять, и я должна успеть на работу.

Схватив чашку, я делаю большой глоток и отдаю её обратно.

— Да, дай мне пять минут.

— Конечно.

После того как я оделся и почистил зубы, встречаю ее внизу. Она в глубокой задумчивости смотрит в окно на кухне. Через ее плечо я вижу, как Кортни играет с Беном.

— Готова? — спрашиваю я. Лиза подпрыгивает и поворачивается ко мне лицом.

— Да, — она бросает чашку в раковину и хватается за свой кошелек, прежде чем следует за мной на улицу к моему грузовику. Мы садимся и уезжаем. Когда я поворачиваю за угол от дома, она начинает говорить:

— Твоя соседка кажется славной, — это не то слово, которым я бы её охарактеризовал. Может быть: невероятная, красивая и сильная.

— Да.

— Милый малыш.

— Да.

— Сожалею о прошлой ночи, я много выпила, прежде чем пришла бар. Ты можешь прийти сегодня вечером, если захочешь, — что-то в ее голосе заставляет меня задуматься. На следующем светофоре я мельком вижу слезы в ее глазах.

— Ты в порядке? — она шмыгает носом и выдыхает.

— Ага, хорошо, — очевидно, что она закрывает тему.

— Я не знаю на счет сегодняшнего дня, я позвоню тебе.

— Круто.

Когда я подъезжаю к бару, она говорит спасибо и выпрыгивает. Я ставлю грузовик на парковку, ожидая, когда Лиза сядет в свою машину и уедет.

Джеймс стоит возле здания, его не было в баре прошлой ночью, так что я иду убедиться, что с ним все в порядке.

— Эй, старик, — зову я.

Он высовывает голову из задней комнаты и бросает тряпку через плечо.

— Сэмюэль, что привело тебя так рано?

— Эээ... — я пожимаю плечами, — только что от Лизы, увидел твою машину и решил заглянуть. Тебя не было здесь прошлой ночью.

Его руки слегка дрожат, когда он протягивает мне чашку кофе. Когда я поднимаю брови, он смеется.

— Это ирландский кофе, ты хочешь пенку сверху?

— Нет, так вкуснее, спасибо.

— Почему ее машина все еще здесь?

— Она была пьяна прошлой ночью, и я забрал ее к себе.

— Хмм... — он заходит в бар и садится на табурет. — В последнее время вы проводите много времени вместе.

— Это не так, — отбрил я, — она не рассчитывает, что будет больше того, что уже есть.

Пригласить Лизу к себе домой было отстойной идеей. Увидеть растерянность и боль на лице Кортни все равно, что получить удар в живот.

— Ага, я вижу, — я изучаю его глаза из-за края своей чашки кофе. — Где ты был

прошлой ночью? Не могу вспомнить, когда в последний раз тебя не было здесь в пятницу вечером.

— Я старею, сынок. Мое тело не двигается так, как раньше, — он поднимает свою морщинистую руку и шевелит кривыми пальцами. — Некоторых работников пора сокращать. Как справляется новый парень?

— Из того, что я видел, хорошо. Но я уехал довольно рано, — говорю я.

— Он, вероятно, задержится намного дольше, чем я думал. Мой артрит прогрессирует.

— Почему бы тебе не уйти на пенсию? Продать место? — вокруг его глаз появляются морщинки от веселья.

— Не можешь дождаться, чтобы избавиться от меня, да?

— Все, что я говорю, это то, что ты заслуживаешь передышку.

— Как твой дедушка взял паузу? — я смеюсь и ставлю свою кружку на стойку. Мой дед вкалывал за неделю до своей смерти. Он научил меня всему, что я знаю, затем отдал мне свой бизнес. Они с Джимом были друзьями.

— Хочешь еще?

— Нее, тебе нужна моя помощь, пока я не ушёл? — если я помогу ему, то это еще один повод избежать встречи с Кортни. Чем меньше я нахожусь дома, тем меньше соблазна прикоснуться к ней, обнять ее и трахнуть.

— На самом деле, ножка у бильярдного стола немного шатается, кто-то сунул под нее коробок спичек, но если ты посмотришь что с ней, спасешь меня, и мне не придется делать все самому.

— Нет проблем.

Я хватаю свои инструменты из грузовика и затягиваю гайки у бильярдного стола, пока не убеждаюсь, что он стоит ровно. Закончив, я еду домой и принимаю душ. Сейчас довольно рано, но я все еще не ел, поэтому делаю омлет и смотрю спортивный канал. Я прячусь весь день в доме, чтобы не столкнуться с Кортни, после всего того дерьма, что я устроил вчера вечером.

На следующее утро в своем гараже я пытаюсь снять немного ржавчины со старинных часов, чтобы добраться до механизма, когда меня прерывает робкий голос Кортни.

— Сэм, что-то не так с душем или с водонагревателем, в смысле, нет горячей воды.

Я должен лучше научиться притворяться каждый раз, когда мельком вижу ее, будто она не засела глубже в моей душе. Когда я поворачиваю голову, чтобы посмотреть на нее через плечо, все остальное тело следует за ней. Она стоит всего в нескольких футах от меня, ее аромат наполняет мои ноздри, и я сжимаю кулаки, когда мой взгляд проходит по ней. Она одета в короткие черные шорты и светло-фиолетовый свитер, по кончикам её волос все еще стекают капли воды. «Только что из душа», — понимаю я.

— Ты мокрая, — я делаю шаг ближе, и она напрягается.

— Я... — она сводит ноги вместе и переводит дыхание, прежде чем расправляет плечи и смотрит прямо на меня, — что-то не так с водой, я бы предположила, что это водонагреватель, но не уверена. Если ты занят, я могу позвонить сантехнику, а счёт вычту из суммы за следующий месяц аренды.

— Нет, пошли, — она кивает, и я следую за ней, пялясь на ее задницу.

— Сэм! — Бен вскакивает с пола и подбегает ко мне. Он хватается за ногу, и я делаю шаг назад, чтобы сохранить равновесие.

— Эй, приятель.

— Хочешь поиграть со мной? Мама не любит гоночные игры.

— Не сейчас. Я должен проверить смогу ли починить трубы, — я усмехаюсь над глупой двусмысленностью.

— О, окей, — его губы сжимаются, и он хмурится, а в моём сердце появляется трещина.

Кортни смотрит на него с таким же чувством, что и я. С сочувствием. Иисус, я чувствую себя хреново из-за ребенка. У малыша нет отца, и пусть мать пытается проводить все свое время вместе с ним, это не одно и то же.

— Может быть, после того как Сэм выяснит, в чем дело, он сможет сыграть с тобой в игру? — от ее печального голоса и умоляющих глаз, я чувствую себя ещё хуже.

— Конечно, — киваю я.

— Установи ее, и я сыграю с тобой, как все исправлю.

— Ура! Это будет весело. Спасибо, Сэм! — он вскакивает и прыгает вверх-вниз, прежде чем возвращается к приставке и переключает диски. У Кортни появляются слезы в глазах, затем она резко поворачивается и взбегает наверх. Я следую за ней. Это естественное желание утешить ее, чтобы защитить. И я ненавижу это, потому что я не хочу заботиться о ком-либо. Но черт меня подери, если я оставлю ее прямо сейчас. Ее дверь закрыта, но я все равно открываю ее, девушка сидит около окна, и ее плечи трясутся от тихого плача.

Я закрываю дверь позади себя и подхожу ближе. Она поворачивается ко мне и утыкается лицом в мою грудь, а я оборачиваю свои руки вокруг нее. Ее рыдания приглушены, а мое сердце вырывается из груди.

— Тсс. Все в порядке, малышка, — я глажу ее по влажным волосам и крепко обнимаю. Через пару минут она отталкивает меня и вытирает лицо.

— Прости, — Кортни садится на край своей постели. — Он в последнее время много спрашивал о своем отце, а я не знаю, что ответить ему. Я понимаю, что ему нужно мужское внимание, и это разрывает меня на части, — последние слова она произносит шепотом, потому что пытается контролировать свои эмоции.

— Где его отец? — я сжимаю ее руку, но больше всего хочу, чтобы она была снова в моих объятиях. Приятно чувствовать ее в моих руках, и я бы с удовольствием позволил ей в них остаться.

— Не знаю. Когда он узнал, что я беременна, выгнал меня из нашей квартиры. После этого я ничего не слышала от него.

«Кусок дерьма».

— Совсем ничего?

— Неа.

— Что насчет алиментов? — она резко поднимает голову и пристально смотрит на меня, и я поднимаю руки вверх в знак капитуляции.

— Извини, это не мое дело.

— Нет, это не так. Это создало сильное напряжение в моих отношениях с родителями, потому что я отказываюсь подавать на него в суд.

— Почему? Это самое малое, что может сделать этот ублюдок для Бена.

— Потому что, — рычит она от отчаяния, — я не хочу от него этого дерьма. И я не хочу напоминать ему об этом каждый месяц. Я не хочу его денег. Я просто хотела, чтобы он стал частью жизни своего ребенка. Но он не захотел, так что он может пойти и трахнуть себя в жопу.

Она такая горячая, когда злится. Ненавижу, что она расстроена прямо сейчас, но не

могу отрицать, что она возбуждает меня.

— Напомни мне, чтобы я никогда не злил тебя.

— Слишком поздно, — она смеется.

— Туше.

— Ты останешься на обед? Я собираюсь пожарить сыр.

— Обожаю. Это было единственное, что мой отец готовил для меня. Те немногие счастливые моменты, которые я помню с ним, когда смотрел, как он делает для меня бутерброды. Это было редким событием, но я цеплялся за них, как за спасательный круг, — я тяжело сглатываю. — Ну, я имею в виду, что не обедал.

— Все в порядке, я сделаю и тебе кусочек, пока ты проверишь все, что нужно, — на мгновение я сажусь на ее кровать, чтобы вернуть контроль над своими эмоциями.

Этих чувств не должно быть. Я слишком усердно работал, чтобы научиться оставаться равнодушным. Я не могу, не могу вернуться к прежнему снова.

После того, как я уехал из дома своего отца и переехал к своим бабушке и дедушке в возрасте восемнадцати лет, я жил вполне нормальной жизнью. Перестал принимать наркотики, которые употреблял, чтобы разозлить своего отца. Поскольку я больше не жил под его крышей, многое изменилось. Я поддерживал с ним отношения до двадцати трех лет. Не очень хорошие, но мы разговаривали с ним пару раз в месяц. Встречались в баре. Он был моим единственным и живым родителем, и хотя я люблю своих бабушку и дедушку, но я их не знал. Мой отец еще тот мудака эпических масштабов, но, по крайней мере, его я знал.

Я бы не подумал, что человек, который унижал, оскорблял и использовал меня, был тем, с кем я хотел продолжать общение, но некоторые вещи преодолеть невозможно. Есть кое-что, о чем мечтаешь и всегда хочешь. Я всегда хотел нормальной жизни.

За день до моего двадцать третьего дня рождения, женщина, которая для меня значила все, разорвала меня в клочья. Я пошел в дом своего детства и искал фотографию своей матери, думая почему-то, что, увидев ее лицо, я почувствую себя лучше. В подвале была коробка с надписью «любимая игрушка Сэма». Мне было любопытно, поэтому я ее открыл.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Там были фотографии моей бывшей невесты, той, которая только что растоптала мое сердце накануне. На последних фото она отсасывала какому-то парню, пока мой отец на них смотрел. Был также составленный и подписанный контракт, в котором было оговорено все: дата, когда она свалила бы от меня, сколько денег она получила от моего отца и категорический отказ о продолжении отношений после этого.

Все свелось к деньгам и ненависти отца ко мне. Я до сих пор не понимаю, как можно заплатить женщине, чтобы она вырвала вашему сыну сердце. Он подставил меня. Он каким-то образом добрался до нее. Меня ей было не достаточно, жадная сука сделала все это из-за денег.

Я по сей день ничего не знаю об этом. Я не хочу знать подробностей. Но я знаю, что мой отец — ублюдок, и я скорее выколю себе глаза, чем снова поговорю с ним хоть раз. Я усвоил урок, что людям нельзя доверять, даже тем, кто говорит, что любят вас и хотят провести всю свою оставшуюся жизнь вместе с вами.

После того, как взял себя в руки, я поднялся с холодного бетона в подвале, проглотил ком в горле и поехал в офис своего отца в центре города. Проходя мимо секретаря, я так сильно захлопнул дверь, что сбил картину со стены. Услышав шум, отец поднялся с кресла, и прежде чем он открыл рот, я врезал ему по челюсти. Я бросил в него фотографии и боролся с

тем, чтобы высказать ему что-нибудь. Но ничего не получилось. Я молча смотрел на него, а его холодные голубые глаза смотрели на меня в ответ, и в них была пустота.

Он поднял фотографии и засмеялся, вытирая кровь, которая сочилась из его разбитой губы.

— Удивительно, что можно сделать при помощи бриллиантов и денег.

Я едва прошептал свой вопрос:

— Почему, бл*дь, ты это делаешь со мной? Я, вроде как, твой сын.

— Хмм, — он пожал плечами, — потому что я это могу.

— Ты мудак, — это были мои последние слова, которые я говорил своему отцу много лет назад. Ощущение предательства, которое я переживал, выходя из его кабинета, было безмерным. И с того момента, я поклялся себе, что никогда не позволю никому войти в мое сердце.

Глава 7

Кортни

После того как Сэм убедился, что нагреватель сломался, он заказал новый с доставкой на понедельник, после чего сел на пол рядом с Беном, и так они проиграли в видеоигры несколько часов.

Я вытаскиваю курицу из духовки, когда их смех проникает в кухню.

— Ты жульничаешь! — кричит Сэм.

— Не правда. Мама говорит, что никто не будет играть со мной снова, если я буду обманывать, — я качаю головой и улыбаюсь, радуясь тому, что мой ребенок действительно слушает меня.

— Эй, ребята, — кричу я, — кушать хотите?

— Да, я умираю с голода, — Бен забегает на кухню и садится на свое место за столом.

— Иди и вымой для начала руки, но вода будет холодной, так что делай это быстро.

Он чуть не сшибает стул, потому что встает слишком быстро. Сэм ухмыляется, а потом говорит:

— Я вернусь в понедельник и поменяю водонагреватель. Если вам нужна будет горячая вода, то я дома до конца выходных.

— Уверена, что мы будем в порядке, — разочарование проходит сквозь меня при мысли о том, что Сэм уже уходит. Мне нравится, когда он здесь.

Для меня было облегчением, когда Бен не ныл каждые пять минут: «Ну, мам», пока я готовила еду. И присутствие Сэма заставляет чувствовать себя в безопасности.

— Пока, Корт, — он уже в двух шагах от меня, когда я останавливаю его.

— Подожди, — он останавливается и разворачивается лицом ко мне. Я прикусываю губу, чтобы продолжить, — останься, поешь немного курицы.

«Идиотка».

— Ты уверена, что её хватит на всех? — его сексуальные губы растягиваются в улыбке.

— Ха-ха. Да, у меня ее достаточно.

— Спасибо, — он подходит ко мне и дотрагивается одной рукой до моего лица. — Тебе уже лучше?

Я наклоняюсь к нему и отвечаю:

— Угу.

— Хорошо.

Его пальцы пробегают по моей щеке и по линии подбородка, после чего достигают моей шеи. Он надавливает сильнее, когда касается моей ключицы, и я хватаюсь за его руку, которая сжимает мои бедра, чтобы удержаться от падения. Кончики его пальцев скользят между моими грудями и вниз под рубашку.

— Сэм, — я на самом деле стону его имя, когда он прикасается ко мне под рубашкой.

— Да? — его голос стал хриплым, а веки отяжелели, пока пронзительные голубые глаза оценивают меня.

Его пальцы играют с поясом моих шорт, а затем скользят вверх по моей рубашке. Он пробегает большим пальцем пониже лифчика, и мои колени становятся ватными. Его губы ласкают кожу на моей шее, и он по очереди массирует мои тяжелые груди.

Я сжимаю свои бедра вместе, откидываю голову назад, предоставляя ему лучший доступ. Его колено раздвигает мои ноги шире, и я вскрикиваю, когда мой пульсирующий клитор сталкивается с грубой джинсовой тканью.

— Черт, — он отстраняет свою голову от моей шеи и наматывает мои волосы себе на кулак, прежде чем наши губы сталкиваются друг с другом. Сэм прижимает мои руки к стойке. Жесткая длина его члена трется о мой живот, и я беззастенчиво плавлюсь от этих ощущений.

— Боже, Сэм, — бормочу я вокруг его языка, который поедает каждый дюйм моего рта, неторопливо, но жестко. Так чертовски жарко.

— Я знаю, — он отпускает мои волосы и использует эту руку, чтобы ущипнуть меня за сосок через рубашку.

Я выгибаюсь сильнее, и он прикусывает мою нижнюю губу, дергает её и дразнит. Мои ногти впиваются в его плечи, а его пах почти болезненно давит на меня. Ощущение, что мы оба в старшей школе и пытаемся залезть друг другу в штаны, пока родители не видят.

— Мои руки чистые. Я мыл их слишком долго, — слышим мы голос Бена.

— Дерьмо.

— Черт, — Сэм практически отталкивает меня и поворачивается спиной к Бену, когда тот вбегает в комнату. Я клянусь, малыш никогда не ходит, только бежит и топает, словно маленький слоненок.

— Хорошо, мистер Чистюля. Садись, — приложив руку к своему быстро бьющемуся сердцу, я стараюсь казаться спокойной. Я не могу поверить, что позволила этому случиться.

Бен подскакивает на своем месте и рассыпает половину кукурузы, пытаясь положить ее на свою тарелку, но у меня нет сил, чтобы беспокоиться об этом прямо сейчас.

Я пытаюсь успокоить свое дыхание и, повернувшись к сыну спиной, трясущимися руками режу курицу.

Щетина Сэма щекочет мое ухо, а от его горячего шепота между моих ног снова разливается горячая волна.

— Что за хрень? Я чуть не кончил в штаны, — значит, мое подозрение было правильным, — черт, Кортни.

— Я не знаю, — шепчу я.

— Ты в порядке?

— Да, все отлично.

Я лгунья. Я не в порядке. Я так возбуждена прямо сейчас, черт подери. И от ощущения, что именно он может сделать это со мной... это уже слишком. Все это время я вспоминала о

том, как он трахал меня напротив стены. Я хочу этого снова. Но я не хочу быть очередной шлюхой для него. Вчера у него была девушка на ночь, и я знаю, что это все, что у нас когда-нибудь будет. Он дал понять это совершенно ясно.

— Прости.

— Почему ты, черт возьми, извиняешься? Почувствуй это.

Он прижимается ко мне, и я сильнее зажмуриваюсь, когда ощущаю его твердый член у моей задницы:

— Это то, что ты со мной делаешь, все чертово время. Я так сильно хочу быть внутри тебя снова. Иисусе.

Он отходит от меня, и я, поворачиваясь к нему лицом, вижу, что он разочарован. Сэм проводит своими руками по лицу и смотрит через плечо на Бена, который пытается разложить кукурузные зерна.

— Это не конец, — затем он прижимает свои губы к моему лбу, делает несколько глубоких вдохов и садится, чтобы перекусить.

Ужин, который должен проходить неловко, так как наполнен сексуальным напряжением, проходит совсем иначе. Бен безостановочно расспрашивает Сэма о том, как устанавливают водонагреватель, а я сдерживаю смех из-за очевидного разочарования Сэма в том, как взбудоражила эта тема пятилетнего ребенка. Он протягивает руку под столом и сжимает мое бедро, прося спасти его. Мило. Он чувствует себя комфортно, находясь здесь.

— Почему бы тебе не пойти в свою комнату, чтобы поиграть в новые машинки, которые я купила на днях?

— Ты поиграешь со мной?

— Я приду наверх после того, как помою посуду. Ты сегодня пойдешь ночевать к Моне.

Бен встает и бежит в свою комнату. Он, наверное, забыл, что Сэм здесь, потому что даже не попрощался с ним.

— Почему он ночует у Моны?

— Я должна работать сегодня вечером.

Я встаю, собирая грязные тарелки, а Сэм мне помогает. Затем я складываю остатки ужина в контейнеры.

Он заправляет прядь моих волос за ухо и тихо говорит:

— Приходи позже.

Я хочу. Но не должна.

— Я не могу.

— Почему нет?

— Слушай, — я закрываю холодильник и опираюсь на него, — ты и я, — я делаю глубокий вдох и пытаюсь собраться с мыслями, — я хочу большего. Ты не сможешь мне этого дать. И мне жаль, что я позволила своим гормонам взять вверх над моим разумом.

— Ты права. Я не могу. Но это не значит, что мы не можем позабавиться. Нам хорошо вместе.

— Я не могу просто спать с тобой. Я не такая.

— Я знаю, — он стоит передо мной и поднимает мой подбородок, — еще один раз.

— Сэм, стоп.

— Черт, Кортни. Ты хочешь, чтобы я умолял? Потому что я буду, — он приближается ко мне так, что я оказываюсь зажатой между ним и холодильником.

Мои глаза фокусируются на календаре, и я вдруг вспоминаю о Кевине и нашем

следующем свидании. Просто отлично. Хотя он и добрый мужчина, с которым я должна встречаться, но он не для меня. Дерьмо. Я совсем забыла о нем. Вот что Сэм делает со мной. Заставляет забывать обо всем вокруг.

— Я не могу быть для тебя просто подружкой для траха. Я бы с радостью, но мне нужно больше.

Он прислоняется на мгновение своим лбом к моему, а затем целует в щеку.

— Мне жаль, что я не уважал тебя до этого. Но если ты когда-нибудь передумаешь, ты знаешь, где меня найти.

Я киваю и изображаю фальшивую улыбку на своем лице, когда он уходит. Когда слышу щелчок входной двери, я позволяю себе момент слабости. Потом беру себя в руки, заканчиваю загрузку посудомоечной машины и поднимаюсь вверх, чтобы поиграть с Беном в машинки.

Часть недели проходит как обычно, за исключением моментов, когда Сэм заходил поменять водонагреватель. Мы избегали зрительного контакта, он сыграл с Беном в несколько игр перед тем, как уйти домой. Каждый раз, когда я видела его в потрепанных джинсах и в облегающей футболке, это сбивало меня с толку. Но я приняла правильное решение. Я так думаю.

Сегодня пятница, и я сижу на пассажирском сиденье в машине Кевина по дороге домой с нашего второго свидания. Мои родители забрали Бена из школы к себе на выходные. Это редкость, но я не собираюсь удерживать его от встречи с бабушкой и дедушкой, если он этого хочет. Это не его вина, что мы не ладим. Кроме того, я должна работать в течение следующих двух ночей. Кевин и я пошли на ранний ужин. Это было хуже, чем предыдущее свидание. Ведь если бы на меня не давила ситуация с Сэмом, я бы никогда не встречалась с Кевином. Он просто не тот мужчина. Никакой искры, взаимных интересов и никакой химии.

Мы подходим к моему дому, я опять скрещиваю руки на груди, чтобы не держать его за руку. Я проигрываю сценарий в своей голове снова и снова, а когда, наконец, набираюсь смелости, смотрю на дверь.

— Я хорошо провела время, Кевин, но не думаю, что это сработает, — он делает шаг назад и распрямляет плечи.

— Что? Почему?

— Ты очень хороший парень, но у меня нет времени на свидания. Я работаю на двух работах, и с Беном... мне жаль.

Он запускает пальцы в волосы и смотрит на меня, в чертах его лица и в словах появляется гнев.

— Это бред. Если тебе действительно нравится кто-то, то ты находишь время. Так в чем же настоящая причина?

Я озадачена его поведением.

— Я... гмм. Просто не думаю, что у нас что-то получится.

— Из-за меня! — кричит он.

— Ну, нет. Я имею в виду, да. Слушай, — я отхожу от него, так как он меня пугает, — ты очень хороший парень, но...

— Но что? — он приближается ко мне, и уровень страха во мне начинает расти. Его руки сжимаются в кулаки.

— Все в порядке? — слышится другой мужской голос. Сэм. Слава Богу.

Я отворачиваюсь от Кевина и вижу, как Сэм идет вниз по лестнице, вытирая руки о

тряпку.

— Да, мы в порядке, — отвечает Кевин, не смотря на Сэма и продолжая буравить меня взглядом.

— Да, Кевин уже уходит.

— Нет, не уйду. Мы все еще говорим.

— Кевин, прости, но я не хочу больше тебя видеть, — он делает шаг ближе, и я задыхаюсь.

— Ты просто динамишь меня! — выкрикивает он.

Сэм появляется передо мной, лицом к Кевину, я хватаю его за пояс джинсов, успокаивая.

— Уходи.

— Отвали, мужик, — Кевин становится ещё более раздражённым и плюёт в Сэма.

— Я не буду повторять. Уходи! — голос Сэма по-прежнему спокойный, и это меня успокаивает.

— Кто ты, черт возьми, такой? Ты трахаешься с этой шлюхой, или что? — рука Сэма сжимается, и он убирает мою руку, находящуюся на задней части пояса его джинсов, прежде чем отходит от меня и ударяет Кевина в лицо.

— Скажешь о ней так еще раз, и я, черт возьми, сломаю тебе челюсть, — он толкает Кевина.

— Как скажешь, мудака, — он поворачивается и уносится прочь. Я в шоке от его поведения.

У нас было только два свидания, мы несколько раз беседовали с ним по телефону, и он никогда не показывал никаких признаков того, что будет действовать именно так агрессивно.

— Эй, ты в порядке?

— Да.

— Детка, он был придурком.

— Я знаю, но все же, — я сажусь на крыльцо, обхватив колени. — Я не ожидала от него такой реакции, — Сэм садится рядом со мной и притягивает меня к себе, а потом нежно гладит мою руку.

— Не могу винить парня в том, что он бесится из-за того, что ты его отшила. Это жесткое динамо.

— Заткнись, — я щипаю его за бок, и он смеется. — Спасибо, что выгнал его отсюда.

— Нет проблем, — мы сидим несколько минут молча, и я наслаждаюсь его объятиями.

Всё это наталкивает на мысль о том, что у нас, возможно, есть шанс. Нет. Я точно знаю, кто он есть. Сэм может дать мне гораздо больше, но он закрыт. Он не позволяет себе сблизиться с кем-то.

— Почему ты не можешь дать мне больше, чем секс? — от этих слов он замирает.

— Я просто не могу, — его голос звучит страдальчески, а на лице появляется выражение гнева.

— Почему?

Он встает и начинает ходить кругами.

— Я знаю, что ты не так закрыт, как думаешь. Я вижу, как ты относишься к Бену.

— Ты не знаешь всего моего дерьма, Кортни, — кричит он, взглянув на меня.

Чувствуя дрожь, я встаю на ноги, меня бесит то, что на меня сегодня наорали двое

Глава 8

Сэм

Я никогда не чувствовал себя так, как сейчас. Я всегда был грубым и равнодушным. День, проведенный с Кортни и Беном в прошлые выходные, был для меня долгожданным освобождением от моего жалкого существования. Это было так естественно и напомнило мне, сколько раз я мечтал о таком. Когда мы были вдвоем на кухне, я почувствовал больше, чем просто желание залезть ей в трусики, я почувствовал желание обладать всей Кортни. Мне жаль, что она была настроена идти по своему пути. Если бы все было иначе, я бы трахнул ее снова. Но чтобы сделать это, мне нужно дать ей больше. А я просто не могу.

И этот придурок, с которым она ходила на свидание. Чертов кусок дерьма. Очевидно, что тот отказ задел его эго. Я не мог позволить, чтобы он стоял там и кричал на нее.

Я возвращаюсь в свой гараж и убираю беспорядок, который устроил, а затем хватаю пиво из холодильника и включаю канал новостей. Когда хлопает дверь, я выглядываю из окна и вижу, как Кортни идет к своей машине. Сейчас темно, но свет от крыльца падает на ее ноги на высоких каблуках. Она должна идти на работу. Бл*дь, меня бесит это. Мысль о том, что другие парни увидят ее обнаженную грудь, и ее флирт с ними — даже если это ради большей зарплаты — все это заставляет меня хотеть их убить. Хотя я не жестокий человек, обычно.

Выпив свое пиво, я иду на кухню, чтобы взять еще одно. Я иду по-быстрому в душ, потом возвращаюсь обратно на диван, бездумно листаю каналы, пока не засыпаю.

Наступает суббота, и после того как заканчиваю косить газон и недолго работаю в гараже, я заказываю пиццу. Лиза отправила мне сообщение с просьбой встретиться с ней в баре, и я уже в пути.

Она заняла для меня место, я киваю Джиму, когда сажусь. Типичная субботняя толкучка: кричат люди, и музыка громкая. Тусклые огни и гудящие неоновые вывески придают бару атмосферу старшей школы.

— Эй, — говорит она, покачиваясь в своем кресле.

— Привет, — я хватаю свое пиво у Джима и даю ему немного чаевых.

— Хочешь потанцевать? — я смеюсь.

— Нет, я не танцую. А ты иди, потанцуй.

— Давай, Сэм, — ее слова невнятные, а глаза безжизненные и налиты кровью.

— Что с тобой? Как долго ты пьешь? — она обычно не бывает такой пьяной, как в этот раз.

Она игнорирует мой вопрос и встает, затем падает на меня и смеется.

— Упс.

Я помогаю ей встать и опереться об меня, она выходит на середину бара, где есть импровизированный танцпол. Там только несколько людей, которые не замечают нового танцора. Ее бедра двигаются медленно и соблазнительно, она проводит руками по всему своему телу. Как правило, это завело бы меня, но я не мог даже заставить себя посмотреть на нее. Я оглядываю бар и, в конце концов, возвращаю взгляд к Лизе. Парень подходит к ней, обнимает ее сзади, прижимая ее зад к своему члену. Она оборачивается, обнимает его за

шею, а потом прочит ему через одежду.

Когда песня заканчивается, он тянет ее за руку, пытаясь вывести наружу, но она тянет его обратно. Она притягивает его ближе к себе и снова танцует. Ее лицо спрятано у него за спиной, она спотыкается о его ноги — явно перепила. Я знаю ее не так долго, и мы не особо разговаривали, но женщина, которую я знаю, — не та, которую я вижу сейчас.

— Я не позволю ей делать это.

— Я думал о том же. Что с ней?

— Ее муж служил в армии, был убит за рубежом шесть месяцев назад. Он бывал здесь регулярно. Хороший парень.

Бл*дь, это многое объясняет. Парень, с которым она танцует, снова начинает тянуть ее к двери, а ее пьяные ноги протестуют, упираясь в пол. Я ставлю пиво на стойку, киваю Джиму и иду к ним.

— Лиза, ты готова уйти отсюда? — спрашиваю я, она качает головой и пытается отстраниться. Парень-танцор явно не понимает намека.

— Эй, мужик. Я был первым, отвали, — говорит он и продолжает тянуть ее.

— Она не пойдет с тобой, — спокойно говорю я, хватаю ее за руку и тяну к себе. Молча бросаю ему вызов поспорить со мной.

Он уходит и цепляет мое плечо.

— Как скажешь, мужик.

Лиза обнимает меня, и я иду с ней к своему грузовику. Когда мы внутри, я спрашиваю ее, хочет ли она, чтобы я отвез ее домой.

— Нет. Прямо сейчас я не хочу быть там. Можешь отвезти меня к себе? — ее слова тихие, но я понимаю, что она говорит.

Прежде чем выйти из своего грузовика, я осматриваюсь вокруг и радуюсь тому, что Кортни нет дома. Я не хочу, чтобы она видела, что я привел женщину домой. Смешно, что некоторое время назад я пытался заставить ее ревновать, но теперь я не хочу причинить ей боль. Лиза спотыкается на каждом шагу, когда мы достигаем дивана, она ложится и сразу вырубается.

Я накрываю ее одеялом, ставлю бутылку воды на журнальный столик, прежде чем пойти в свою постель.

На следующее утро меня удивляет, когда я вижу Лизу, сидящей за кухонным столом с чашкой кофе.

— Эй, — говорю я, почесывая затылок, волоча свои ноги к стойке.

Она поднимает голову и слабо улыбается мне сквозь слезы, катящиеся из ее глаз.

Я не совсем уверен, что нужно делать в такой ситуации, поэтому наливаю себе чашку кофе и сажусь напротив нее. Проходит несколько минут, пока она начинает говорить.

— Вчера была наша годовщина, было бы пять лет, — я хватаю коробку салфеток и ставлю рядом с ней.

— Джим сказал мне прошлой ночью о твоём муже. Мне очень жаль.

— Спасибо. Мне тоже, — она вытирает лицо и снова наливает себе чашку кофе.

— Та женщина. Та распутная женщина — это не я. Я не та, кем кажусь.

— Тебе не нужно ничего мне объяснять.

— Я знаю это, но я просто не могу больше трахаться с тобой.

Честно говоря, мысль о том, чтобы трахать кого-то другого, кроме Кортни, делает мой

член вялым.

— Все в порядке.

— Боже, — кричит она в воздух, — я так скучаю по нему. Мой дом такой пустой, и каждый раз, когда мы занимались сексом с тобой, я чувствовала себя виноватой. Как будто бы изменяла ему. Поэтому я не смотрела тебе в глаза. Я притворялась, что ты — это он. Я просто хочу, чтобы он вернулся, — она кладет свою голову на руки и продолжает плакать.

Я должен злиться, что она думала, о ком-то другом, пока я трахал ее, но почему-то меня это не беспокоит. В действительности, я чувствую облегчение.

— Все будет хорошо, — я неловко поглаживаю ее спину и понимаю, насколько легче успокаивать Кортни.

Мне жаль Лизу, но у меня нет необходимости забрать ее боль и держать ее, пока она не перестанет плакать.

— Моя подруга скоро должна быть здесь. Я попросила ее забрать меня, я собираюсь остаться в доме родителей на некоторое время.

— Хорошо.

— Спасибо, Сэм. Я ценю, что ты нормально к этому относишься.

— У нас у всех есть собственное дерьмо.

— Что за дерьмо есть у тебя?

— А, — я пожимаю плечами, — кое-что из моего прошлого.

— Ааа, печальное прошлое, думаю, оно есть у каждого из нас.

У нее звонит телефон, и она проверяет его.

— Это моя подружка. Еще раз спасибо тебе.

— Я провожу тебя.

Когда мы выходим на крыльцо, она дает себя обнять. Правда, когда она пытается отстраниться от меня, голосок Бена прерывает нас, и она отступает достаточно далеко от меня, чтобы стало видно, как он и Кортни поднимаются по лестнице.

— Привет, Сэм. Посмотри, мой дедушка подарил мне новый бейсбольный мяч. Он светится в темноте.

Он бросает мяч, и я ловлю его в тот момент, когда Лиза отходит.

— Увидимся, Сэм, — Лиза целует меня и садится в машину подруги.

Я сжимаю мяч потому что, когда смотрю на Кортни, это рвет меня на части.

— Пойдем, Бен, — я поворачиваю голову в ее сторону, потому что в ее голосе слышится гнев, который никогда не слышал. Да, она злится.

— Я могу поиграть с Сэмом? — спрашивает ее Бен.

— Нет, иди в дом, — он опускает голову и следует за ней, когда она уходит. Дверь захлопывается, и я закрываю глаза. Бл*дь.

У меня остался мяч Бена, и я знаю, что он захочет его вернуть, поэтому позже той же ночью, в то время когда, насколько я знаю, он уснул, я стучу в их дверь.

Даже если бы у меня не было этого оправдания, я все равно должен был пойти к Кортни и все объяснить. Мне нужно найти способ быть с ней. Даже если это означает: идти против всего, что я пытался строить вокруг себя.

Она выходит на крыльцо и скрещивает руки на груди:

— Что?

— Вот.

Я бросаю ей мяч.

— Спасибо, — она ловит его и поворачивается, чтобы уйти, но я хватаю ее за руку.

— Это было не то, на что похоже.

— Что? Ты трахнул девушку, и она вышла из твоего дома, в то время как не прошло и недели, как мы чуть не трахнулись на моей кухне?

— Нет.

— О, неужели? — она скрещивает руки и прищуривается. — Так что, это просто было мое воображение?

— Я ее не трахал.

Хотел бы я знать, почему чувствую необходимость сказать это. Было бы намного проще, если бы она злилась на меня.

— Ты ожидаешь, что я поверю в это? — она сжимает мою руку.

— Ты ходила на свидание, Кортни. Тебе было хорошо с ним?

— Это планировалось заранее, и я не трахалась с ним.

— Я не трахался с ней, — я делаю шаг ближе к ней.

— Хорошо. Без разницы. Я дала тебе возможность. Я дала тебе шанс попробовать, Сэм. Но я не буду вторым вариантом и не стану одной из твоих шлюх. Я покончила с этой чертовщиной между нами, — она наклоняется ко мне, чтобы подчеркнуть свое отвращение, и ее слова опять заставляют меня оправдываться.

— Зачем мне врать тебе? Что я выгадаю от этого?

— Потому что ты думаешь, если я поверю, что ты не спал с ней, то волшебным образом раздвину свои ножки перед тобой снова. Этого не произойдет. Первый раз был ошибкой, — я качаю головой из-за дерьма, вылетающего из ее рта. Я никогда не спорил с женщинами до этого. Это безумие.

— Ты спятила, Кортни. Ты хотела этого так же сильно, как и я. И если бы открыла свои миленькие глазки, то увидела, что я смотрю не только тебе между ног.

— Меня это не волнует, — и снова она поворачивается, чтобы уйти.

— Если тебя это не волнует, то почему ты так злишься? — мои слова заставляют ее замереть. Она упирается лбом в дверь и качает головой взад-вперед.

— Тебя заботит это по тем же причинам, что и меня. Боже, женщина, ты заставляешь меня что-то чувствовать.

Не оборачиваясь, она спрашивает:

— Как я могу знать, что ты чувствуешь? Ты не дал мне понять, что чувствуешь больше, чем желание просто трахнуть меня.

Я смеюсь, и она поворачивается, чтобы взглянуть на меня, и мой смех умирает, когда я вижу невыплаканные слезы в ее глазах.

— Иди сюда, — я поднимаю свои руки, а она медлит секунду, прежде чем подойти, уткнувшись в мои объятия.

— Клянусь тебе, я пытаюсь. Что ты хочешь от меня?

— Это ты-то пытаешься? — я запускаю свои руки в ее волосы и раздумываю над ответом. Что же я действительно хочу? Отношений?

— Ты больше не пойдешь ни с кем на свидание, и я тоже, — ее смех вибрирует в груди.

— Какое благородство с вашей стороны.

— Не смейся надо мной. Это большое дело для меня, — она отстраняется от меня.

— Я сожалею.

— Все в порядке.

— Итак, если я не могу встречаться ни с кем, ты приготовишь мне ужин?

— Я не буду делать весь ужин.

— Тогда и я не буду готовить тебе.

— Ты уверена? — я стискиваю ее задницу и прижимаю к своему возбужденному члену.

Кортни задыхается и перестает смеяться.

— Одно свидание, и мы посмотрим, куда это нас заведёт.

— Всего одно свидание — и я смогу залезть к тебе в трусики? Мисс Галлахер, так просто?

— Я не говорила, что ты залезешь ко мне в трусики. Я сказала, что мы сможем посмотреть, куда это нас заведёт. Ты — мой арендодатель, и у меня есть Бен. Я не могу рисковать, чтобы все это стало безобразием. Мне нужно это место, чтобы жить.

Меня злит, что она так низко думает обо мне.

— Позволь мне сказать кое-что один раз. И я не хочу об этом говорить снова, ладно?

— О чем?

— Я бы никогда не выгнал тебя и Бена. И я никогда не причиню ему вреда. Я не могу обещать, что не расстрою тебя, но я бы умер, если бы позволил чему-то плохому случиться с этим ребенком.

— Хорошо, — шепчет она.

— Хорошо, — я наклоняюсь и прижимаюсь своими губами к ее, ставя печать на своей судьбе.

Глава 9

Кортни

После нашего разговора с Сэмом я ложусь спать с улыбкой на лице. Я не собираюсь надеяться на наше совместное будущее, но кто захочет идти по жизни в одиночку? Точно не я. И я знаю, что нам было бы хорошо вместе с Сэмом. Возможность «нас» заставляет мое сердце биться быстрее.

— Мама? — я сажусь и включаю лампу.

— Что случилось, малыш?

— Мне приснился плохой сон, — голос Бена прерывается, и мое сердце разбивается на части из-за его страха.

— Залезай, — я хлопаю по кровати, и он прыгает в неё и ползет под одеяло, чтобы прижаться ко мне.

— О чем был сон? — он зевает.

— У нас в доме был плохой парень, он преследовал меня.

— Ох, милый, здесь никого нет.

— Я знаю.

Я поглаживаю его спину, пытаюсь успокоить, пока он захлёбывается от слез.

— Мама?

— Да, Бенджамин?

— Я испугался, потому что у нас нет папы, а я недостаточно большой, чтобы защитить нас, если к нам придет плохой парень.

В тишине я слышу, как мое сердце дает трещину.

— С нами все будет в порядке, — я глажу его спину и отворачиваю свою голову, чтобы

он не увидел, как мне стыдно.

Меня убивает то, что я не могу познакомить его с отцом. Но какой у меня есть выбор? Подать на Мэтта в суд, чтобы заставить его видеться с собственным сыном? Ради денег?

— Я уверен, что Сэм бы нам помог, — шепчет он, засыпая.

— Что?

— Сэм бы нам помог, если бы нам угрожал плохой парень. Правда же?

— Да, дорогой, — я целую его в лоб, — Сэм бы нам помог.

*

Обычное утро понедельника: я бегаю по дому, чтобы собраться. Я забыла подготовить вчера обед для Бена, так что кидаю в ланчбокс случайные продукты, надеюсь, что мне не передадут записку из школы, о том, что у Бена снова несбалансированный обед.

— Быстрее, Бен! Мы опаздываем! — я на ходу завязываю свои ботинки, идя к двери.

— Ладно, я готов, — он подбегает к двери, открывает ее для меня и восклицает: — Привет, Сэм.

«Дерьмо». Я в полном беспорядке, мои волосы собраны в крысиный хвост, и я не нанесла макияж. Мой план состоял в том, чтобы забросить Бена в школу и наложить макияж в машине до начала моей смены в продуктовом магазине. Я быстро надеваю очки, по крайней мере, это сможет спрятать мешки под глазами.

— Привет, малыш.

— Я могу поиграть на твоём телефоне в машине?

— Конечно, держи, — я вытаскиваю и отдаю ему, пока он бежит к автомобилю.

Сэм стоит напротив меня и смотрит, как Бен садится в машину, прежде чем переключить свое внимание на меня. В моём горле становится сухо, когда он кладет свои пальцы на пояс моих черных рабочих брюк и тянет меня к себе. Он такой мужественный, что, когда он уделяет мне внимание, я чувствую себя рядом с ним подростком.

— Сними очки, — говорит он своим хриплым голосом.

— Зачем? — смеюсь я.

— Я хочу видеть твои глаза, — мне стыдно, что я выгляжу дерьмово. Он награждает меня тяжелым взглядом, потому что я стою и не двигаюсь какое-то время.

— Ладно, — я снимаю и убираю их в задний карман.

Он наклоняется ближе и понижает голос.

— Я уверен, ты не хочешь, чтобы Бен увидел, как я пристаю к тебе, так что тебе нужно наклониться вперед и поцеловать меня.

— Он все равно увидит.

— Нет, не увидит. Я закрываю тебя.

«Но...»

— Кортни, я вишу на волоске. Мне нужно, чтобы ты подтянула мою рубашку ближе к себе, чтобы я мог попробовать твой вкус прежде, чем ты уйдешь на весь день, или, — он наклоняет голову, — я могу быть тем, кто схватит тебя, но не уверен, что смогу контролировать себя, если мои руки будут на тебе.

— Ох... Мкхмм, — я слишком долго думала, поэтому его руки скользят вверх по моей талии и к рукам и поворачивают мою голову так, чтобы наши лица находились на одном уровне. Святое дерьмо.

— Я нетерпеливый человек, детка. Бл*дь, поцелуй меня, — я пытаюсь поцеловать его быстро и даже дружелюбно, потому что мой ребенок находится в десяти футах от меня.

Конечно, все его внимание в игре, в которую он играет на моем телефоне, но все же, Бен может посмотреть в любую секунду.

Сэм кусает мою верхнюю губу, нежно тянет, а затем скользит языком мне в рот. Мы оба издаем стон, и через минуту я отступаю. Он смотрит на мое лицо, затем его взгляд блуждает по каждому дюйму моего тела. В его взгляде появляется какая-то нежность, которую я никогда раньше не видела, превращая этого сексуального мужчину в того, в которого я могла бы легко влюбиться. Насытившись мной, он аккуратно отпускает меня, берет мою сумку и за руку ведет к машине.

Я думаю об этом поцелуе целый день. Я перепутала пару заказов в магазине и проехала знак «стоп», но мы с Беном каким-то образом доехали до дома целыми и невредимыми.

Я укладываю Бена в постель и наливаю себе бокал вина. Затем вынимаю свою папку с долгами и достаю последний счет — больница Святой Марии, одиннадцать тысяч четыреста двадцать два доллара и двенадцать центов.

Нужно работать всю жизнь, чтобы расплатиться. В больнице разработали график погашения моего долга. Я выплатила половину долга, но минимальный уровень платежа никак не снижается. Я вытаскиваю свою чековую книжку из кошелька и выписываю чек на сто двадцать пять долларов. Это все, что я могу оплатить в этом месяце.

Мой телефон вибрирует на столе, и улыбающееся лицо Моны освещает экран.

— Привет, — отвечаю я.

— Почему ты мне ничего не рассказала?

— О чем?

— Кевин, — я надеялась избежать этого разговора с ней. Не хочу, чтобы она плохо себя чувствовала из-за того, что «хороший» парень, с которым она меня свела, оказался совсем нехорошим.

— Мона, это не так уж и важно, — Кевин напугал меня, и, если бы Сэма не было бы рядом, я не знаю, что могло произойти. Но я ничего не слышала от Кевина.

— Именно, что важно! — кричит она.

— Откуда ты вообще узнала о том, что произошло?

— Кевин рассказал сегодня на работе.

— Что конкретно он сказал о произошедшем? — я хватаю свой бокал и поджимаю ноги под себя, садясь на диван. Пальцами кручу бирюзовую ленту на подушке, которая прикрывает дырку в ней.

— Я спросила его о том, как прошло свидание, и в ответ он наградил меня тяжелым взглядом. Я даже не знаю, как его описать.

— Попробуй.

— Сожаление, гнев. Я не знаю. Он сказал, что очень сильно расстроился из-за того, что вы расстались.

— Мы даже не встречались для того, чтобы официально расстаться.

— Я знаю. Он сказал, что был груб и жесток, и он чувствует себя ужасно, — ее голос мягкий и печальный.

— Он и должен. Сэм подошел и заставил его уйти, — через телефон слышен звон металла, и я могу представить, что Мона бросила штопор обратно в ящик.

— Что?

— Кевин кричал на меня, все произошло так, словно щелкнул какой-то переключатель, и парень стал психованным. Он был ужасно зол.

— Извини. Я не знала.

— Не извиняйся за него, он взрослый мужчина и сам отвечает за свои поступки.

— Я не оправдываю его, но он рассказал мне слезную историю о том, как его бывшая жена и невеста изменили ему и теперь у него проблемы с самооценкой.

— Забавно, — смеюсь я без тени юмора, — он забыл мне об этом упомянуть.

— Дерьмо, Корт. Я больше не заставляю тебя никуда идти. Чувствую себя дерьмово, зная теперь, какой он придурок.

Я делаю глоток вина.

— Как я уже сказала, это не твоя вина.

— Итак... расскажи мне о том, как Сэм пришел к тебе на помощь, — я откидываюсь назад и пересказываю ей весь инцидент.

Я рассказываю ей о том, как он заставляет меня чувствовать себя, о том, что сказал Бен о нем насчет его помощи. Я включила в свой рассказ и наше соглашение, и я смеюсь над Моной, когда она говорит, что я влюблена.

— Нет, я не люблю его. Между нами чистая похоть.

— Кто бы ни полюбил своего героя?

Ее слова задевают меня. И на мгновение я задумываюсь, что она имеет в виду, говоря о его заслугах. Он чинит мои вещи, когда они ломаются, и защитил меня от Кевина. Он спас меня от хренового решения поехать в бар в ту ночь, и он удивительно ведет себя с Беном.

— Да, я думаю, что Сэм — мой герой, счастлива?

— Счастлива, стерва, — шутит Мона.

— Я тоже тебя люблю.

— Мне жаль, что так получилось с Кевином.

— Теперь все закончено, — я потягиваюсь и зеваю. — Я устала, позвоню тебе завтра?

— Да, спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Когда я бросаю свой телефон на журнальный столик, он отскакивает, и я бурчу себе по нос.

— Я не твой герой, детка, — глубокий голос Сэма пугает меня до чертиков, и я подпрыгиваю на десять футов.

С дрожащей рукой на сердце я поворачиваюсь к нему лицом. Боже, он потрясающий. Черные джинсы, которые свисают с его бедер, и серая толстовка на молнии. И, тем не менее, он находится в моем доме, без приглашения, почти в полночь.

— Сэм, какого черта? Ты напугал меня! Как ты сюда попал?

Он подходит ближе и выгибает бровь.

— Задняя дверь была открыта.

Черт, я, наверное, забыла закрыть ее, когда выбрасывала мусор.

— Все равно. Ты не мог постучать? — опять же, я выгляжу дерьмово. Я переодела рабочую форму на старые фланелевые пижамные штаны и забрызганную синюю майку.

Он пристально смотрит на меня, и быстрые удары моего сердца замедляются. Тогда я узнаю его выражение лица. Челюсть плотно сжата, брови нахмурены.

— Что случилось? — он слегка встряхивает головой, прежде чем с разочарованием пробежать рукой по своему лицу.

— Я пришел сюда, чтобы увидеть тебя. Я не мог перестать думать о тебе целый день.

В этом мы похожи.

Но по какой-то причине я чувствую, что мне не понравятся его следующие слова. Чувствуя себя как дома, Сэм берет пиво из холодильника и останавливается около кухонного стола. Когда я понимаю, на что он смотрит, то подбегаю к столу и запикиваю бумаги обратно в папку. Меня смущает, что он видел мои долги. Его глаза оценивают меня, и есть что-то в том, как он смотрит на меня, что заставляет меня нервничать. Интересно, будет ли это выглядеть ужасно, если я выпью отставшую часть вина из бутылки?

— Я видел, что у тебя все еще горит свет и решил зайти. Может, мы куда-нибудь сходим или еще что-нибудь?

— Ладно, — я сажусь на стул, используя его в качестве щита.

— Потом я услышал твой разговор по телефону, будто я твой герой, — я озадачена тоном его голоса. Холодный. Отстраненный. — Я этого не хочу. Я сказал, что не буду спать с кем-то еще. Вот и все.

Я выбираю слова осторожно, потому что могу сказать, что он борется с напряжением внутри себя.

— Я знаю это.

— Тогда какого хрена, ты делаешь это большим, чем оно есть? — в отчаянии спрашивает он.

— Я этого не делаю, — я приближаюсь к нему и беру его за руку. — Посмотри на меня, — его челюсть плотно сжата, и я вижу растерянность на его лице. Он злится на себя, потому что ему нравится быть чьим-то героем. Когда он продолжает смотреть в пустоту гостиной, я дергаю его за руку. — Посмотри на меня, Сэм. Поговори со мной.

Он ставит свое пиво на стол и хватается за другую руку, притягивая к своему телу. Каждый дюйм его тела так тверд напротив меня, и у меня пульсирует между ног. Это происходит, когда я просто смотрю на него, изнывая от желания.

— Я не хочу говорить, — он ведет меня к дивану с какой-то нежностью, что не соответствует его настроению, и укладывает на него.

Он хватается за мою рубашку и дергает ее вниз, затем расстегивает мой бюстгальтер, чтобы освободить грудь. Его пальцы массируют мои ребра и живот. Я наблюдаю за ним, очарованная тем, как его взгляд следует за его руками. Когда он достигает моих сосков, то осторожно обводит их, прежде чем наклоняется и пробегает по ним языком.

— Сэм, — я издаю стон, желая большего и сходя с ума от этой нежности.

— Ты такая красивая, Кортни. Каждый твой дюйм, — я хочу, чтобы он при этом смотрел мне в глаза, но вместо этого Сэм напряжено смотрит на мое тело. Его руки сжимают мои штаны, и одним движением я оказываюсь обнаженной для него.

Я говорила, что не буду спать с ним, пока мы не поговорим или не сходим на свидание, но прямо сейчас у меня нет столько силы воли.

Он проводит пальцем по моему бедру с внутренней стороны, затем делает это снова, каждый раз находясь ближе к тому месту, где я нуждаюсь в нем больше всего. Мое тело сотрясает дрожь, но я заставляю себя оставаться неподвижной, чтобы он мог делать все, что ему нужно. Я хочу, чтобы это работало с нами, зная, что то, что происходит прямо сейчас, — это и есть то большее. Я не знаю почему, но это так.

Его пальцы находят мой клитор, начиная медленными движениями потирать его. Я издаю громкий стон, а Сэм усмехается.

— Тебе нравится? — я не могу ответить, но он, похоже, понял, что мне нужно, потому что убирает свои пальцы. Сэм разводит мои бедра шире, а затем использует свой язык, чтобы продолжить сводить меня с ума неспешными круговыми движениями вокруг клитора.

— Боже, Сэм.

Я чувствую жар и капельки пота, что скатываются по моей спине. Руками, я сжимаю обивку дивана, закусив губу, чтобы не стонать в голос. Сэм издает еще один смешок, прежде чем вставить в меня два пальца и всосать мой клитор.

Это все, что мне нужно, чтобы взорваться. У меня никогда не было такой мощной реакции на кого-то.

Я хватаю его за волосы, зажимаю его голову там, где мне нужно, чтобы он остался, и приподнимаю свои бедра, трахая его, получая остальную часть своего оргазма.

Я отпускаю мертвую хватку его волос, и его мягкие, влажные губы покрывают поцелуями мое тело. Когда он достигает моего рта, я охотно открываю его, и он использует тот же медленный ритм, чтобы сплестись со мной языками в глубоком поцелуе.

Я присаживаюсь, а затем пытаюсь встать. Я хочу, чтобы он был голым и внутри меня, но его сильные руки отталкивают меня.

— Нет, — бормочет он напротив моих губ.

Я отстраняюсь от него, встречаясь с ним взглядом.

— Нет, что?

— Я не могу сделать это.

Он отталкивается от дивана и раздраженно потирает лицо. Сэм смотрит на лестницу, шагает ближе ко мне и, понизив голос, говорит:

— Я не знаю, как быть тем парнем, каким, по-твоему, я могу быть.

Мое сердце разбивается на части из-за стоящего рядом со мной мужчины. Он очень старается, и мне нравится это в нем.

Я снимаю остальную часть одежды и прохожу весь путь к нему. Мои руки перемещаются к его толстовке, расстегивая ее.

Я пробегаюсь ногтями вдоль его груди — мне нравятся, что у него есть волосы на ней.

Я опускаюсь на колени и хватаю его за джинсы. Он шипит сквозь зубы, когда я вытаскиваю его твердую эрекцию и размазываю капли предсемени по головке. Мне нравится его дразнить, медленно вылизывать каждый сантиметр его члена и массировать яички. Сэм не говорит ни слова, просто откидывает мои волосы в сторону и держит их одной рукой, в то время как использует пальцы другой, чтобы провести вдоль моего лица.

Я удивляю его, начав сильнее посасывать его толстую головку, проведя языком по расщелине, на что колени Сэма подгибаются.

— Бл*дь, это хорошо, — грубо шепчет он, резко садясь на диван.

Я поворачиваю свое тело, чтобы получить лучший угол, больший доступ и принять его настолько глубоко, насколько могу. Моя рука на основании его члена, помогая ласкать то, что мой рот не может вместить. И я увеличиваю свой темп с каждым заглатыванием, всасывая его так, как будто от этого зависит моя жизнь. Я хочу, чтобы это было так же удивительно для него, как и для меня.

Он стонет и приподнимает бедра. Зная, что заставляю его чувствовать подобное, мне становится еще жарче. Я сжимаю ноги вместе, пытаюсь смягчить давление, но это бесполезно.

Почувствовав мое возбуждение, он отталкивает меня от себя и ложится на диван. Со

злым блеском в глазах он говорит:

— Поднимайся.

Я не теряю времени, садясь сверху на него, готовая опуститься на его член.

Но Сэм поворачивает меня так, чтобы я оседлала его лицо, и вставляет пальцы внутрь меня.

— Ох, черт! — я наклоняюсь и трахаю его в том же темпе, что и он трахает меня в рот. Сэм запикивает свой член так глубоко, что заглушает мои крики.

Он использует вторую руку и растирает жесткими быстрыми движениями мой клитор. Когда я снова взрываюсь, его пальцы исчезают, и он тянет меня ко рту. Все мое тело бьется в спазмах пережитого оргазма и от того, что я слышу его хриплое затрудненное дыхание, вибрирующее у моего опухшего клитора. Это заставляет мои бедра подрагивать. Я чувствую вкус его соленой спермы у себя во рту и слизываю последнюю каплю со своих губ, когда его член вырывается из моего рта.

Наши тела становятся вялыми, но у меня хватает ума, чтобы сползти вниз и развернуться. Мы оба стонем, в то время как моя мокрая киска трется о его еще твердый член, и мы двигаем бедрами, получая последнюю часть удовольствия, прежде чем оно исчезнет.

В конце концов, наше дыхание выравнивается. Ощущение его рук, пробегающих вверх и вниз по моей спине и заднице, убаюкивает меня, и я засыпаю.

Глава 10

Сэм

Я смог немного отвлечься ночью, что совершенно для меня не свойственно. Я обнимаю Кортни, пока она спит, и это приносит мне удовлетворение, которого мне так не хватало. Я должен был снова заняться с ней сексом, воспользоваться этой возможностью, но что-то в ее глазах заставило меня уважать её «никакого секса на первом свидании» правило. Поза «69» была просто ох*енной, серьезно. Мы определенно должны сделать это снова.

Я по-прежнему лежу на спине, а она повернулась на бок, каким-то образом вклиниваясь между мной и спинкой дивана. Она скинула одеяло, которым я укрыл ее, одна нога перекинута через мои, а ее руки крепко сжали меня. Я обернул свои руки вокруг нее, и как бы я не думал, что должен, я не могу отпустить её.

Мои веки снова тяжелеют, когда я слышу звук смываемой воды в туалете. У меня уходит секунда на то, чтобы понять, что Бен проснулся.

Я вскакиваю с дивана и одеваюсь за десять секунд. Держа одежду Кортни в одной руке, я отвожу ее в сторону и случайно задеваю лицо девушки брюками. Она забавно отбивается, а я смеюсь, хватая ее за плечи и встряхивая.

— Кортни, Кортни, просыпайся! — говорю я спокойным голосом, так как не могу орать; я все также неистово трясу ее, когда пытаюсь натянуть свои носки, прыгая вверх-вниз на одной ноге. — Вставай, детка!

Она открывает глаза и улыбается мне.

— Доброе утро.

— Бен!

Ее глаза расширяются, она садится, сбивая меня с ног, и я приземляюсь на задницу.

— Черт. Прости!

Ее штаны вывернуты наизнанку, и я не могу удержаться от смеха, поскольку она успевает надеть их вывернутыми.

— Мамочка, — кричит Бен, его голос эхом разносится с лестницы. — Ты проснулась?

— Да, я внизу, — отвечает она, шипя под нос ругательства.

— Я одел свои тапочки, можно мне теперь большую вафлю?

— Да. Вафли.

— Да!

Я хватаю штаны и выворачиваю их, пока она натягивает рубашку и запихивает бюстгальтер и трусики за диванные подушки.

Как только она застегивает ширинку, Бен появляется из-за угла.

— Доброе утро, мамочка!

Он подбегает к ней, и, когда она поднимает его на руки, он кладет голову ей на плечо. Ее глаза задерживаются на мне, и хотя я все еще стараюсь не смеяться, становится ясно, что для неё вся эта ситуация уже не выглядит столь забавной.

— Доброе утро, дорогой.

Она целует его в макушку, и он обнимает её около минуты. Затем садится и тянется к пультам, но останавливается, снова замечая меня.

— Привет, Сэм.

— Привет, дружище.

— Ты спал здесь?

— Нет, — отрезает Кортни прежде, чем мне предоставляется возможность ответить. — Он просто пришел, чтобы кое-что починить. Так ведь? — её брови поднимаются, и она умоляет меня взглядом.

— Ага, — отвечаю я, отчаянно пытаюсь не потерять самообладание перед Беном, но то, как она волнуется, забавляет меня.

— Ой, — он переключает канал, затем поворачивается ко мне. — Ты опять чинишь ее трубы?

Не в силах сдержать смех, я обхватываю живот и наклоняюсь вперед, в то время как Кортни по-прежнему стоит в шоке, стгорая от стыда.

Наконец, немного успокоившись, я отвечаю:

— Да. Так и есть. Но теперь они в порядке, поэтому я могу пойти домой.

Кортни, наконец, обретает голос:

— Останься на вафли.

Я одариваю её испытующим взглядом, и ее губы изгибаются в застенчивой улыбке.

— Ну ладно. Так и быть.

— Да? — спрашивает она с надеждой.

— Да. Вафли — звучит отлично!

Она прикусывает нижнюю губу и заправляет волосы за ухо.

— Мне просто нужно несколько минут, чтобы переодеться, затем я возьмусь за них.

— Окей.

Я наблюдаю за тем, как покачиваются ее бедра, весь путь наверх по лестнице. «Какого хрена я делаю?»

— Хочешь посмотреть со мной мультики? — спрашивает Бен.

— Конечно.

Я сажусь на диван, и прежде, чем моя задница опускается на подушку, он оказывается у

меня на коленях, держа плюшевого медвежонка и прижимаясь ближе.

Мы молча смотрим мультики. После того, как слышится звук шагов по лестнице, я чувствую присутствие Кортни, стоящей рядом со мной, но избегаю смотреть на нее, потому что знаю, что в ее больших зелёных глазах будет ещё больше надежды, чем прошлой ночью. А я не могу дать ей больше прямо сейчас. Мне нравится проводить время с Беном, но я не хочу обнадеживать ее. На кухне начинает звенеть посуда, и я вздыхаю с облегчением, зная, что она больше не наблюдает за мной и Беном.

Когда еда готова, Кортни зовёт нас на кухню, и я разрываюсь между семью различными начинками, разложенными на большие бельгийские вафли. Так легко и естественно: быть здесь, сидеть за их столом. Это та семья, которую я хочу? Нет. Я привык? Да. Но все же эти два человека заставляют меня понять, что я упустил.

*

Последние две недели состояли из украденных поцелуев на крыльце и нескольких проведенных тайком ночей после того, как Бен засыпал. Я хотел остаться с ней, желал засыпать с ней в своих объятиях, но это будет слишком много. Я не готов к этому снова, пока что.

Мы, наконец-то, идём на свидание сегодня вечером. Кортни пришлось попросить кого-то поменяться с ней сменами, так как она должна была сегодня работать в стрип-баре.

Я застаю Мону и Бена уезжающими, когда закрываю свою входную дверь. Мои руки дрожат, когда вставляю ключ в замочную скважину. Такое чувство, будто я не был на свидании вечность, и я не хочу облажаться. Очевидно, у меня есть проблемы с доверием, и я работаю над этим, но, чёрт, это сложно. После того, что сделала Иззи, незнание мотивов делает меня циничным ублюдком.

Я стучу в дверь Кортни и вытираю потные ладони о свои джинсы. Она открывает ее и жестом показывает зайти внутрь. Чёрт, она прекрасна. Часть ее волос заколота наверх. На ней черные джинсы, сидящие так плотно, что по праву составляют хорошее сочетание с парой сексуальных ботильонов. Ее белая рубашка на пуговицах соблазнительна во многих отношениях. У меня появляется желание облить ее водой, ведь так я смогу видеть сквозь прилипший материал, а затем расстёгивать пуговицы, одну за другой своими зубами. Нет, я хочу разорвать ее пополам и наблюдать за тем, как пуговицы катятся по полу.

— Сэм, — зовёт она меня, и я трясую головой, отгоняя своё видение.

«Нет». Потому что мы оба знаем, что произойдет дальше.

Секс. Грязный, горячий, потный. Секс у двери. Я планирую, что это случится, но после нашего свидания. Я готовился к этому так долго, и почему-то для меня сейчас сдержать слово гораздо важнее, чем нарушить обещание, данное мной, чтобы снова оказаться внутри ее.

— О! Эмм. Позволь мне захватить сумочку.

Когда она возвращается, я протягиваю ей руку, и мы идём к моей машине. Как только выезжаю с подъездной дорожки, ее смех заполняет салон автомобиля.

— Что смешного?

— Ничего. Просто... — она делает глубокий вдох и немного опускает стекло. — Я так волнуюсь. Что глупо, так как я знаю тебя. Или так как мы не... я знаю, мы делаем так, как договорились. Но это чувствуется иначе, и я просто... Видишь? Я нервничаю и несу чушь.

Это был подходящий момент, чтобы сказать ей, что и я чувствую то же самое. Но я же мужчина, и это, бл*дь, ни за что не случится. Вместо этого, я кладу руку ей на бедро и слегка сжимаю его.

— Это всего лишь я. Не нервничай.

Она кладет свою руку поверх моей и энергично кивает.

— Ага. Просто ты. Я буду в порядке.

Я думал о том, где бы трахнуть ее сегодня ночью, больше, чем мне хотелось бы признать. Когда ни что не оказалось для меня подходящим, я решил воспользоваться проверенным на практике способом: ужин и фильм.

Ее ноги дрожали, и она перебирала пальцами на протяжении всей поездки. Когда мы припарковываемся, еще в грузовике, она поворачивается ко мне, и я всматриваюсь в ее лицо.

— Это всего лишь я, детка. Расслабься.

— Окей, — шепчет она.

Я наклоняюсь и прижимаюсь своими губами к ее. Наступает облегчение, когда она расслабляется рядом со мной. Мы разрываем поцелуй и идём внутрь ресторана, затем следуем за распорядителем к столику.

Подходит официант и выполняет свою дерьмовую работу, не сводя глаз с ее груди, когда мы заказываем напитки. Когда он возвращается, она первой заказывает цыпленка, а затем я заказывают стейк. Она ухмыляется, и я спрашиваю ее, в чем дело, после того, как официант удаляется.

— Ничего. Я просто знала, что ты будешь тем парнем, что берет стейк.

— Так и есть, я такой, — я делаю глоток пива.

— Итак, как же ты начал собственный бизнес?

— Это все мой дед. Бизнес принадлежал ему, когда я начал работать на него в восемнадцатилетнем возрасте. Когда он умер, я взял бразды правления в свои руки, что было вполне естественно.

— Тебе нравится это?

Я секунду размышляю о своём ответе.

— Да. Я имею в виду, это действительно все, что я знаю, и мне нравится, что я могу распоряжаться собственным временем и не должен ни перед кем отчитываться.

— Держу пари, — смеётся она, — он был отцом твоего отца.

— Нет. Моей матери.

К счастью, официант приносит нашу еду, так что я могу избежать ещё каких-либо вопросов. Мне не хочется обсуждать мою *баную семейку с ней.

— Могу я принести вам что-нибудь ещё? — спрашивает он.

— Нет. Спасибо.

Я качаю головой.

— Хорошо. Наслаждайтесь едой.

Настроение за столом резко изменилось, и я знаю — это моя вина. Я избегаю мыслей о своём прошлом столько, сколько могу. Забавно, что вещь, сделавшая меня тем, кто я есть, — это то, что я отчаянно пытаюсь забыть.

— Вкусно? — спрашиваю я между укусами, указывая на ее цыпленка.

— Очень вкусно, — практически стонет она. — Я не ем много, и чаще всего это простая в приготовлении пища, такая как спагетти или домашние макароны с сыром.

— Лучше, чем полуфабрикаты.

— Не на много.

— Ты делаешь потрясающие вафли.

— Признаю. Обычно я готовлю их по выходным. Бен обожает их.

Мы доедаем свои блюда, и официант приходит, чтобы забрать наши тарелки. Я весь вечер наблюдал за этим маленьким ублюдком, и когда он снова косится на грудь Кортни, я не могу оставаться спокойным. У меня действительно нет никаких прав на нее, но будь я проклят, если буду сидеть, сложа руки, и смотреть, как он трахает ее глазами.

Спокойно, контролируя себя, я говорю ему:

— Когда я впервые увидел, как ты пялишься на ее грудь, я дал тебе поблажку, потому как ее невозможно не заметить. Но с тех пор ты делаешь это всякий раз, возвращаясь сюда, — он выпрямляется и пытается удержать вилку, которая вот-вот упадет с тарелки из-за его трясущихся рук. — Сейчас ты меня просто бесишь. Поэтому я предлагаю тебе уйти отсюда и прислать кого-то с моим счётом.

Я беру салфетку и бросаю ее на пустую тарелку, после чего скрещиваю руки, чтобы не дотянуться и не долбануть его лицом о стол.

— Я... — он заикается и уходит. Умный чувак.

— Святое дерьмо, — шепчет Кортни.

Ее глаза расширяются, и она прижимает руку к сердцу.

— Извини, — я пожимаю плечами.

— Нет... Ты... Все в порядке. Спасибо.

Через мгновение молоденькая девушка приносит наш счёт, и я вручаю ей свою кредитку, даже не взглянув на нее. Когда она возвращается, я оставляю дерьмовый отзыв, подписываю бумагу, и мы выходим. Больше Кортни не проронила ни слова, и я беспокоюсь, что разозлил ее.

Прежде чем я успеваю открыть ей дверцу, она толкает меня к грузовику и фактически набрасывается на меня. Сначала ее руки погружаются в мои волосы, а после ее горячий маленький ротик обрушивается на мой. Я хватаю ее за бедра и притягиваю ближе, не в состоянии получить достаточно — никогда не смогу получить достаточно. Она делает шаг назад и смотрит на меня.

— Отвези меня домой.

— Но мы не закончили наше свидание, — шепчу я.

— Мне это необходимо. Пожалуйста, отвези меня домой.

Я жёстко целую ее и открываю дверцу.

— Мне не нужно говорить трижды.

Видимо, моя женщина заводится от парня, что вступился за нее. Как только мой ключ в зажигании, она начинает говорить.

— В первый раз, когда я вышла с Кевином, он заказал пасту, а я подумала о том, что Сэм заказал бы стейк, — она наклоняется и обхватывает мой твердый член. Я стискиваю зубы. Христос, она делает меня твердым. — Затем официант продолжал разглядывать мою грудь, а все, о чем я могла думать, что Сэм непременно сказал бы что-нибудь на это, — она все сильнее сжимает и трёт мой ствол через джинсы.

— Ты должна остановиться, детка. Я волнуюсь, что разобью этот грёбаный грузовик.

— А я знаю, как? — она не останавливается, вместо этого, наклоняется и облизывает мое ухо, а затем кусает его. — Ты заводишь меня. Я никогда в своей жизни не была так возбуждена. У меня никогда не было никого, кто мог бы заступиться за меня.

Я хватаю ее за руку, сбрасываю газ и паркуюсь на подъездной дорожке, едва не наезжая на бордюр.

Мы выходим из машины и бежим в дом. Зайдя внутрь, она сразу же опускается на колени, стаскивая мои штаны. Не то, чтобы я возражал, да если бы и захотел, она не дала мне времени. Она всасывает меня в свой горячий влажный рот, и меня смущает то, что я уже близок к разрядке.

— Где ты хочешь, чтобы я тебя трахнул? — спрашиваю я, наклоняясь, чтобы снять рубашку. Я действительно пытаюсь расстегнуть пуговицы, но нетерпелив, поэтому просто отрываю их. Она не сбавляет темп, но я поднимаю ее, и она заканчивает снимать свою одежду. Всю ее. Я делаю то же самое.

— Где, детка?

— В спальне.

Она бежит впереди меня, и я шлепаю ее по попке. Я уже на полпути к лестнице, прежде чем вспоминаю о том, что нужно схватить презерватив. Я натягиваю его, избегая вверх по лестнице.

Как только добираюсь до ее комнаты, вижу, что Кортни уже лежит на кровати и раскрыта для меня. В тусклом свете ее тело так прекрасно, что мое дыхание стало прерывистым и неровным. Так чертовски красиво. Я встаю на колени между ее ног и приближаюсь вплотную. Толчок. Всхлип. Мы стонем от тесного контакта, и она поднимает свои бедра, призывая меня продолжать.

Я врезаюсь в нее снова и снова. Она встречает каждое мое движение и подстраивает под них свои собственные. Боже, она чертовски прекрасна. Все в ней прекрасно.

— Поцелуй меня, — шепчет она.

Я опускаюсь на локти и замедляю свой темп. Я делал бы это вечно, если бы мог. Наши губы соприкасаются, и чертов электрический разряд проходит сквозь меня. Ощущение шокирует меня, и я отстраняюсь. Когда открываю глаза, вижу, что она смотрит на меня с трепетом. Я прижимаюсь лбом к ней и двигаю своими бедрами, занимаясь любовью с женщиной, которая делает меня цельным.

Глава 11

Кортни

Выскальзывая из-под руки Сэма, я тихонько крадусь в ванную. Пока чищу зубы, замечаю в своих глазах блеск, который так долго отсутствовал. Прошлая ночь была идеальной. Я не только чувствую, что мы сделали по-настоящему важный шаг в формировании наших отношений, но и секс был потрясающим. Я улыбаюсь, когда возвращаюсь в свою спальню и беру кое-какие вещи, чтобы переодеться. Сэм все ещё лежит на боку, обнимая подушку.

Так тихо, как только могу, снимаю пижамные шорты и майку, заменяя их удобной парой штанов для йоги и балахоном. Ему понравились вафли, которые мы ели в те выходные, поэтому я начинаю доставать необходимые продукты, чтобы сделать их снова. Пока жду, когда приготовится тесто, быстро посылаю смс-ку, чтобы узнать, как там Бен. Мона отвечает, что он спит, а так же ворчит, чтобы я перестала беспокоиться.

Трудно просить ее присматривать за Беном, потому как я сама уже не вижу с ним столько, сколько должна. Когда я работаю в стрип-клубе и, если Мона не может посидеть с ним, у меня есть на примете несколько студенток, которые приходят, и это, как правило,

происходит три раза в неделю. Трудный баланс: быть матерью-одиночкой и работать на двух работах. Остаётся не так много времени на себя. Итак, мои последние свидания заставили чувствовать себя виноватой. Но Мона говорит, что мне всё-таки нужно жить и быть счастливой. И я рада, что послушала ее, потому что Сэм сделал прошлую ночь такой особенной.

Когда все готово, раскладываю еду на подносе и отношу его наверх. Толкаю дверь, открывая ее ногой, ставлю поднос на тумбочку и целую Сэма в щеку. Он шевелится, затем, не открывая глаз, прикасается ко мне и тянет вниз ближе к себе, уткнувшись мне в шею.

— Доброе утро, — говорит он сонным сексуальным голосом.

— Доброе утро. Я приготовила вафли, — я беру тарелку и сажусь рядом с ним.

— Спасибо, — он садится и начинает есть, пока я открываю жалюзи.

— Итак, мне нужно забрать Бена в полдень, и Мона пригласила нас на обед.

— Нас?

Я поворачиваюсь и залезаю на кровать, стоя перед ним на коленях, говорю:

— Ага. Нас, — я наклоняюсь и нежно целую его в губы. — И я сказала Бену, что отведу его в парк, чтобы погонять мяч, и он спросил, сможешь ли ты прийти.

Он не отвечает, но сидит, скрестив руки и уставившись на меня.

— Сэм?

— Нет никаких нас... Боже, Кортни, — он встает и резко дергает свои джинсы и рубашку, затем засовывает ноги в ботинки. — Мы всего лишь трахались, вот и все. Я не занимаюсь всякой хренью, связанной с твоими друзьями.

Мое сердце разбивается, я сажусь на пятки.

— Но...

— Но ничего. Я сказал, что возьму тебя, чтобы доказать, что говорил правду о том, что не сплю с кем-либо еще. Я никогда не говорил, что хочу «играть в семью».

— О, — смотрю вниз, чтобы скрыть тот факт, что моргаю, чтобы скрыть слезы. Я так устала плакать перед ним. — Я думаю, что неправильно тебя тогда поняла, — подхожу на несколько шагов ближе к нему. — Ты имеешь в виду, что до сих пор не можешь дать мне больше, нежели отношения с исключительными привилегиями?

— Это именно то, о чём я говорю.

Я думала, что вчера ночью все изменилось, полагала, что для него это также важно, как и для меня. Видимо, нет.

— Хорошо. Этого не произошло. Я сказала тебе, если ты не можешь дать мне больше, я ничего не хочу. Что происходило в последние две недели, а? Ты целовал меня на крыльце, прокрадывался ко мне по ночам. Все это ничего не значило?

Он смеется и качает головой.

— Нет. В последние две недели я лишь обеспечивал себе место между твоих ног.

Моя рука дергается по инерции, и я бью его по лицу так сильно, как только могу.

— Убирайся.

— Корт...

— Нет! — ору я и выталкиваю его из своей комнаты. — Ты — мудака. Боже, как я могла быть так глупа?

— Я не это имел в виду, — он делает шаг вперед, имея наглость смотреть на меня с жалостью.

— Мне плевать. Я не игрушка! Либо нам по пути, либо нет. И, очевидно, ты не такой,

поэтому убирайся.

Он кивает, а я стараюсь оставаться в вертикальном положении до тех пор, пока входная дверь не захлопывается, после этого хватаю ближайшую вещь в пределах досягаемости, ею оказывается фотография Моны со мной, и швыряю ее через весь холл, разбивая стекло на тысячи осколков. Поражает меня то, что я верила, будто он порядочный парень. Что у меня действительно был шанс стать кем-то больше, чем «мама Бена». Моя вина в том, что я подтолкнула его к большему. Это мне урок на будущее.

*

Прошел месяц с момента нашего разговора с Сэмом. Мы обедаем с Моной, и я рассказываю ей о вчерашней встрече с ним.

— И он ничего тебе не сказал? Ничего? — спрашивает она.

— Нет. Мне — нет. Он поздоровался с Беном, затем вошёл внутрь и закрыл дверь.

— Чёрт, — сделав последний плоток своего чая, она наклоняется над столом. — А ты уверена, что все в порядке? Не хочешь, чтобы я надрала ему задницу?

— Нет, — смеюсь я. — Я в порядке. Это будет лишнее, не такая уж он важная персона.

Я снова лгу. Это было подобно удару в живот, когда он проигнорировал меня. Я видела его силуэт в его окне, а вчера был первый раз, когда мы прошли мимо друг друга. Он не может избегать меня вечно. Я не знаю, почему он злится на меня. Он укрепляет мое решение остаться одиночкой, воспитывать сына и забыть о мужчинах. По правде говоря, я зла сильнее, чем когда-либо. У меня действительно было ощущение, что мы приняли одно за другое. Но, опять же, я ошиблась.

— Дай мне знать, если передумаешь!

Я закатываю глаза, затем мы выбрасываем наш мусор, прежде чем попрощаться. Моя смена в продуктовом магазине заканчивается через четыре часа, а после этого я поеду и заберу Бена. Я спешу, чтобы добраться до сада вовремя и, в конечном итоге, задерживаюсь, разговаривая с педагогом. Она милая дама, но у меня нет желания слушать, насколько мой сын дружелюбен. Боже, я похожа на стерву, но я тороплюсь. Сегодня вечером я работаю в стрип-баре, а няня Бена, Кейт, будет дома меньше, чем через час.

Наконец, мне вместе с Беном удастся вырваться, и мы добираться до дома за сорок минут до того, как мне нужно уходить на работу.

— Привет. Извини. Я знаю, что опоздала, — кричу я своему боссу, когда бегу в раздевалку и надеваю мини-юбку, каблуки и ярко-розовые кисточки на соски. Я съезживаюсь, когда меня обдаёт холодом, но бросаюсь в бар, чтобы схватить свой блокнот и фартук. Здесь не так уж многолюдно, но ещё рано. Одна из вещей, которые я ненавижу больше всего в этом месте, — насколько оно темное. Почти никакого естественного света. Стенды, размещенные на стене, располагаются ниже маленьких прямоугольных окон, а безвкусные неоновые вывески закрывают все стекла. Яркие прожектора светят в центр сцены, и частички пыли кружатся в ослепляющем свете.

— Я обслужила седьмой столик и приняла заказ. Он должен быть готов через секунду, — говорит Бренди, другая официантка.

— Спасибо. Я у тебя в долгу.

Так как мы обычно работаем вместе, у нас есть свой распорядок.

— На самом деле, нет. Там кучка братьев по колледжу, которым едва исполнился

двадцать один год, распускающие руки и, по всей видимости, тупые и отвратительные типы. Будь осторожна, — она печально улыбается мне и берет свой поднос.

— Мисти. Заказ готов.

Бармен подмигивает мне, и я улыбаюсь, когда расставляю все напитки на подносе.

Я приближаюсь к столику и глубоко вздыхаю, прежде чем позволить моему фальшиво-томному голосу повыситься.

— Привет, мальчики, — я немного виляю задницей перед лицом одного из них, пока расставляю все напитки на столе. — Ваш заказ. Могу ли я предложить вам что-нибудь ещё? — спрашиваю я, невинно строя им глазки и покусывая ноготь.

— Как насчёт того, чтобы подпрыгнуть? — спрашивает меня блондин, хватая за руку.

— О, малыш, прости. Это не входит в мои обязанности. Хотя, я могу послать за Холли, — я хватаю его руку, чтобы вырвать свою, и он отпускает меня.

— Ты сделаешь это, — говорит он, хватая свой стакан и делая глоток. Все приятели подбадривают его. Понятия не имею почему, да это и не важно.

Я разворачиваюсь на каблуках и ухожу, затем проверяю другие свои столики, прежде чем найти Холли в ванной комнате.

— Эй, за седьмым столиком хотят приват. Но будь осторожна, он распускает руки.

— Неужели?

Холли великолепна. Она обладательница рыжих волос и нефритовых глаз. Холли популярна, потому что она — единственная рыжая, и, по-видимому, большинство парней это заводит.

— Наверное, — я пожимаю плечами.

— Ты в порядке? Что-то ты грустишь в последнее время, но мы всегда так заняты, что никогда с тобой не разговариваем, — она поправляет лифчик и проводит пальцами по своим длинным волосам.

— Да просто жизнь, понимаешь?

— Всегда веди себя, как я.

Мы идем на первый этаж, и я сжимаю ее плечо, прежде чем сделать очередной обход. После утомительной ночи, я забираю счет у парней из колледжа. Маленькие говнюки оставляют мне только десять процентов чаевых. Слезы наворачиваются на глаза от гнева на то, что десять процентов от трехсот долларов так чертовски важны для меня.

Я машу девушкам и иду к своей машине, все ещё злясь. Я не хочу делать это больше, чем мне необходимо, но когда у меня удачная ночь, я могу получить столько денег, сколько не могу заработать где-либо еще.

Хотя уже почти три часа утра, Кейт все еще не спит, когда я прихожу домой и захожу в дом.

— Привет, — шепчу я.

— Привет. Он вел себя хорошо. Просидел до 9:30, прости.

— Все в порядке, это же пятничная ночь. Ну, субботнее утро, по сути.

Она зевает, а следом и я, и мы обе смеемся. Я протягиваю ей деньги и провожаю до двери.

— Ой, забыла тебе сказать. Какой-то парень приходил сюда и искал тебя.

— Он сказал, что хотел?

— Нет. Просто спрашивал тебя. Он искал Кортни Галлахер.

Мои подозрения росли.

— Он не сказал, откуда он?

— Нет, прости.

— Что ты сказала?

— Лишь то, что в данный момент тебя нет дома. Он сказал, что вернется завтра и ушел. Я скрещиваю руки на груди и опираюсь на дверной косяк.

— Это странно.

— Ага, я тоже так подумала.

— Хмм. Хорошо, будь осторожней за рулем. И спасибо.

— Не за что. Пока.

— Пока.

Как только она уезжает, я, убедившись, все ли двери заперты, проверяю Бена, прежде чем принять быстрый душ и лечь спать.

*

Непрекращающийся стук в дверь будит меня, я сбегая вниз, все еще в полудреме, не желая, чтобы шум разбудил Бена. Я тихонько открываю дверь, и мужчина в костюме поднимает брови.

— Кортни Галахер?

— Да?

Он протягивает мне конверт, и у меня нет выбора, кроме как взять его.

— Вы оповещены.

— Что? — мое сердце колотится, когда я закрываю дверь, чтобы Бен не мог услышать. — Эй. Что ты имеешь в виду? Что это?

Он игнорирует меня и садится в машину, затем уезжает.

— Оповещена? Какого черта?

Я сажусь на качели, которые стоят между нашими с Сэмом дверями, и разрываю клеевой шов на конверте. Когда вытаскиваю письмо, голос Сэма отвлекает меня.

— Пока, Лиза.

— Пока, Сэм. И еще раз спасибо.

Я поднимаю голову вверх, и та же блондинка, что я видела прежде, выходит из его дома. Закатываю глаза и делаю вид, что не замечаю его присутствия на верху лестницы. Какой внимательный парень, убедился, что она добралась до своей машины. Я не в состоянии прочитать что-либо на бумаге, пока дверь машины блондинки не захлопывается. Я глубоко вздыхаю и объясняю себе:

— Мы не вместе, и мне все равно. Мне все равно, с кем он спит. Это не мое дело.

Я разглаживаю бумагу и начинаю читать. Когда я, наконец, сосредотачиваюсь на словах, то падаю на колени и прижимаюсь к ним грудью. Все мое тело трясет, и я не могу дышать. У меня кружится голова, я хватаю ртом воздух. Пытаюсь встать, но мои колени слишком слабы.

— Дерьмо, Кортни, что случилось? — руки Сэма поднимают меня, и он убаюкивает меня на своей груди.

— Нет. Нет. Нет, — плачу я. — Бен, — я изо всех сил пытаюсь высвободиться из его хватки, и Сэм отпускает меня. Я отталкиваю его и снова падаю на землю.

— Бен? Что с Беном? Он в порядке? — отчаянно спрашивает он, открывая мою дверь

Он бежит внутрь, а я продолжаю плакать на крыльце, потому что моя жизнь разрушена.

Сэм возвращается и снова подхватывает меня, вынуждая стоять. Он сжимает мой подбородок, и вспышка боли пересекает его лицо, когда он видит ужас на моем.

— Что, черт возьми, произошло? В чем дело? Бен спит в своей комнате.

Дрожащими руками я протягиваю ему бумагу. Он обхватывает меня одной рукой вокруг талии, а я цепляюсь за его фланелевую рубашку. Он втягивает воздух и ругается, его хватка становится все сильнее.

— К черту это. Мы будем бороться с ним.

— Я не могу, — выдавливаю я. — Он победит. Он снова пытается отобрать у меня Бена.

Это мой самый худший кошмар, воплотившийся в жизнь. Мэтт пытается получить опеку над Беном. Он предъявляет мне иск, обвиняя в укрывательстве от него ребенка. Я не понимаю, почему он пытается уничтожить меня? Почему сейчас?

— Нет, он, бл*дь, ни хрена не выигрывает, — рычит Сэм.

— Ты видел, что он пишет обо мне? — я отступаю и указываю на слова, цитируя их. — Полная опека. Нестабильна. Угроза для ребенка, — делая резкий вдох, я продолжаю: — Посмотри на эту юридическую фирму. Я знаю название. Они — гиганты. Я не могу себе позволить защищаться от них!

Сэм закрывает глаза и глубоко вдыхает через нос. Когда он снова открывает их, они пылают от ярости.

— Я знаю лучшего адвоката в городе.

Глава 12

Сэм

Я даже не задумываюсь, когда открываю свой рот и произношу эти слова, но меня это устраивает. Я сделал бы все, чтобы помочь Кортни и Бону, даже если это означает просить помощи у моего отца.

Прошлый месяц был гребаной пыткой. Я избегал ее, а невозможность прикасаться к ней разрывает меня на части. Я облажался. Знаю, что сделал это, и Лиза, выходящая из моего дома этим утром, все усложнила. Она пришла поздно ночью и спала на моем диване. Между нами ничего не было. Несмотря на то, что мы с Кортни не вместе, я чувствую себя обязанным быть ей верным. Я планировал прийти и поговорить с ней сегодня вечером, чтобы извиниться за то, что я мудака. Попросить у нее еще один шанс. Но сейчас ее бывший судится с ней за полную опеку, и я уверен, что мои извинения — последнее, с чем она хочет иметь дело прямо сейчас.

«Боже, все ее тело дрожит». Я отношу ее в кровать и натягиваю одеяло до подбородка.

— Я позабочусь об этом. Не волнуйся, хорошо?

Она хватается меня за руку, но не может произнести ни единого слова из-за слез.

— Все нормально. Все будет хорошо, — я сажусь рядом с ней и убираю влажные волосы с ее лица. Мое сердце разрывается с каждым ее всхлипом, и я сжимаю челюсти, когда перед глазами мелькают картинки того, как Бена увозят.

Через несколько минут ее рука отпускает мою, а глаза закрываются, когда она проваливается в сон. Я наклоняюсь и целую ее в лоб. «Я не позволю ему тронуть Бена». С этим обещанием я выхожу из ее комнаты и едва не спотыкаюсь о мальчика, который нашел путь к моему сердцу.

— Привет, Сэм, — он протирает свои сонные глаза и пытается пройти в комнату Кортни.

— Привет. Давай дадим твоей маме немного поспать. Я могу приготовить тебе что-нибудь поесть, и можем посмотреть мультики.

— Конечно, — он подходит ко мне и поднимает вверх руки, все еще слишком вялый для того, чтобы самостоятельно спуститься вниз.

Я поднимаю его маленькое тело, и он кладет голову на мое плечо, пока мы не спускаемся вниз. Оказавшись на диване, Бен отползает в угол и хватается одеяло, прежде чем включить телевизор.

— Ты голоден? — спрашиваю я.

— Да. Можно мне хлопья?

— Конечно. С чем?

— С зефиром?

— Я скоро вернусь.

Я наливаю ему огромную миску, не зная, сколько он на самом деле ест, и возвращаюсь в гостиную.

— Спасибо.

Он спрыгивает с дивана и, зачерпывая сладкие хлопья ложкой, отправляет их в рот. Черт, это выглядит так забавно, что я беру себе миску и присоединяюсь к нему на полу. Мы смотрим мультики, и я усмехаюсь, когда он встает, чтобы схватить фигурки игрушек-трансформеров, чтобы мы могли скопировать то, что они делают по телевизору.

— Бен! — кричит Кортни со второго этажа, и, прежде чем кто-либо из нас успевает ответить, она едва не скатывается вниз по лестнице от того, что сбегает так быстро. — Бен!

— Я здесь, мамочка, — смеется он и встает, чтобы обнять ее, не обращая внимания на ее беспокойство.

— Ты... ты был здесь, не так ли? — ее испуганные глаза встречаются с моими поверх его головы, и она сильно зажмуривается. Я хотел бы сделать все, чтобы для нее это закончилось, и данная мысль укрепляет мою решимость разобраться с этим. Она втягивает воздух и отодвигается от сына, продолжая удерживать его за плечи. — Ты уже почистил зубы?

— Нет, — хихикает он.

— Тогда иди и сделай это, пожалуйста.

— Хорошо!

Как только он исчезает вверху лестницы, она плюхается на подлокотник дивана и обхватывает голову руками.

— Я проснулась, а его не было в своей комнате... — руки заглушают ее голос. — Я подумала, что он уже забрал его.

Черт меня побери, если я не могу чувствовать ее боль.

— Посмотри на меня.

Кортни поднимает голову, и перепуганный взгляд встречается с моим.

— Он не заберет его.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я знаю самого грязного, подлого и самого мстительного адвоката, жившего когда-либо, — я наклоняюсь и настойчиво целую ее в губы, — и он задолжал мне.

Когда я паркую машину на длинной изогнутой подъездной дорожке у дома, в котором вырос и в который однажды поклялся никогда не возвращаться, внутри меня появляется беспокойство. Безупречные кусты украшают гравийную дорожку, а в центре парадного двора находится бутафорный фонтан. Я не был здесь почти десять лет, но складывается такое впечатление, словно только вчера моя жизнь была разрушена в подвале этой груды кирпичей. Гнев и обида скребутся в моей груди словно кошки, но я подавляю их — ради нее.

Я делаю несколько успокаивающих вдохов и выключаю зажигание, после чего убираю ключи в карман перед тем, как подхожу к двери и стучу.

— Так! Так! Кого мы здесь видим, а? — спрашивает Джером Монро, облокотившись о дверной косяк. — Сколько же прошло? — он замолкает, глядя на золотой «Ролекс». — Восемь лет? Что же я такого совершил, что удостоился чести лицезреть своего единственного сына?

Его снисходительный тон заставляет меня вновь почувствовать себя ребенком — всегда недостаточно хорошим и вечно путающимся под ногами. Годы воспоминаний проносятся перед моими глазами, и я заикаюсь:

— Я, эмм...

— Ты — что, Сэмми? Тебе что-то нужно от папы? Снова неприятности с копами? — он скрещивает руки на груди и пристально оглядывает меня сверху донизу, ненависть и недовольство проявляются на его лице.

«Бен и Кортни, Бен и Кортни».

Я слегка выпрямляюсь и искоса смотрю на него, теперь подпитываемый гневом за то, какой он на самом деле кусок дерьма.

— Мне нужна помощь.

Он смеется, но прежде чем успевает ответить, я прерываю его:

— Ты разрушил мою гребаную жизнь. Ты был хреновым отцом. Ты оскорбил меня, использовал и манипулировал мной. Очевидно, это было не достаточно скверно, так как ты заплатил единственной женщине, которую я когда-либо любил, чтобы разнести меня в пух и прах.

Мысли об Изабелль скручивают мой кишечник, и я делаю еще один глубокий вдох, чтобы меня не стошнило на его мокасины.

— Я никогда ничего не делал тебе, но я родился. Я не просил такой жизни, но был ею наделен. Я, бл*дь, не просил никого об этом... и я, бл*дь, не заслуживаю этого.

На мгновение я замечаю мягкость на его лице, но она тут же исчезает, поэтому я продолжаю:

— У меня есть друг. Она хорошая женщина, пашет как проклятая. Ее бывший, Мэтт, преследует ее, чтобы получить опеку над их ребенком. Он не желал ничего делать для Бена, когда Кортни сказала ему, что беременна. Он указан в свидетельстве о рождении, но никогда не поддерживал каких-либо контактов с ними... вообще. Никаких алиментов, ничего.

Я протягиваю ему копию уведомления, которое она мне дала, и он, как ни странно, берет его. Мой отец достает очки, убранные в передний карман его рубашки, и размещает их на лице.

Я стою и чувствую приступ подступающей тошноты и раздражения, ожидая.

— Дентон, Стогген и Мантин. Тут нужны немалые деньги. Кто ее бывший?

— Мэтт — это все, что я знаю. Я даже не знаю его фамилии.

— Саттон? Так он подписался. И угадай, на ком совсем недавно женился мистер Саттон? — он ухмыляется.

Я широко открываю глаза, показывая, что понятия не имею, о чем он говорит.

— На дочери Дентона. Мелиссе Дентон. Ну, теперь, вероятно, ее фамилия уже пишется через дефис. Похоже, ее папочка провел свое расследование и обнаружил какую-то грязь на своего новоиспеченного зятя. Хм. Отстойно для твоего... друга.

Он протягивает бумагу обратно, но я не спешу ее забирать. Низким голосом, пропитанным мольбой, я спрашиваю:

— Ты не сможешь?

— Почему я должен? — огрызается он.

— Потому что ты у меня в долгу.

Он наклоняется ко мне и со злостью произносит:

— Я ни хрена тебе не должен.

Я провожу руками по волосам.

— Я никогда ни о чем тебя не просил. Чего ты хочешь? Что я могу тебе дать? Деньги. Ты хочешь деньги? Я одиночка, поэтому смог многое сэкономить. К тому же, все бабушки и дедушки завещали мне все свое имущество.

— Мальчик, мне не нужны твои деньги.

— Я знаю, что они тебе не нужны, но ты всегда жаждешь большего. Как насчет власти, шанса победить Дентона в суде? Он ведь такой же гигант, как и ты, верно?

— Нет. Найди кого-нибудь другого, — он пытается закрыть дверь, но я хватаюсь за нее и толкаю обратно, входя внутрь. Дом ничуть не изменился. Такой же холодный и стерильный. Неприветливый.

— Пожалуйста. Я прошу тебя. Я знаю, как чертовски ты хорош в своём деле. Я никогда не попрошу тебя о чем-либо еще раз. Тебе больше никогда не придется видеть меня снова.

Он качает головой, и я хватаю его за руку. Вырвавшись из моего захвата, отец отступает.

— Пожалуйста. Знаю, ты ненавидишь меня. И хоть я не понимаю почему, но уже смирился с тем, что ты сделал. Но я ведь твой сын, я просто... пожалуйста, — я пытаюсь сморгнуть влагу, внезапно скопившуюся в моих глазах, и поражённый, прислоняюсь к стене.

Он идет на кухню, но я не следую за ним. Звенит стекло, и мгновение спустя он возвращается со стаканом, наполненным прозрачной жидкостью. Отец делает большой глоток, потом ставит стакан на стол. Снова открыв документ, он просматривает его.

— Мне необходимо документальное подтверждение того, что она не шлюха.

— Она не такая, — огрызаюсь я.

Он медленно поднимает голову.

— Я не говорю, что она такая, но это то, что они собираются доказать. Мне нужна документация о часах работы, ее счетах, ее долгах, имена ее бывших парней, друзей и родственников. Я сделаю это для тебя, и мы, бл*дь, квиты, — он смотрит на меня, и я киваю в ответ.

*

— Что ты здесь делаешь так рано? — спрашивает Джим, когда я подсаживаюсь к бару.

— Я только что разговаривал со своим отцом.

— О! — он берет мою рюмку и наполняет ее виски.

Я погружен в свои мысли... Опрокидываю стопку и маню бармена двумя пальцами, показывая, что хочу повторить. Он наливает и спрашивает:

— Какого черта ты говорил с этим придурком?

— Бывший Кортни судится с ней за опеку над Беном, и ей нужен хороший адвокат, — я пожимаю плечами, будто в этом нет ничего особенного. Я уже упоминал Кортни и Бена раньше в разговоре с ним, так что он знает о них. Джим понимает, что это значит. Он знает все, что случилось с тех пор, так как дружил с моим дедушкой.

— И потому твоя первая мысль — обратиться с просьбой к своему отцу? К человеку, который сделал твою жизнь несчастной?

— Да, — смеюсь я, — так и было. Ей нужен лучший, и, к сожалению, он лучший.

— Как давно ты разговаривал с ним?

— Восемь лет назад.

— И спустя восемь лет у тебя не возникло проблем с тем, чтобы подойти к нему и попросить помочь женщине, — он свистит. — Она должно быть чертовски особенная.

Я позволяю его словам осесть внутри меня. Она такая. Кортни чертовски особенная. А еще добрая, щедрая, красивая, смешная. Она — прекрасная мать, трудоголик и независимая личность.

— Да, она такая и есть.

Мои чувства к Кортни лишь стали сильнее: меня поразило, как сильно я скучал по ней в течение последних четырех недель. Я, наконец, понял, что она была готова дать мне, и каким я был идиотом, сбежав от этого. Не знаю точно, чего хочу, но знаю, что жажду быть частью ее жизни. Бен — часть ее. Я не позволю ничему случиться с ним. Не попросил помощи у отца из-за своей глупости, я мог бы потерять двух человек, значащих для меня целый мир. Никогда не позволю ни ее бывшему, ни кому-либо еще навредить им. После того, как мы пройдем через это, я собираюсь доказать ей, что она была права насчет нас все это время.

Кортни

Мона, вновь наполнив мой бокал вином и убедившись, что Бен спит, присоединяется ко мне на диване.

— Спасибо.

— Не за что, — она отпивает из бокала и ставит его на журнальный столик. — Что я могу сделать? Я чувствую себя такой беспомощной.

Из меня вырывается горький смешок.

— Я должна была провести весь день в поиске адвокатов, но всякий раз, начиная, я понимала, что у меня нет денег. Я облажалась, — слезы вновь выплескиваются наружу, и я проклинаю себя за подобную слабость.

— Я помогу тебе. Сниму наличные со своей кредитки или чем-то еще.

— Нет. Я не могу позволить тебе сделать это.

— Это не для тебя, это для Бена. Прекрати упрямиться и прими помощь.

Она права, и если бы это было любой другой ситуацией, не имеющей отношения к Бену, я бы никогда не приняла деньги от кого-то. Но это — мой единственный выход.

— Ненавижу это, но я должна, — признаю я.

— Ты сделала бы это для меня?

— Конечно, если бы я могла, то сделала бы.

— Тогда все улажено. Обзвони всех поблизости и назначь встречу с адвокатом, а я пойду в банк в понедельник. Мы разберемся с этим. Он не заберет Бена.

Я хочу, чтобы ее уверенность передалась мне, но знаю, чем все это кончится — бедная мать-одиночка против неким образом разбогатевшего мужчины, нанявшего лучших адвокатов в городе. Его слово против моего. Я работаю в стрип-клубе. И я так зла на себя, что не взяла каких-либо письменных обязательств, когда была беременна Беном. Все, что я сделала, — вписала его в свидетельство о рождении. Я не взяла с него письменный отказ от своих прав.

— Почему я была такой глупой?

— Ты не глупая. Почему ты так говоришь?

— Я не взяла с него какую-либо расписку; я позволила ему выгнать меня, а потом просто ушла. Что, черт возьми, со мной не так? — я смотрю на нее в шоке. — Мои родители были правы. Все это время я была так упряма. Мне нужно было прислушаться к ним, а теперь у меня могут отнять Бена.

Если бы я могла это контролировать, я бы старалась быть спокойной и не столь драматичной. Но я не могу. Все мое тело трясет, а страх потерять сына завладел каждой клеточкой моего тела, мои вены охвачены пламенем. Мое зрение становится размытым, а встревоженный голос Моны усиливается, а затем затухает. Мое дыхание прерывается, и я хватаюсь за грудь, пытаюсь отыскать способ снова дышать.

Сильные руки оборачиваются вокруг меня, и хриплый голос Сэма прорывается через пелену. Я моргаю, и его красивое лицо становится более четким, морщинки от беспокойства образуют складки на лбу. Как будто выходя из воды, слова вновь обретают смысл, и я цепляюсь за Сэма для поддержки. Его мужественный древесный аромат и сильное тело заставляют меня чувствовать себя в безопасности в данный момент, и я кладу голову ему на грудь.

Мона судорожно перебирает своими руками по мне, когда Сэм кладет меня на диван. В ней просыпается медсестра, и я морщусь, когда она светит фонариком мне в глаза.

— Прекрати. Я в порядке, — я пытаюсь сесть, но у меня кружится голова. — Ого!

— Ложись, детка. Тебе нужно отдохнуть, — Сэм держит мокрое полотенце и стакан воды с соломинкой.

— Что случилось?

Он стоит на коленях, прижимая прохладную ткань к моему лбу, и смотрит на Мону.

— У тебя была паническая атака, — говорит она.

— О! Логично.

— Держи, — Сэм предлагает мне соломинку, я делаю глоток и тут же чувствую облегчение, когда холодная жидкость ослабляет боль в горле.

— Мамочка, что случилось? — Бен робко стоит у края журнального столика. Он не должен видеть меня такой.

— Мамочка чувствует себя не очень хорошо, приятель. Давай вернемся наверх, хорошо? Она не хочет, чтобы ты заразился от нее простудой, — говорит Сэм. Он берет ситуацию под контроль и, подбирая Бена, исчезает наверху. Он словно знает, что я не хочу, чтобы Бен видел меня в таком состоянии.

— Ты справишься с этим? — спрашивает Мона, жестом показывая, куда они

направились.

— Ага.

Я, наконец, смогла сесть и успокоиться.

— Как он попал сюда? — спрашиваю я.

— Воспользовался своим ключом. Он сказал, что услышал плач и знал, что произошло, поэтому хотел убедиться, что с тобой все в порядке.

— О! — мой мир скоро рухнет, но я позволяю себе слегка улыбнуться, зная, что Сэм заботится обо мне достаточно, чтобы проверить меня.

— Откуда он знает? — ее вопросительный тон не отстает от меня. Она не самый большой поклонник Сэма после того, что он сделал. Я не осуждаю ее, я чувствовала бы то же самое, если бы мы поменялись ролями.

— Он был здесь сегодня утром, когда я получила письмо.

И одно лишь воспоминание о блондинке, покидающей его дом, уничтожает ту улыбку, что у меня была. Это напоминает мне о том, как сильно он не хочет больше быть со мной. Что я просто подвернувшийся под руку вариант. Хотя, в глубине души между нами что-то есть. Я чувствую это.

— Он снова уснул, — Сэм возвращается и садится рядом со мной, положив свою руку на мои бедра, одетые в джинсы. — Тебе лучше?

— Да. Я в порядке. Теперь ты можешь идти.

Он отодвигается, но не встает.

— Я связался с адвокатом для тебя. Он хорош. Ему нужны все твои документы: долги, платежные квитанции, списки бывших парней, семья. Он должен доказать, что ты адекватная и любящая мать, — он замолкает, а я продолжаю смотреть на него в замешательстве с отвисшей челюстью. Он кротко улыбается, прежде чем закончить:

— Конечно, это будет нетрудно, потому что ты — замечательная мама. Он свяжется с тобой в понедельник. А тем временем, ты можешь собрать то, что могло бы быть полезным, и подготовить это для него, чтобы помочь ускорить процесс.

— Подожди. Держи телефон, — кричит Мона. — О чем ты говоришь?

— Я нашел адвоката для Кортни. Я говорил ей, куда ездил этим утром.

— Нет, — заявляю я, подгибая ноги под себя таким образом, что могу повернуться и смотреть на него с близкого расстояния. — Ты сказал, что позаботишься об этом.

— Да. И я также сказал, что знаю адвоката, и он должен мне услугу.

— Но у меня нет денег на адвоката.

— Ты ничего мне не должна.

— Как такое может быть? Здесь что-то не так, Сэм, — Мона делает шаг ко мне и кладет свою руку на мое плечо для поддержки.

— Смотрите. Он хорош. Действительно, охренительно хорош. И он должен мне за то, что случилось давным-давно. Если это заставит вас чувствовать себя лучше, то я тоже не заплачу ему, — он нервно потирает затылок, — если он выигрывает, мы — квиты.

— Но я все еще буду должна тебе что-то, — говорю я.

— В смысле? — огрызается он.

— Черт. Что я должна думать? Ты игнорируешь меня в течение месяца, затем просто появляешься, как чертов герой, со своим супер адвокатом и дерьмом. И ты ждешь, что я подумаю, будто ты не хочешь чего-то взамен. Подожди, — я с горечью смеюсь, — ты снова хочешь потрахаться? Прекрасно. Мне все равно. Я уже ходила полуголой за деньги, каким

будет следующий шаг?

Он встает и склоняется вниз до нескольких дюймов от моего лица. Я бросаю взгляд на Мону, вцепившуюся в телефон, и вижу страх на ее лице от мыслей о том, что Сэм поднимет на меня руку. Я быстро качаю ей головой. Последнее, что мне нужно, чтобы вызвали копов. И Сэм никогда бы не навредил мне.

— Не смей говорить о себе такое снова. Ты, бл*дь, не проститутка, — он упирается лбом в мой и понижает голос так, что только я могу слышать. — Прошлый месяц был пыткой. Я был мудаком и должен извиниться перед тобой. У меня *банутое прошлое, которое сделало меня циничным. Пожалуйста, дай мне еще один шанс. Я не буду давить на тебя. Знаю, что прямо сейчас ты имеешь дело с безумной заварухой, но хочу, чтобы ты знала, я здесь ради тебя. Только тебя.

— Кто была эта женщина утром?

— Она пришла поздно ночью, но ничего не было. Она спала на диване и уехала при первой возможности. Клянусь.

Я не уверена, что купилась на то, что он сказал, и это должно быть отразилось на моем лице, потому что он продолжает:

— Ее муж был убит некоторое время назад за рубежом, и у нее имеются кое-какие проблемы с адаптацией. Я уверяю тебя, ничего не было.

О, нет. Я не могу себе представить, каково это — пройти через такое. Искренность отражается на его лице, поэтому я ослабляю свою броню и впускаю его. Мне не хватало его.

— Мне страшно, — шепчу я и оборачиваю свои руки вокруг его шеи, потому что могу сказать, что он искренен. Я не обращаю внимания на то дерьмо, произошедшее между нами в прошлом месяце; прямо сейчас все, что я знаю, то, что он здесь, и он создает для меня чувство безопасности. Это то, чего у меня никогда не было, так что нет ни единого шанса, что я позволю ему уйти.

— Все будет хорошо. Я не позволю, чему-либо плохому случиться с тобой или Беном.

И я верю ему.

Глава 13

Сэм

Прошлой ночью я отрубился, едва добравшись до своей кровати. Физически я не устал, но мой мозг поджарился. Встреча с отцом прошла лучше, чем я ожидал. Если бы я мог словесно объяснить то, что чувствую, это было бы сочетание облегчения и злости, наверное. Бесконечная злость на этого человека.

Я не знаю, что заставило его передумать, но никогда не спрошу его об этом. Он слишком заботится о своей репутации, дабы не быть загнанным в угол и выиграть это дело, так что я не беспокоюсь о том, что он подведет Кортни.

После того, как я вышел из бара, Джим заставил меня протрезветь, прежде чем я поехал домой. Я собирался войти в дом, когда крик Кортни заставил меня броситься к ее двери. Я постучал, но она не ответила, а ее плач стал громче, поэтому я воспользовался своим ключом и вошёл внутрь.

Находиться с ней рядом и чувствовать ее успокоение, было таким естественным. И с Беном тоже. Я прочитал ему книжку, и он уснул у меня на коленях. Если бы я мог остаться с ним подольше, то сделал бы это, но я хотел убедиться, что Кортни в порядке.

Если быть честным самим с собой, то я был рад, что она поверила в то, что я сказал о Лизе. Я волновался, что она не сделает этого, но ее доверие ко мне — лишь еще одна вещь, притягивающая меня к ней.

Когда я убедился, что она будет в порядке до конца ночи, Мона проводила меня до дверей и впиалась в меня взглядом, прежде чем захлопнуть ее перед моим лицом. Я это заслужил. Я не могу винить ее, ведь она лучшая подруга Кортни.

Я только что закончил свою утреннюю пробежку, заметив, что машина Моны исчезла. Изрядно вспотев во время бега, я быстро принимаю душ, прежде чем увидиться с Кортни. Уверен, что сегодня она будет нуждаться в некоторой помощи, и я должен доказать ей, что не мудака... больше нет.

Она открывает переднюю дверь, и, даже выглядя измученной, она чертовски привлекательна: без макияжа и с взъерошенными волосами, словно она только провела по ним пальцами. Не знаю, как она может выглядеть сексуально в футболке и пижамных штанах с принтом в виде уточек, но ей это удастся.

— Привет, — зевает она.

— Привет. Я решил заскочить на минутку и узнать, не нужна ли тебе помощь с чем-нибудь.

— О! Эмм, я в порядке.

Я провожу своим пальцем вниз по ее щеке, и ее глаза медленно закрываются.

— Позволь мне помочь тебе. Не только потому, что мне нужно доказать тебе, что я не мудака, а потому, что я хочу этого.

— Я не смогу снова оправиться от ран, причиненных тобой, прямо сейчас, — шепчет она и поднимает глаза.

Ее слова обжигают, но я заслуживаю ее сомнение. Я докажу ей обратное.

— Я не буду. Я не пытаюсь... — разочаровываясь, что не в силах правильно подобрать слова, я отдергиваю свою руку и засовываю ее в карман. Как сказать, что я хочу быть с ней, ожидая, поверит ли она мне после того, как я обошелся с ней, и того дерьма, что наговорил?

— Не надо. Я понимаю. Хорошо, — она поворачивается и говорит через плечо, — чувствуй себя как дома.

— Привет, Сэм! — кричит Бен, сидя на полу в гостиной с высунутым языком, сосредоточившись на видеоигре.

— Привет, приятель.

— Хочешь поиграть?

Кортни идет наверх, но я здесь, чтобы помочь, поэтому хватаю другой джойстик и сажусь рядом с Беном. Мы играем около получаса, когда она спускается вниз, одетая в джинсы и толстовку.

— Уже почти обед. Что ты хочешь съесть?

— Я не голоден, — отвечает Бен.

Разочарованно вздохнув, она отвечает:

— Ты должен поесть, и клянусь, если ты не дашь мне ответ, я заберу эту игру и выброшу ее в мусор.

— Хорошо. Хот-доги.

— У меня нет продуктов, чтобы их приготовить. Как насчет сэндвича?

— Нет. Я хочу хот-доги.

— У меня нет продуктов для них, — кричит она.

Ее пристальный взгляд задерживается на мне, и в нём читается безмолвная мольба. Она никогда не кричала на него в моем присутствии, должно быть, она на пределе.

— Давай пойдём на кухню и посмотрим, что мы сможем найти. Я помогу тебе, — я наклоняюсь ближе к его уху и шепчу, — если найдем какие-нибудь конфеты, мы спрячем их и съедим, когда твоя мама не будет видеть.

Он хихикает и смотрит туда-сюда между нами, затем прикладывает ладошку к моему уху:

— Я знаю, где она их прячет.

Я разыгрываю представление, когда демонстративно встаю и смотрю в лицо Кортни.

— Мы приготовим обед сами. Ведь мы — мужчины.

Бен копирует мои движения и скрещивает руки на груди.

— Да, мамочка. Мы — мужчины.

Ее губы растягиваются в улыбке, и она кивает.

— Да, так и есть. Я собираюсь поискать кое-какое барахло в подвале, пока вы будете готовить, идет?

— Идет!

Бен семенит своими маленькими ножками на кухню, и оттуда тут же начинают доноситься звуки хлопающих ящиков.

— Я пойду и прослежу за тем, чтобы он ничего не сломал. Делай то, что тебе нужно, я позабочусь о нем.

Когда я прохожу мимо нее, она хватается меня за запястье. Я поворачиваю голову, и она одними губами говорит «спасибо». Я наклоняюсь и целую ее в макушку, прежде чем Кортни уходит вниз, чтобы порыться в бумагах.

*

Спустя несколько часов после игры в догонялки, настольные игры и похода с Беном в парк, я плачу курьеру и кричу Кортни:

— Пицца приехала.

— Я буду через минуту.

Я открываю коробку и ставлю ее посередине кухонного стола, затем беру пиво для себя, коробку с соком для Бена и наливаю бокал вина для Кортни.

Бен и я жадно накидываемся на еду, а Кортни присоединяется к нам через минуту.

— Ты нашла все, что тебе нужно? — спрашиваю я.

— В основном. Думаю, да. Я должна была увидеть то, о чем говорил тот тип, юрист.

— Что за тип? — спрашивает Бен.

Она делает глоток вина, прежде чем ответить.

— Просто друг, которому кое-что нужно.

Уже отвлекшись, Бен сосредоточился на растягивании сыра как можно дальше от своего рта.

Я едва разговаривал с ней весь день, поэтому наклоняюсь и тихо спрашиваю:

— В какое время он придет?

Она не знает, что он мой отец, и я хочу сохранить это в тайне. Уверен, что она узнает, и как бы сильно я не хотел, мне придется рассказать ей о своем прошлом и как он отыгрывался на мне, сделав меня человеком, которым я являюсь сегодня. Был. Человеком, которым я был.

Он не имеет ничего общего с тем, кто я сейчас, сидящий за этим столом.

Кортни смотрит на Бена, прежде чем ответить.

— Когда он позвонил сегодня, то сказал, что может сделать это только завтра во время обеда, поэтому я отпросилась с работы. Он приедет сюда в полдень.

— Хочешь, чтобы я был здесь?

Я планирую сделать это независимо от того, что она скажет, не хочу оставлять ее с ним наедине, но она должна сказать мне об этом, так как я и так все время вламываюсь к ней.

— Я надеялась на это, так как ты знаешь его. Я так нервничаю, — ее голос становится мягче с каждым словом, и я хватаю ее руку под столом. Облегчение накрывает меня, когда она сжимает мою руку в ответ и не отпускает.

— Я закончил, мама! — кричит Бен.

— Хорошо. Иди умываться и надевай свою пижаму.

— Можно мне лечь спать чуть позже?

— Нет, уже поздно, завтра в садик. Поблагодаришь Сэма за то, что он играл с тобой сегодня?

— Спасибо, Сэм.

— В любое время, приятель.

Боже, я действительно подразумеваю это. Я весело провел время с ребенком сегодня, чего не случалось долгое время. Он задает миллион вопросов, и это чертовски смешно. Кортни проделала огромную работу, воспитывая его.

— Хочешь еще кусочек? — спрашивает она.

— Нет. Но ты съешь, ты даже первый не доела.

— Я действительно не голодна.

— Ладно.

И тут я подумал и понял, что вряд ли она ела, когда мы были в парке, она не поднималась наверх, чтобы поесть весь день. Я должен буду проследить за этим.

Мы оба передвигаемся по кухне, чтобы навести порядок, и когда она открывает шкаф, чтобы выбросить мусор, дверца закрывается неплотно.

— Как давно это сломано?

Она толкает мусорную корзину и приподнимает дверцу за ручку, чтобы выровнять ее, прежде чем закрыть.

— Что?

— Дверца шкафа. Она провисла.

— Ах, это. Я не знаю. Давно?

— Почему ты не сказала мне?

— Потому что это не столь важно, — она пожимает плечами.

— Для меня важно. Ты должна была сказать мне, чтобы я мог исправить это.

Она не просто платит мне арендную плату, но и не должна жить в доме со сломанными дверцами.

— Ладно.

— Еще что-нибудь сломано?

Она качает головой, когда наливает еще один бокал вина и протягивает мне пиво.

— Не-а. Не припомню.

— Ты скажешь мне, если что-нибудь сломается, или провиснет, или протечет, или случится что-нибудь еще, идет?

— Это действительно не так уж существенно.

Я ставлю пустую банку и открываю новую.

— Пожалуйста. Скажи мне.

Ее брови сдвигаются, и она слегка наклоняет голову.

— С чего вдруг все это стало для тебя важно?

— Черт, я не знаю. Ты не должна жить в месте с дерьмом, которое сломано. Особенно со мной по соседству. Я здесь, чтобы помочь тебе, и хочу, чтобы ты обращалась ко мне с такими вещами.

Весь этот разговор сводит меня с ума, поэтому я пытаюсь сменить тему.

— Бену не пора ложиться спать? — я съезживаюсь в тот момент, когда произношу эти слова, потому что они прозвучали дерьмово. — Это не то, что я имел в виду.

— Тогда что ты имел в виду? — она скрещивает руки и бросает свой обозленный взгляд прямо на мой член.

— Я лишь пытаюсь сменить тему. Не хочу ссориться с тобой из-за гребаной дверцы шкафчика.

— Я не знала, что мы ссорились. Думала, что мы просто разговариваем, — подняв руки в знак капитуляции, она заканчивает, — смотри, ты говоришь, что хочешь попробовать еще раз и доказать мне, что ты рядом. Тогда тебе придется разговаривать. Я просто пытаюсь узнать тебя. Хочу понять, почему починка двери — это важно.

— Отлично. Но почему мы до сих пор говорим об этой проклятой дверце?

— Потому что! Ты не ответил на мой вопрос.

— Какой был вопрос?

Я не забыл, что она выглядит такой горячей, когда злится.

— О, мой Бог! Ты бесишь меня, — она делает еще один глоток вина. — Я собираюсь уложить Бена в постель; ты остаешься и чинишь эту долбанную дверцу.

Ее рука чуть задевает меня, когда Кортни выходит из кухни, я хватаю ее и тяну назад к себе, затем оборачиваю свои руки вокруг нее.

— Я знаю, что дверца не была сломана, когда я был здесь в прошлом месяце, — мои слова звучат тихо. Я пытаюсь заставить ее понять, что у меня плохо получается говорить о своих чувствах. Я парень, в конце концов. — Значит, она сломалась, и ты постеснялась прийти и сказать мне об этом?

Она слегка опускает голову — это и есть ответ на мой вопрос.

— И это моя вина. Меня бесит, что я был таким гребаным придурком по отношению к тебе. Ты не заслуживаешь этого. Вот почему я так злюсь... Я ни хрена не сделал с этой чертовой дверцей, но все вертится вокруг тебя, детка. Все всегда возвращается к тебе.

Она поворачивается и кладет правую руку на мою щеку, затем наклоняется и прижимает свои губы к моим. Это маленький поцелуй, но огромный шаг в нужном направлении.

— Спасибо, — шепчет она у моего рта.

*

— Он уснул.

— Хорошо. Иди сюда, — я протягиваю руку с дивана, и она прижимается ближе ко мне, положив голову мне на грудь.

Я думал о завтрашнем дне и решил, что она заслуживает знать, что адвокат, который придет сюда, в ее дом, мой отец. Было бы несправедливо ошарашить ее такими новостями, и я действительно не хочу сделать ничего, что может еще больше расстроить ее.

Я запускаю пальцы ей в волосы и целую ее в лоб.

— Адвокат придет завтра?

— Ага.

— Он мой отец.

Она отталкивается от меня и открывает свой рот, прежде чем закрыть его снова.

— Но... Что? Почему ты не сказал мне раньше? — она встает с дивана и начинает ходить взад-вперед, заламывая руки. — Замечательно. Просто чертовски здорово. Я познакомлюсь с отцом моего бойфренда посреди битвы за опеку. Привет, — издевается она, вытягивая руку для рукопожатия, — я — Кортни, девушка вашего сына. Пожалуйста, Вы сможете доказать в суде, что я не шлюха, чтобы они не отобрали у меня сына?

Я стараюсь не улыбаться, когда она называет меня своим парнем. Я никогда не испытывал такой гордости, которую чувствую сейчас от одного глупого слова.

— Эй, — я встаю, хватаю ее за руки и слегка тяну на себя, чтобы она посмотрела на меня, — сядь, это еще не все.

Она садится в центр потрепанного синего дивана, а я — напротив нее на журнальный столик.

— Во-первых, мой отец, Джером, — просто охуенный адвокат. Возможно, ты слышала о нем. Его юридическая фирма курировала некоторые действительно крупные дела, и он был в новостях сотни раз. Джером Монро?

— Звучит знакомо.

— Он был в новостях на прошлой неделе по поводу того, что добился освобождения для того парня, что стрелял в полицейского.

Ее глаза загораются, и она кивает.

— О, так это он. Да, я слышала об этом. Это твой отец?

— Да. Но я ненавижу его.

— О...

— Он был ужасным отцом. И как только смог, я переехал сюда, поближе к моему дедушке и не разговаривал с ним с тех пор. Я не буду утомлять тебя подробностями, но скажу только одно. Он ужасный человек. Эгоистичный, жестокий, высокомерный лжец и интриган. Но он отличный юрист, — я жду, пока это уложится в её голове, прежде чем сказать что-либо еще.

— Почему ты не разговаривал с ним так долго?

— Честно, я бы предпочел не говорить об этом. Просто скажу, что он сделал нечто непростительное.

Ее лицо смягчается, и она берет меня за руки.

— Но ты говорил с ним обо мне?

— Да.

— Я не знаю, что сказать.

Я наклоняюсь и прислоняюсь своим лбом к ее.

— Все, что я хочу, чтобы ты сказала, это то, что ты дашь мне еще один шанс.

— Разве это не то, что я делаю сейчас? — она улыбается и обнимает меня за шею, притягивая меня к себе, пока наши губы не встречаются. Она сжимает меня сильнее, и, когда

ее ногти впиваются в мою плоть, я тяну руки дальше и скольжу ими вверх по ее бокам, пока мои пальцы не касаются ее груди.

Я поднимаюсь со стола и медленно двигаюсь вверх по ее телу. Она стонет мне в рот и прижимается ко мне. Каждым мягким изгибом. Сами по себе мои бедра толкаются в нее, желая ее, испытывая потребность в ней, которую она заставляет меня чувствовать. Всегда так идеальна. Ее тепло окружает меня, и я не могу насытиться ее губами. Поцелуи никогда в жизни не заводили меня так сильно. Я могу целовать ее часами, когда ее язык скользит по моему, а когда она отстраняется, чтобы укусить мою губу, — это так чертовски заводит.

Я рычу ей в рот, досадуя, что прямо сейчас нас разделяют джинсы. Она оборачивает свои ноги вокруг меня, и мы оба толкаемся друг в друга в бешеном темпе. Ее рот пожирает мой, а ногти впиваются мне в спину. Каждое движение становится все быстрее и сильнее, пока она не отстраняется и не начинает тяжело дышать, когда волна оргазма проносится через нее. Каким-то образом, она становится еще аппетитнее.

Я замедляюсь и, в конце концов, встаю. Мои яйца будут болеть, но мне плевать, мне, бл*дь, все равно. Она должна знать, что я здесь не для секса. Я возьму ее столько раз, сколько она захочет, но я не буду трахать ее до тех пор, пока не закончится эта битва за опеку. Я хочу знать, что она со мной ради меня, а не потому, что стресс толкает ее на это.

— Больше всего я хочу трахнуть тебя прямо сейчас, — я хватаю свою промежность, и у меня вырывается стон, когда ее голодные глаза прослеживают за моей рукой к твердому и жесткому члену. — Я всегда твердый для тебя, всегда готов. Но часть меня хочет доказать, что я здесь ради тебя, и это больше, чем секс, — своими пальцами под ее подбородком я наклоняю ее голову так, чтобы она смотрела мне в глаза. — Даже если мне больно, физически больно, я уйду прямо сейчас.

Я наклоняюсь и дарю ей быстрый, но жесткий поцелуй.

— Закрой за мной дверь и используй засов и цепочку. Мне нужно знать, что я не смогу вернуться сюда и взять тебя.

*

— Чувак, что с тобой сегодня? — спрашивает Нейт с пассажирского сиденья.

Мы просто свалили с нашей первой работы за день и были на пути к следующей. Я отменил свои послеобеденные встречи, чтобы быть с Кортни в этот день.

— Ничего, а что?

— Ты уставился в пространство, словно влюбленный подросток.

Я толкаю его в плечо.

— Я не такой.

— Чувак, — он растирает свою руку, — ну, точно. Что происходит?

— Ничего.

Он начинает отвечать, но его телефон звонит, поэтому он поднимет палец, отвечая:

— Привет, малыш, — его лицо бледнеет, и он смотрит на меня широко открытыми глазами. — Хорошо. Ладно, я в пути. Просто расслабься, детка. Все будет хорошо. Мы едем прямо сейчас, я буду через двадцать минут.

Он держит телефон у своего лица, так что я едва могу слышать:

— Джени рожает. Мне нужно ехать в больницу.

Он выпаливает адрес на одном дыхании, и я набираю скорость, какую только могу, но

безопасную. Он говорит со своей женой как никто другой: слушает, подбадривает ее словами и сжимает руку в кулак всякий раз, когда у нее случается схватка. Ее крик боли доносится из динамика, и его лицо морщится от них.

— Детка, все нормально. Пожалуйста, не плачь. Я не пропущу это. Я почти на месте.

Он смотрит на меня, и я киваю, ускоряясь.

Мы приезжаем в больницу, и я высаживаю его у входа, так что он может бежать. Я нахожусь в приемной только около получаса, когда он выходит с облегчением и совершенно счастливым выражением на лице.

— Это девочка. У меня родилась дочь.

Я встаю и пожимаю ему руку, но он притягивает меня в объятия. Я хлопаю по его спине, и его глаза заполняются слезами, когда я отстраняюсь.

— Мужик, — он вытирает их тыльной стороной ладони, — я никогда не видел ничего подобного. Это было очень красиво. Христос.

— Поздравляю!

— Натан! У меня внук или внучка?

Я узнаю его родителей, когда они врываются, сопровождаемые какими-то другими людьми, которых я не знаю, но могу только предположить, что они — его семья. Они все обнимаются и плачут, когда я отхожу.

Я падаю в кресло, когда это сражает меня. Они говорят, что ваша жизнь проносится перед глазами непосредственно перед смертью. Но я не согласен, ведь только что я видел лица Кортни и Бена. Я видел будущее, жизнь, семью. Думаю, что ваша жизнь проносится перед вашими глазами, когда вы, наконец, решите жить.

Глава 14

Кортни

Я подъезжаю к дому в одиннадцать пятнадцать и натыкаюсь на бордюр, когда вижу мужчину, стоящего на крыльце. Он высокий, у него слегка выступающий живот, темные волосы с проседью, и на нем дорогой костюм. Я закрываю дверцу своей машины, и, когда его взгляд встречается с моим, воздух покидает мои легкие. Если бы Сэм не сказал мне прошлой ночью, что этот человек был его отцом, я бы догадалась, глядя на него. Те же подбородок и острые скулы.

— Кортни Галахер?

— Да. Здравствуйте.

Мы встречаемся на верхней ступеньке, и хотя его глаза такого же насыщенно-синего оттенка, что и у его сына, в них присутствует холод, который я надеюсь никогда не увидеть у Сэма.

— Джером Монро, — он протягивает мне руку, я сжимаю ее своей, а затем быстро разрываю рукопожатие. Я не знаю, что он сделал, но раз он причинил Сэму боль, я чувствую себя некомфортно от того, что он прикасается ко мне.

— Я опоздала? — спрашиваю я. Знаю, что это не так. Он сказал в полдень.

— Нет, я несколько рано. Не хотите ли пройти внутрь? — он берет свой черный кожаный портфель и кивает в сторону двери.

Я хочу, чтобы Сэм был здесь прямо сейчас. Я нервничаю, потому что Джером держит мое будущее и будущее моего ребенка в своих руках. Но более того, я не знаю его, а мы

будем в доме наедине. Таких мужчин, как он, я постоянно вижу в стрип-баре. Мерзкие хмыри, которые полагают, что раз уж они богаты, женщины им что-то должны.

— Конечно.

Я отпираю дверь и делаю шаг внутрь. Когда он проскальзывает мимо меня, я прикрываю ее и оставляю замок незаблокированным.

— Давайте пройдем к кухонному столу.

Он следует за мной и садится, с презрением осматривая мою жилплощадь. Я хватаю папки, содержащие все документы, которые мне удалось собрать, и присоединяюсь к нему.

— Это все копии счетов и платежных квитанций. А также все финансовые документы, я подумала, что они могут пригодиться, — я сдвигаю их в его сторону. — А здесь медицинские документы. Свидетельство о рождении Бенжамина, справки от врача и прочее.

Он берет папки и перемешивает их, не говоря ни слова.

— Не хотите что-нибудь выпить?

— Нет, — быстро отвечает он.

— Ну ладно. Итак, как вы думаете, я...

— Я думаю, это дело даже не дойдет до суда. Я провел небольшое расследование сегодня утром, и у меня есть туз в рукаве, если вы согласитесь, — в его глазах проблескивает злость.

— Да ну?

Чтобы не показаться чересчур взволнованной, я продолжаю:

— Что вы имеете в виду?

Он толкает документы в сторону и наклоняется вперед, уперев локти в стол.

— Грязь. Вот, что все это значит. Мэтт женат на деньгах и власти. Его новая семья будет делать все, чтобы заставить себя выглядеть приличной, не заботясь о том, кто пострадает в процессе, — самодовольная ухмылка кривит его губы, и он смеется. — К счастью для вас, я забочусь об этом еще меньше. Поэтому, когда я обзвонил бывших Мелиссы, то был счастливо вознагражден одним недовольным. К сведению, это новая жена Мэтта, если вам интересно. По правде говоря, поразительно, что люди могут сказать вам за небольшое вознаграждение.

— Ясно, — протягиваю я. Я не злопамятна, поэтому понятия не имею, куда он ведет.

Он откидывается назад и скрещивает руки на груди, нагло уставившись на мою грудь, несмотря на то, что на мне рабочая зеленая рубашка поло.

— Ты, конечно, красавица. Неудивительно, что Сэмми так... влюблен в тебя.

— Простите?

— Скажи. Ты тоже влюблена в него?

«Какого черта?»

— Сэм и я встречаемся, так что да, я влюблена.

Я даже не знаю, встречаемся ли мы официально, но я связана с ним.

— Хмм, — он потирает свой подбородок. — Он так же был увлечен Изабеллой. И все же ее было легко подкупить. Жадная до денег. Безнадежно пытавшаяся вытащить свою семью из сложной ситуации. И себя заодно.

Мой желудок начинает выворачивать наизнанку от враждебности в его голосе, и в моей голове тут же проносится мысль. «Он пытается подкупить меня?»

— Он рассказывал тебе о своей матери? — его голос в конце поднимается на октаву, и если бы не ухмылка на его лице, я бы подумала, что он был рад от того, что собирается

сказать.

— Нет, — удается выдать мне, хотя во рту пересохло.

— Она была красавицей. Зеленые глаза, как у тебя. Заразительный смех. Мой Сэмми рассказал тебе, как он убил ее?

Я ахаю и прикрываю рукой внезапно скованную грудь. Сэм не убийца. Я не верю.

— Да, ему нравится пропускать этот лакомый кусочек. Полагаю, что все сводится к одному. Мести, воздаянию, — он встает и подходит к окну, его руки спрятаны в карманы. — У нас были большие планы, у моей Стеллы со мной. Но неожиданная беременность разрушила их. Сэмюэль разрушил их, — выплевывает он. — Я пытался чувствовать взволнованность по поводу беременности, но я знал свою жену и знал, что этот ребенок станет для нее всем миром. Я ревновал ее к этому маленькому дерьму еще до того, как он даже родился.

— Почему вы мне это рассказываете? — шепчу я, желая прямо сейчас находиться где-нибудь в другом месте, или, по крайней мере, чтобы Сэм был здесь.

Он пожимает плечами и поворачивается, чтобы посмотреть на меня: его глаза еще холоднее, чем раньше.

— Она умерла, рожая его. Он убил ее.

Биение за ребрами эхом отдается в моей голове, я изо всех сил пытаюсь двигаться, чтобы выбраться отсюда. Но единственное, что могу сделать, — просто смотреть на него в шоке.

— Так или иначе, я уверен, что, возможно, мог бы стать лучшим отцом. Он просто... всегда был на моем пути. Что, впрочем, было довольно полезно для некоторых целей. Он действительно помог мне сыграть роль безутешного вдовца, когда мне это было нужно, — он смотрит на меня через плечо, прежде чем продолжить. — Я был вне себя от радости, когда ему исполнилось восемнадцать, и он съехал. Чертовское облегчение, что мне не приходилось больше смотреть на его лицо каждый день и вспоминать, что он отнял у меня. А когда он начал встречаться с Иззи? Ну, давай просто скажем, что мне представилась возможность осуществить свою сладкую месть, которой я жаждал в течение многих лет.

— Но он был ребенком, младенцем.

— Он был ошибкой! — восклицает он.

Я вздрагиваю от его тона, а он бодро шагает к столу и кладет руку мне на плечо. Мои мышцы напрягаются, и я кусаю внутреннюю часть щеки, пытаюсь сдержать крик.

— Расслабься. Я не причиню тебе вреда, — он отпускает меня и возвращается на свое место. — Итак, как я уже говорил, Иззи. Ее брат был по уши должен некоторым наркоторговцам. Почти пятьдесят тысяч долларов. Не трудно было купить ее. Создать неприятности для ее семьи, чтобы вынудить ее уйти. Все, что я попросил взамен, — разбить сердце моего маленького Сэмми. Дать ему почувствовать десятую часть той боли, которую он причинил мне, — он хихикает, и я съеживаюсь еще больше. — Это было за день до его дня рождения. Ему должно было исполниться двадцать три. Мне повезло, что он решил зайти домой в тот день. Он нашел фотографию, на которой я запечатлел, как его невеста отсасывала наркоторговцу, которому задолжал ее брат. Это было нужно, чтобы шантажировать ее, однако он снова разрушил мои планы.

Я начинаю кашлять, подавившись воздухом, и он сводит брови вместе.

— Ох, извини, это слишком вульгарно? — он встряхивает своими мясистыми пальцами и продолжает. — Дело в том, что я уже отомстил ему. Я до сих пор презираю его за то, что

он сделал с моей Стеллой. Но... прошло восемь лет, и у меня было время... проанализировать свое решение.

Он закрывает свой портфель и проводит рукой по кожаным стежкам, размышляя. Скрип стула заставляет вздрогнуть мое и без того уже напряженное тело. Краем глаза я вижу, как он идет к стене и берет фотографию перед тем, как вернуться.

— Это твой мальчик?

— Да.

Это снимок Бена в парке. Мне улыбнулась удача, и я смогла сделать удивительный кадр, когда он спускался с горки. Бен смеется и смотрит прямо в камеру, солнце светит за его спиной, зеленые глаза — яркие и счастливые, светло-коричневые волосы развеваются ветром.

— Он похож на тебя.

— Спасибо.

Мне приходится бороться с желанием вырвать фото моего драгоценного мальчика из его рук.

— Стелла бы хотела, чтобы ее мальчик был счастлив. Я следил за Сэмом на протяжении последнего десятилетия. Есть какие-нибудь идеи по поводу количества женщин, которых он приводил домой?

Я отталкиваюсь от стола, готовая бежать к своей машине, потому что это отвратительно. Мой мозг не может переварить то, что он говорит, и я нехорошо себя чувствую.

— Сядь, — велит он. — Если хочешь, чтобы я помог тебе сохранить сына, ты сядешь. И выслушаешь меня.

Я сглатываю желчь в горле и опускаю свою задницу обратно на стул, вцепившись в сиденье для поддержки.

— Женщины. Здесь их было много. Но ты отличаешься от остальных. И дабы загладить свою вину за то, что сделано мною в прошлом, и очистить свой послужной список и свою совесть, я помогу тебе. Но на этом все. Не забудь сказать ему, что я не желаю видеть его лицо снова. Я не простил его и никогда не забуду. Но ради Стеллы, ради ее сына, я отдам ему долг. Поняла?

Не в силах сформировать предложение, я киваю.

— Хорошо. Вернемся к нашему разговору. Кажется, у новой жены Мэтта была небольшая проблема несколько лет назад. Видишь ли, ее бывший был готов выложить мне все подробности ее беременности.

Он смотрит на меня, а я на него, застреваю в сумеречной зоне.

— Ааа, я должен объяснить немного глубже. Видишь ли, ребенок не от ее бывшего. И это было очевидно при рождении. Оказывается, это внебрачный ребенок нашего старого доброго губернатора Гибсона, — он смеется, на самом деле смеется, перед тем как продолжить, — теперь самое неожиданное, прелесть того, что связывает это воедино в том, что ее отец числится в платежной ведомости на получение зарплаты у Гибсона. Усыновление не заняло у них много времени. Во всяком случае, ребенку, наверное, будет лучше без нее. Как мать она — гнусная женщина.

— О, Боже!

До меня, наконец, доходит то, о чем он говорит, и я чувствую себя нехорошо от того, что стала частью этого.

— Теперь все, что потребовалось прежде, чем я приехал сюда, — короткая встреча с

моим хорошим знакомым Дентоном, чтобы преподать ему урок истории... эмм, освежить воспоминания. Если он не хочет, чтобы в новости просочилась информация о том, что он помог скрыть неверность и тайное усыновление внебрачного ребенка губернатора, то ему следует прекратить дело против тебя.

Я вздыхаю с облегчением, но быстро втягиваю воздух вновь, ожидая, когда он выльет на меня еще больше дерьма.

— Иронично, не правда ли? То, каким образом все это разрешилось, — он оставляет мои бумаги на столе и встает со своим портфелем. — Мне больше ничего не нужно. Я попрошу своего помощника принести тебе некоторые бумаги на подпись. Все это должно закончиться к концу недели.

— Спасибо?

Еще один смешок вырывается из него, и он гладит меня по руке.

— О, это доставило мне огромное удовольствие, дорогая. Видишь ли, мало того, что моя совесть теперь чиста, но эта информация также даст мне огромное преимущество перед Дентоном. Мне никогда не нравился этот ублюдок.

Он уходит, и когда хлопает парадная дверь, я подпрыгиваю, кладу голову на стол и дрожу из-за нервов, облегчения и страха.

Спустя несколько мгновений раздается стук в дверь, но я не могу двигаться. Снова постучали и повернули ручку. Моя голова все еще лежит на столе, а щека прилипла к дереву, когда тело Сэма попадает в поле зрения.

— Корт?

Я не могу ответить, но слежу за ним, когда он подходит ближе.

— Все в порядке? — он опускается на колени, и его взгляд встречается с моим. Я откидываюсь на спинку так быстро, что падаю со стула, и он оказывается рядом со мной в одно мгновение. — Детка, что стряслось?

Он прислоняет меня к стене и трогает мой лоб. Я не могу перестать смотреть в его теплые глаза. Их внешнее сходство с отцом поразительно, однако, я знаю, что Сэм совсем не похож на Джерома.

Я должна рассказать ему, что случилось. Теперь все произошедшее имеет гораздо больше смысла. Я понимаю Сэма. Я сопереживаю ему, что он рос с таким человеком, каким был его отец. Мне жаль, что у меня нет сил, чтобы притянуть его в свои объятия и утешить за всю ту боль, что он пережил.

«Зачем его собственный отец шантажировал его невесту? Обвинил его в смерти Стеллы. Кто дал ему такое право? Каким человеком надо быть? Неудивительно, что Сэм не доверяет никому».

— Твой отец был здесь.

Он напрягается.

— Что?

— Он приехал раньше.

— Бл*дь. Он прикасался к тебе? Причинил тебе боль?

— Нет. Мне он не причинил вреда, — я поднимаю руку и прижимаю к его красивому лицу. — Он причинил боль тебе.

Он щурится и садится передо мной. Моя рука падает вниз, и мне тут же начинает не хватать тепла, которое исходит от него.

— Что он сказал?

— Сэм, я...

— Что он рассказал тебе? — его голос смущенный, неуверенный. Ничего общего с тем Сэмом, которого я знаю.

— Все.

Глава 15

Сэм

Я опускаю голову, стыдясь, что ей известно мое отвратительное прошлое.

— Теперь ты знаешь.

Я делаю глубокий вдох, затем встаю, готовый уйти. Она не хочет иметь ничего общего со мной, зная, из какой я семьи, какую жизнь вел и кто мой отец.

— Куда ты собираешься? — спрашивает Кортни, вставая со мной.

— Ухожу.

— Почему? — в ее голосе звучит замешательство, я поворачиваюсь к ней и вижу, как она хмурит брови.

Я провожу руками по своему лицу и смотрю в потолок.

— Вряд ли ты захочешь ещё меня видеть. И я не виню тебя за это.

Теплая рука Кортни на моей руке посылает волну комфорта сквозь меня.

— Если уж на то пошло, это заставляет меня хотеть тебя еще больше.

Я резко поворачиваю голову в ее сторону, и от ее мягкой улыбки у меня подкашиваются колени.

— Что?

— То, что он рассказал мне, как он рассказал мне... — она дрожит, и я сжимаю ее плечи.

— Он обидел тебя?

— Нет, нет. Ничего подобного.

Она сжимает мою руку и ведет к дивану. Мы садимся, и она наклоняется и нежно целует меня.

— Ты слишком добра ко мне, — шепчу я ей. Несмотря на то, что она пережила, Кортни еще старается утешить меня. — Я хочу вернуться ко всему этому разговору о нас, но мне нужно узнать, что он сказал о Бене. Я, по правде говоря, не беспокоюсь по поводу этой фиктивной битвы за опеку. Я знаю своего отца. И он бы никак не мог проиграть Дентону. У Джерома Монро есть одна особенность: он не говорит то, что не имеет в виду. А он сказал, что поможет.

Она улыбается, и я знаю, что новости будут хорошими.

— Он сказал, что все будет решено к концу недели.

— Что? — улыбаюсь я.

— Да. Предполагаю, что новая жена Мэтта забеременела от какого-то губернатора, а Дентон скрыл это. Рождение, усыновление, — ёрзая на своем месте, она хлопает в ладоши, явно возбужденная. Я вонзаю свои пальцы в ладонь, пытаясь не обхватить ее красивую грудь. Клянусь, она превращает меня в похотливого подростка. — Он вообще не выглядел обеспокоенным и сказал, что его помощник зайдет с некоторыми бумагами, которые мне нужно подписать. Он также сказал мне, чтобы я сказала тебе... — она замолкает и отводит от меня взгляд.

— Что, детка? — я поворачиваю ее за подбородок и вынуждаю посмотреть на себя. Она

должна знать, что может мне сказать. — Всё нормально. Я могу справиться с этим.

И я могу. Я слышал что угодно от этого человека. Не удивительно, что он передал ей сообщение для меня.

Ее рот открывается пару раз, и она снова отводит взгляд. Я обхватываю ее голову обеими руками и прислоняюсь своим лбом к ее.

— Все хорошо, — шепчу я.

— Он сказал, что вы квиты. Что он никогда не хотел бы видеть тебя снова, — слезинка катится из ее глаза. — Мне жаль.

Я не удивлен, но, честно говоря, испытал облегчение. Последние восемь лет я избегал реальности, потому что жил прошлым. Но теперь... Теперь я хочу жить, не оглядываясь на свое прошлое.

— Эй, — шепчу я. Кортни поднимает голову, чтобы посмотреть на меня. — Все хорошо. Правда. Не беспокойся обо мне.

— Он был ужасен, Сэм. Я не могла поверить в то, как... понять то, что он озвучил.

— Давай прямо сейчас сосредоточимся на Бене.

Она кивает и наклоняется, чтобы поцеловать меня. Я двигаюсь ей навстречу, и, когда наши губы соприкасаются, приходит понимание, ясность. Это новое начало для нас. Мы отрываемся друг от друга.

— Ты обедала? — спрашиваю я.

— Нет. Я не голодна.

— Тебе надо поесть, детка.

— Я знаю, но пока это действительно не закончилось...

Я понимаю ее. У меня тоже скручивало живот все утро. Не могу представить, что чувствовала она.

— Хочешь посмотреть фильм или что-то еще? Ты можешь рассказать мне больше о том, что сказал тебе Джером.

— Да.

Мы заканчиваем тем, что оставляем ТВ, и она рассказывает мне почти дословно все, что произошло. Я уверен, что мой отец пришел пораньше, надеясь, что меня здесь не будет. Как я ненавижу то, что ей пришлось бороться с ним самостоятельно. Но это, возможно, было к лучшему, поскольку велика вероятность, что я сделал бы или сказал что-то, чем разозлил бы его достаточно, чтобы уйти.

Счастье Кортни передается мне, и прежде чем я осознаю это, она смотрит на часы и быстро встает.

— Мне нужно забрать Бена из школы.

— Я могу поехать с тобой? — слова вырываются из меня прежде, чем я задумываюсь над ними. Хотя я хочу этого и сделаю. Я хочу Кортни, а Бен её приложение. Я хочу их обоих.

Она замолкает на мгновение, а я паникую, думая, что перешел грань. Но потом она заправляет волосы за уши и ухмыляется.

— Да. Это было бы здорово.

Я жду ее у входной двери, и мы идем к ее машине вместе.

— Почему бы тебе не позволить сесть за руль мне?

Для нее сегодня был эмоциональный день, и я бы чувствовал себя лучше, если бы она могла просто расслабиться хоть на минутку. Плюс ко всему я — мужчина. Мужчины ведут.

— Все в порядке. Я могу.

— У тебя был долгий день, и ты устала. Пожалуйста, — я протягиваю руку за ключами, и она закатывает глаза, прежде чем вручить их мне.

— Ладно, держи.

Я делаю небольшой рывок к ней, когда металл касается моих пальцев, и притягиваю ее для быстрого поцелуя.

— О, угадай что? — спрашиваю я, двигаясь по улице.

— Что?

— Ты знаешь парня, который работает на меня, Нейта?

— Да, я виделась с ним пару раз. Он выглядит очень милым.

— У него и его жены, Джейн, этим утром родился ребенок. Маленькая девочка.

— Серьезно? — пищит она. — Это так здорово. Как же они ее назвали?

— Ммм, на самом деле, я понятия не имею. Пришла вся его семья, ему было не до меня.

— О-о. Это мило. Держу пари, они счастливы.

Я украдкой бросаю на нее взгляд, и меня радует видеть настоящую улыбку на ее лице. В последнее время я почти не видел ее, и мне этого не хватало.

— Да. Нейт был на седьмом небе от счастья. Он будет хорошим отцом.

— Он взял отпуск на работе?

Я киваю:

— Он сказал, что, когда родится ребенок, он возьмет пару недель.

— Ты сможешь выжить без него? — шутит она.

Я тру шею, потому что был очень занят в последнее время и понятия не имею, как буду справляться со всеми звонками на домашний телефон самостоятельно. Для некоторых вещей необходимо два человека. Вдобавок ко всему он делает большую часть бумажной работы. Я ненавижу бумажную работу.

— Я справлюсь.

— Дай мне знать, если тебе понадобится какая-либо помощь. Я не особо разбираюсь, но...

Я проезжаю на пикапе школьную стоянку и паркую машину у парка. Повернувшись в кресле так, чтобы я мог смотреть на нее в упор, говорю:

— Ты потрясающая, тебе это известно?

Она застенчиво смотрит в сторону и бормочет:

— Нет, это не так.

— Да, ты такая. Ты, вероятно, прямо сейчас переживаешь один из худших моментов, с которыми только мог бы столкнуться родитель-одиночка, но все же предлагаешь мне свою помощь, — Кортни поднимает голову и улыбается. — Серьезно. Ты замечательная. Бену повезло с тобой.

— Спасибо.

Мы выходим из машины и стоим под деревом у здания школы. Кортни опирается на меня, и я счастливо оборачиваю свою руку вокруг нее. Звенит звонок, и дети выбегают. Маленькая голова Бена подпрыгивает в толпе, и Кортни приходится сделать шаг назад, когда он прыгает в ее объятия.

— Привет, мамочка!

Она опускается на колени и обвивает руки вокруг него, прижимаясь лицом к его голове. Я отступаю и даю ей насладиться моментом. Именно в этом объятии нечто большее, чем в типичных обнимашках после того, когда ребенка забирают из школы. Это уверенность и

облегчение, что она не потеряет своего сына. Он смеется и смотрит, наконец, заметив меня.

— Привет, Сэм. Что ты здесь делаешь?

Я прочищаю горло от застрявшего в нем комка. Большая часть меня в ужасе от того, что я должен рискнуть, но блеск в его глазах стоит этого.

— Я пришел с твоей мамой, чтобы забрать тебя, — я вдруг начинаю беспокоиться, что он не захочет меня видеть и что мое присутствие здесь странное для него. — Как тебе, нормально?

— Да, — отвечает он мгновенно, глядя на меня и улыбаясь, так же как и его мать.

— Хорошо.

Когда Кортни встает, она наклоняет голову и вытирает глаза. Я протягиваю руку и обнимаю ее за плечо, а Бен берет маму за руку. Мы идем обратно на стоянку, слушая рассказ Бена о том, как тот провел день.

— Кортни, — зовет справа сердитый мужской голос, когда мы добираемся до ее машины.

Она вздрагивает, и мой защитный механизм возрастает.

Когда все мы поворачиваемся, то видим мужчину, который размахивает документами и приближается к нам. Я встаю перед ней и заталкиваю Бена между нами.

— Мэтт, — шепчет она, в ее голосе сквозит страх.

— Какого черта? — кричит он.

У меня уходит мгновение на то, чтобы оценить его. Он выше меня, но худой. На нем дорогой костюм и розовая рубашка. Его лицо покраснело, несомненно, от гнева, и я поворачиваюсь к нему спиной, чтобы поговорить с Кортни и Беном.

— Сядьте в машину и включите радио, хорошо? Я подойду через пару секунд, — я передаю ей ключи, и мой гнев еще возрастает, когда их сжимают ее трясущиеся руки.

— Кортни! — кричит мужик снова, и она вздрагивает.

— Посмотри на меня, детка, — она делает это, и я заканчиваю. — Забери Бена в машину и включи радио. Я буду через минуту. Бен?

Он растеряно оглядывается на Мэтта, стоящего за мной.

— Ты можешь вернуться на свое место, приятель? Я сейчас подойду.

Он пожимает плечами.

— Конечно.

Лицо Кортни бледнеет, а глаза расширяются.

— Я займусь им. Все в порядке. Иди, — я слегка подталкиваю ее, и она бросает взгляд через мое плечо еще раз, прежде чем я хватаю Бена и заталкиваю их в машину.

— Я еще не закончил разговаривать с тобой! — кричит Мэтт.

Я подхожу к нему так спокойно, как только могу, и хватаю за бицепс, тем самым оттягивая его не только от Бена и Кортни, но и от остальных людей, забирающих своих детей. Он пытается вырвать руку, но во мне сейчас столько злости, что у него нет ни единого шанса вырваться из моего захвата.

— Эй, — ноет он. — Отпусти меня. Да кем ты, бл*дь, себя возомнил?

— Заткнись, мудака, — выдавливаю я сквозь зубы. — Имей, на хрен, хоть какое-то уважение. Здесь дети вокруг.

Как только мы скрываемся за углом, я слегка толкаю его назад, и он потирает свою руку. «Баба». Я скрещиваю руки на груди, пока он приводит себя в порядок.

— Кто ты? — спрашивает Мэтт.

Я игнорирую его вопрос.

— Чего ты хочешь?

— Мне нужно поговорить с Кортни. Долбаная сука шантажирует меня и мою жену.

— Нет. Ее адвокат шантажирует тебя и твою жену. И не называй ее сукой.

— Опять же. Кто ты, черт возьми?

— Я — мужчина в ее жизни и жизни Бена. А ты нет. И никогда им не был, — я наклоняюсь, чтобы подчеркнуть свои следующие слова. — И никогда, на хрен, не будешь.

— Он мой сын. Она скрывала его от меня.

Не могу поверить, что этот придурок думает, что ему удастся выплеснуть на меня все это дерьмо.

— В самом деле? Где же тебя носило последние пять лет?

— Я...

— Именно. Тебя не было, — я читаю тихую молитву к своей маме прямо сейчас, надеясь, что мои слова не вернуться, чтобы укусить меня за задницу. — Ты полагаешь, что можешь выиграть, да? Ты думаешь, что должен вмешаться после того, как ударил ногой беременную женщину, оставил ее и Бена? — я отказываюсь называть мальчика его сыном. — Ты не хочешь иметь ничего общего с ним. Твоим новым родственникам со стороны жены нужна всего лишь реклама. И я скажу тебе еще раз. Вы не победите.

— Ты ни черта не знаешь.

Его гнев усиливается, и я делаю шаг назад. Не хочу ввязываться в драку с этим засранцем. По крайней мере, не здесь и не сейчас.

— Я знаю одно. Те два человека, — я указываю назад на парковку, — те, кого ты оставил на произвол судьбы — они теперь мои. И я, бл*дь, лучше умру, чем позволю твоей жалкой заднице приблизиться к ним. Ты меня слышишь?

Он проводит рукой по своим волосам и впивается в меня взглядом.

— Ты даже не представляешь, с кем имеешь дело. Дентон — зверь. Он не любит проигрывать.

— Да? Ну, Монро — чертов монстр, и он не проигрывает, — я озираюсь вокруг и рад тому, что за нами никто наблюдает. — Слушай. Мы оба знаем, что ты делаешь это из-за семьи, в которую вошел после женитьбы. Но сейчас я говорю тебе: остановись. Ты действительно хочешь, чтобы в газетах мелькали заголовки о том, что у твоей жены был роман с женатым шестидесятилетним губернатором, и что она отдала ребенка на незаконное усыновление?

Его лицо бледнеет, и он делает шаг назад, потрясенный.

— Это, — он сминает бумагу в руке и шагает в мою сторону, — Дентон замял. Никто не сможет это выяснить.

— Я не был бы так в этом уверен. Думаю, тебе нужно пойти домой и немного поболтать со своей женой и тестем. Выяснить, что важнее. Как только они решат, что спасение их имени перевесит всю фигню с делами, касающимися твоего желания стать отцом, ты подпишешь сраные бумажки. И тогда ты никогда не выдохнешь имя Кортни или Бена снова.

— Черт возьми, да кто ты такой?

Я протягиваю руку, и он нерешительно берет ее. Яжимаю ее и отвечаю:

— Сэм Монро, — его глаза слегка расширяются. — И ты думаешь, что мой отец беспощаден? Риски. Попробуй только навредить им. Бл*дь, рискни, и я обещаю, что ты огребешь новые неприятности на свою задницу так быстро, что захочешь, чтобы на моем

месте оказался мой говнистый отец, с которым ты судишься за бумаги и деньги.

Он вырывает свою руку и подходит ближе.

— Ты угрожаешь мне?

— Ага, бл*дь, именно так. Хочешь испытать меня?

Мы уставились друг на друга, и он, наконец, сдается, вскидывая руки вверх.

— В любом случае, мне не нужен этот сопляк. Можешь забрать их. Да пошли вы все на хрен.

Я смотрю, пока он не заворачивает за угол, затем опираюсь ладонями о свои колени. Я имел в виду каждое слово, которое произнес. Я знал, о чем говорил, я вырос среди алчных юристов. Независимо от того, намеренно или нет, я узнал кое-какое дерьмо от моего отца. И я умею разбираться в людях, а Мэтт не что иное, как мелкий трус, пытающийся поцеловать задницу своего нового папочки.

Я могу гарантировать, что эти документы будут подписаны и доставлены к концу недели.

Я возвращаюсь к машине. Когда Кортни замечает меня, она выходит и закрывает дверь. Она бежит ко мне, все ее лицо охвачено беспокойством.

— Что случилось? Что он сказал? О, Боже, он будет пытаться отнять Бена? — я останавливаю ее быстрым поцелуем. Она чуть оступается, но я не даю ей упасть.

— Все нормально. Все в порядке. Пойдем, купим мороженое.

— Сэм. Ты не можешь просто поцеловать меня, чтобы отвлечь. Я имею право знать, что он сказал.

Бен взволнованно смотрит из окна.

— И я скажу тебе. Позже, — я улыбаюсь очень широкой улыбкой, чтобы успокоить Бена. — Но сейчас Бен напуган. Все хорошо. Мэтт ушел.

— Но...

— Нет. Никаких “но”. Мороженое. Затем, чуть позже, мы поговорим.

Я обхожу вокруг машины, и перед тем, как открываю дверь, она обращается ко мне.

— Спасибо тебе.

— Не стоит благодарности. Ты готова?

Она наклоняет голову и улыбается.

— Да, Сэм. Я готова. А ты?

Ясно, что она спрашивает о чем-то большем, чем мороженое.

Я опускаю свои руки на крышу автомобиля и наклоняюсь ближе к ней.

— Я никогда не был так готов ни к чему в своей жизни.

Глава 16

Кортни

Я безумно нервничала, начиная с того момента, как впервые взяла Бена на руки. Я цепенела от страха, что он может заболеть в младенчестве, боялась, что он умрет во сне. Боялась, что он может навредить себе всякий раз, когда он пробовал что-то новое. Я постоянно сомневалась и продолжаю сомневаться до сих пор, во всем, что делала, беспокоилась, что травмирую его на всю жизнь. Когда он начал спрашивать о своем отце, страх перед отсутствием достатка выбрался на поверхность и заставил меня сомневаться в себе, как в матери-одиночке, еще больше.

Но когда я прочитала судебные документы и подумала, что могу потерять его, ужас

поглотил мое тело. Если бы не Сэм и его отец, я не знаю, где бы находилась сейчас. Уж конечно, не сидела бы в кафе-мороженое, поедая «Голубую Луну» в четыре дня в понедельник после того, как увидела своего бывшего впервые за пять лет. Особенно после того, как он пытался подать на меня в суд за право опеки над ребенком, в то время как просто выступил в качестве донора спермы.

— Корт? — смеющийся голос Сэма вырывает меня из собственных мыслей.

— Да?

— Ты слышала, что он только что сказал? — он наклоняет голову в сторону Бена, на лице которого шоколада больше, чем во рту.

— Нет, извини, — я наклоняюсь ближе к сыну. — Что случилось, дорогой?

— Я хочу, чтобы Хлоя осталась на ночь.

Я кашляю, чтобы не задохнуться, а Сэм опускает голову, чтобы скрыть свой смех.

— О, ну. Я не знаю.

— Я могу это сделать? Девочки приходят в гости с ночевкой к маленьким мальчикам в детском саду? Это только кажется... неправильно.

— Мы поговорим об этом позже.

К счастью, Бен покладистый ребенок, поэтому пожимает плечами и продолжает есть свой рожок мороженого.

— Какие у вас планы на остаток дня? — спрашивает Сэм.

— Сегодня вечером я работаю. Мона приедет в семь.

Его глаза ожесточаются, а рука, лежащая на моем бедре, на короткое время напрягается.

— Сколько дней ты работаешь на этой неделе? — его голос приобретает сердитый тон.

— Кроме сегодняшнего вечера я работаю ночью в пятницу и субботу.

Он кивает, но не отвечает. Когда он резко встает, откидывает свой стул назад и тот врезается в пустой стол позади нас. Я вздрагиваю, а Бен останавливается, высунув свой язык наполовину, чтобы лизнуть, но быстро отказывается от еды.

— Сэм, — шепчу я.

Он хватается за свой мусор.

— Я буду снаружи.

И выходит, не оглядываясь.

«Какого черта? Почему он внезапно разозлился? Клянусь, у этого мужчины больше перепадов настроения, чем у женщины с ПМС».

— Он сумасшедший? — спрашивает Бен, вытирая рот рукавом своей рубашки.

— Используй салфетку. И нет, я так не думаю, — я улыбаюсь так убедительно, как только могу, и обмакиваю салфетку в воде, чтобы вытереть шоколад с его рта. Надеюсь, что он не чувствует мое разочарование. — Тебе нужно сходить в туалет, прежде чем мы поедем домой?

— Нет.

— Ладно, бери свой мусор и пошли.

Мы встречаем Сэма снаружи, и он молча открывает нам дверцы, прежде чем отвезти домой. Бен объелся, я могу утверждать это, потому что он не разговаривает. Я откидываю голову назад на сидение и смотрю в окно. Рука Сэма дотрагивается до моей, и я нерешительно переплетаю свои пальцы с его. Я не понимаю, как в одно мгновение он может быть таким любящим и оберегающим, а в следующее — выходить из себя, как ребенок, по причине, которая мне даже не известна. Гонка за ним изнурительна. Но как бы то ни было,

есть в нем что-то, ради чего стоит бороться, и мне интересно, хватит ли у меня сил для этого.

Он паркуется на подъездной дорожке позади своего грузовика. Я вытаскиваю свою ладонь из его и открываю дверцу для Бена. Мы все поднимаемся по ступенькам, и я ожидаю, что Сэм пойдет к себе. Часть меня хочет поговорить о том, что он сказал Мэтту, а другая просто жаждет, чтобы он ушел, так как я не понимаю, чем так разозлила его. Он кладет руку мне на поясницу и слегка подталкивает в сторону моей двери. После того как мы входим внутрь, Бен собирается бежать в свою комнату, но я останавливаю его.

— Что ты скажешь Сэму за мороженое?

— Спасибо, Сэм.

— В любое время, — он улыбается Бену, теперь, по-видимому, вернувшись к своему нормальному состоянию.

— Можно я теперь поиграю?

— Да.

Бен убегает наверх, и, как только он оказывается вне пределов слышимости, я поворачиваюсь и тычу пальцем в Сэма, готовая наброситься на него с кулаками за то, что он вел себя, как придурок. Но он хватается мою руку и притягивает меня к себе, потом обнимает и прижимает мою голову к своей шее.

— Прости, но я не могу смириться с мыслью, что ты работаешь в этом месте. Меня ужасно раздражают мысли о том, что эти засранцы видят тебя голой, — извиняющийся шепот смешивается с сердитым тоном, который слышен в его голосе.

Мое сердце напугано его признанием, и я бормочу:

— Я не голая.

— Нет, но мне все равно это не нравится.

Он тихо и медленно потирает мне вверх и вниз спину ладонями.

— Мне тоже, но у меня нет выбора.

Он удерживает меня пару минут, и я отступаю, внезапно осознавая, что так и не поговорила с ним о Мэтте.

— Что случилось с Мэттом?

— Ничего. Он пытался вести себя, как обиженная задница, сказал, что ты действовала против него и шантажировала.

В моей голове тут же начинают проигрываться сценарии, но нежная рука на моем лице выдергивает меня.

— С ним покончено, он ушел побежденным, детка. Похоже, он получил документы, прежде чем поговорил с Дентоном, потому что у него не было ни малейшего понятия, что мой отец узнал о романе его жены.

— О, он просто ушел? Даже не спросил о своем сыне?

Мое сердце болит за моего маленького мальчика.

Он делает глубокий вдох и качает головой.

— Но он и не заслуживает того, чтобы дышать тем же воздухом, что и Бен. Он кусок говна, и я сказал ему, что лучше мне никогда не видеть его рядом с Беном.

Я прерываю его.

— Ты что? — рывкаю я.

Он поворачивает голову назад.

— Я сказал ему, чтобы он никогда не связывался с тобой или Беном снова.

— Кто ты такой, чтобы принимать подобное решение? — ору я. Что, если Мэтт действительно хотел узнать своего сына? Имею в виду, что я не хочу отказаться от опеки, но была бы не против того, чтобы Бен встретился с отцом. Каждый ребенок заслуживает того, чтобы знать, кто их родители. Я уверена, что это не было любезной просьбой Сэма, держу пари, что он ему угрожал.

— Ты прикалываешься надо мной, да? — спрашивает он недоверчиво.

— Послушай, — я сжимаю переносицу, — я ценю все, что ты сделал, ты даже не представляешь насколько. Чем ты пожертвовал для меня... для нас. Но ты не можешь так делать.

Он отходит и скрещивает руки на груди. Руки, которые заставляют меня чувствовать себя в безопасности, будто ничто не может коснуться меня, когда они вокруг меня.

— Не могу делать что? Заступиться за вас? Убрать этого ублюдка из вашей жизни? Потому что оттуда, где я стою, вы можете получить любую гребаную помощь, в которой нуждаетесь.

— Что это значит?

— Это значит, что тебе нужна помощь, женщина. Иисусе, — он проводит руками вниз по своему лицу, подходит ближе ко мне и опускает голову, чтобы смотреть мне в глаза, — ему не нужен Бен, — его голос понижается. — Это лишь рекламный трюк для его новой семьи. Это позволило бы ему выглядеть хорошим. Он сказал мне, что ему не нужен Бен, детка.

Я чувствую себя дурой за то, что не признала того человека, каким в действительности является Мэтт. И глупая часть меня, существующая до сих пор, помнит того доброго и щедрого человека, которым он раньше был.

— Я знаю это, но что, если в будущем...

— Нет. Мне жаль. Он — эгоистичный хер.

Не знаю, почему мне вдруг стало грустно от того, что Мэтт полностью сдался. Я не хотела его в нашей жизни, но я всегда желала, чтобы он этого хотел. И теперь, когда дело сделано, я не знаю, как к этому отношусь.

— Итак, все кончено. Просто так он никогда не захочет даже встретиться с сыном.

— Он смотрел прямо на него, Кортни. На стоянке. Помнишь?

— Да, — я прислоняюсь к стене, у меня внезапно закружилась голова.

— Он смотрел на него, но не видел. Своего собственного сына. Его не волновало то, что он стоял рядом.

Я киваю, признавая это, а он оставляет нежный поцелуй у меня на лбу, прежде чем идет к двери.

— Дай мне знать, если тебе понадобится еще что-нибудь.

Щелчок замка заставляет меня выйти из оцепенения, и я медленно иду на кухню, сажусь на стул. Я не хочу, чтобы Мэтт присутствовал в нашей жизни. Но для Бена я хочу, чтобы у него был отец — человек, который присматривает и ухаживает за ним... как Сэм. Готов ли он к такой ответственности, когда он даже не может согласиться со мной? Стать отцом. Он говорит, что хочет еще один шанс, и пока он смог доказать, что безмерно полезен. Он пытается.

«Но хочу ли я мужчину в своей жизни, который будет принимать важные решения, такие как это, за меня? За Бена? Не посоветовавшись со мной?»

— Уф, — простонала я и ударила головой о стол.

Затем меня осенило. Я — идиотка. Боже, я такая глупая. Конечно, я хочу этого. Как давно я хотела, чтобы кто-то разделил со мной жизнь и помогал принимать решения? Не быть единственной, у кого есть ответы? Теперь у меня есть потрясающий парень, который готов попробовать, а я веду себя, как чокнутая.

Я смотрю на часы на микроволновке, но понимаю, что не располагаю достаточным количеством времени, чтобы поговорить с Сэмом, до ухода на работу. Я бегу наверх, проверяю Бена и говорю ему, что быстренько приму душ. Я хотела бы стоять под горячими струями вечно, но отбрасываю волосы, быстро намыливаюсь и бреюсь в соответствующих местах.

Выбравшись, я заглядываю в комнату Бена и нахожу его в том же положении, что и десять минут назад.

Когда я складываю чистую одежду в сумку, звонит телефон, и я бегу вниз, чтобы ответить, проклиная себя за то, что не принесла сотовый наверх.

— Привет? — отвечаю я, не глядя, кто звонит.

— Корт, — у Моны разбитый голос, и она шмыгает носом.

— Мона, у тебя дерьмовый голос. Ты в порядке?

— Только что проснулась. Я больна.

— Ой, дорогая.

— Я... — она кашляет, и я убираю телефон от уха, как будто микробы могут пройти сквозь него волшебным образом, — не могу присмотреть за Беном. Мне жаль.

Чёрт.

Я даже не подумала об этом раньше.

— Все в порядке. Просто поправляйся.

— Окей.

Я нажимаю кнопку — завершить звонок, затем бросаю телефон на тумбочку с чрезмерной силой и вздрагиваю, когда он падает на пол. Когда я нагибаюсь и поднимаю его, то сдаюсь, сажусь на холодный кафель и размышляю, что делать. Слишком поздно звонить другой няне, мне нужно уходить через десять минут. Думаю, мне придется позвонить и сказать, что заболела. А мне очень нужны деньги.

Сэм.

Может быть, он сможет посидеть с ним. Я быстро бегу к его входной двери и стучу, но делаю шаг назад, когда он приветствует меня. На нем только шорты и пара теннисных туфель, его тело блестит от пота. Мои пальцы зудят от желания провести ими по резким углублениям на его животе.

Он прочищает горло, и когда я, наконец, смотрю ему в лицо, он одними глазами, без слов, спрашивает меня, почему я здесь.

— Да, эмм, — теперь настала моя очередь прочищать горло, — Мона больна, а она должна была присматривать за Беном вместо меня. Уже слишком поздно вызывать другую няню, так как я должна уезжать через десять минут. Я всегда могу просто заболеть, но мне очень нужны деньги. А ты здесь, рядом, но если ты слишком занят...

Он прерывает меня, прижимая свою руку к моему рту. Его губы кривятся в улыбке, и он спрашивает:

— Ты хочешь, чтобы я присмотрел за Беном, а ты смогла пойти на работу?

Я медленно киваю головой и борюсь с желанием вобрать его палец себе в рот. «Боже, что он делает со мной?»

— Могу я подойти через пять минут? Мне нужно принять душ.

Я хмыкаю, представляя его обнаженным и покрытым пеной, но мне удается кивнуть еще раз.

— Окей. Я скоро приду.

Он убирает руку и уходит, оставив меня таращиться на его дверь, не в силах пошевелиться от пузыря похоти, который он успел бросить в меня.

— Иди домой, Кортни, — кричит он изнутри. Я подпрыгиваю, как хорошая маленькая девочка, переполненная желанием, и иду домой.

*

Стресс, связанный с опекой, сделал из меня одну из злющих официанток, носящих кисточки. Я понимаю, что еще не выкарабкалась полностью, но уверенность Сэма заставляет меня вздохнуть с облегчением и почувствовать, что с нами все будет в порядке. Еще есть Сэм — горячий болван. Я не должна думать о нем прямо сейчас, не после того, как открыто паялилась на него. Но я не могу помочь себе. Как бы сильно я не хотела с ним переспать, мне нужно убедиться, что он хочет меня не из-за комплекса вины, или потому, что у него есть чувства, возникшие из-за вопроса об опеке.

Так что по дороге на работу я придумала план. Почти такой же план, что и раньше. Нам нужно сходить на свидание и узнать друг друга поближе. Но в отличие от прошлого раза, он должен присутствовать в нем до конца. Он говорит, что хочет этого, но я не смогу дать ему это, пока не узнаю наверняка.

Я вхожу в стрип-клуб с улыбкой на лице, полная решимости пережить эту ночь, чтобы потом я могла поехать домой и поговорить с Сэмом. Боже, лишь знание того, что он в моем доме и что я увижу его, заставляет меня заливаться краской. Но румянец на моих щеках быстро превращается в разъяренную красноту, когда выясняется, что моя ночная смена будет проходить в обществе пьяных парней, распускающих руки. Сегодня ведь понедельник, а понедельники обычно тихие.

И если этот парень не уберет свои руки от моего бедра, клянусь, я сниму четырехдюймовый каблук с ноги и засуну его ему в задницу.

Я ставлю его напиток и смотрю на него.

— Сэр, я не буду повторять снова, вы не должны прикасаться к официанткам.

Жестко схватив его за запястье, я отдергиваю руку.

— Вот как?

Он встает с такой скоростью, которая не казалась мне возможной для поддатого парня, и прижимает ладонь между моих ног.

— Убери свои чертовы руки от меня! — кричу я и отталкиваю его, но другая его рука сжимает мои ягодицы и прижимает меня к нему.

— Я буду трогать все, что захочу, сука.

Его слюна попадает мне на щеку, и я борюсь, чтобы убрать его от меня, толкаюсь, царапаюсь.

— У тебя, бл*дь, проблема, мужик?

Один из охранников оттаскивает его от меня, и я спотыкаюсь прямо о Бренду.

— О, мой Бог. Ты в порядке? — спрашивает она, убирая растрепанные волосы с моего лица.

«Я порядке? Нет. Я ненавижу это. Мне не больно, но я зла».

— Да, в порядке, — я оттягиваю юбку вниз насколько это возможно и осматриваюсь вокруг. Все, чем бы они ни были заняты, остановились и уставились на меня. Смутьившись, я бегу к раздевалке и облакачиваюсь о раковину.

Дверь скрипит, и Бренда запрыгивает на стойку рядом со мной, размахивая своими длинными ногами, на которые надеты чулки в сеточку.

— Ты уверена, что в порядке?

Я делаю глубокий вдох и набираю в пригоршню воды, чтобы сделать маленький глоток. После того, как смачиваю лицо бумажным полотенцем, я опираюсь на раковину.

— Да. Просто сыта этим по горло. Мало того, что на нас глазают, и я не имею ничего против этого... В смысле, очевидно, что мы на это подписались, — она кивает, соглашаясь, — но я не понимаю этих распускающих руки парней. Боже, это так неприятно.

— Знаю, но это только временно, правда? Мы уйдем отсюда прежде, чем ты успеешь моргнуть, — она спрыгивает вниз, обнимает меня сбоку и уходит.

— Не так скоро, — говорю я пустой раздевалке.

Я отказываюсь выдвигать обвинения, когда об этом меня спрашивает менеджер. Не хочу, чтобы в публичных источниках мое имя было рядом с этим безумцем, и они посадили его. Я на автомате заканчиваю свою смену и, в конечном счете, получаю кучу чаевых. Думаю, что некоторые из ребят просто пожалели меня. Неважно, я заберу их.

Когда возвращаюсь домой, я крадусь так тихо, как только могу. Все светильники внизу выключены, за исключением тех, что под кухонными шкафами и лампы на столе. Сэм должен быть в моей постели. Я снимаю обувь и на цыпочках поднимаюсь по лестнице.

Когда я открываю дверь в комнату Бена, весь гнев, который был во мне, испаряется. Стирается. Большое тело Сэма прижато к стене, а его рука переброшена через Бена. Бен спит на его животе, его правая рука и нога свисают с кровати. Книга, небрежно лежащая на полу, без сомнения, выпала из руки Сэма. Я хватаю свой телефон, фотографирую, затем выхожу из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь.

Я направляюсь в ванную, потому что отчаянно нуждаюсь в душе. Я не только пахну как стрип-клуб, но и чувствую себя грязной после того, что мужчина прикасался ко мне.

Затем я расплетаю свои волосы и встаю под струи, но не двигаюсь, позволяя горячей воде сделать свою работу. Мой лоб покоится на прохладном кафеле, и я приветствую облегчение, которое он приносит. Внезапно занавеска резко отодвигается

Я задыхаюсь и теряю равновесие, но Сэм сжимает мой локоть, чтобы удержать меня от падения. Он восхитительно выглядит обнаженным, и все, что я могу сделать, это уставиться на него. Он разворачивает меня так, что я не вижу напряжение на его лице, а затем хватается мое мыло, пахнущее розами, и выдавливает каплю в руку, прежде чем его растереть.

— Хорошо ли ты провела ночь на работе? — спрашивает он, растирая мыло по моему животу.

— Нет, — шепчу я, наслаждаясь ощущением от его прикосновения.

— Почему нет?

Я качаю головой и откидываю ее назад на его плечо, когда его пальцы аккуратно протирают нижнюю часть моей груди. Он использует чуть большее давление и настойчиво целует меня в шею.

— Почему нет? — спрашивает он снова, на это раз чуть более жестко.

— Потому, что я ненавижу эту работу.

— Я тоже ненавижу эту работу. Все видят это, — его намыленные пальцы крутят мои соски.

Я должна заставить себя оставаться на месте, когда он продолжает тереть и щипать чувствительные пики.

— Они ведь не могут делать это с ними, правда?

Я качаю головой.

— Нет. Они не могут, — шепчет он, а затем кусает мою шею.

Кончики его пальцев надавливают, прокладывая себе дорожку вниз по моим бокам, и я подавляю смех, когда он минует мое чувствительное местечко. Сэм хихикает и возвращает их обратно в то самое место, до тех пор, пока я не начинаю извиваться. Оставив легкий поцелуй на моей щеке, он продвигается вниз, куда могут дотянуться его руки, после чего он разворачивает меня и смывает с меня пену.

Выдавлив еще немного мыла, он опускается передо мной на колени и начинает намыливать каждую ногу. Сэм смотрит на свои руки, так что я не вижу, как его лицо выглядит прямо сейчас, и это сводит меня с ума. Когда он достигает внутренней стороны моих бедер, то стучит одним из трех пальцев, прося меня раздвинуть ноги.

Я смотрю на эти три пальца, воображая, что они делают что-то еще, когда он использует другую руку, чтобы раскрыть мои ноги для себя. Он слегка толкает меня назад, таким образом, что я оказываюсь под водой, и касается пальцем моих складочек, вымывая и убажывая.

Я начинаю раскачиваться на его руке, и он встает, прижимая меня к стене.

— Они не могут сделать это, так ведь? — он ощупывает меня, и я отвожу взгляд, вспоминая, какой опозоренной чувствовала себя ранее. — Кортни, посмотри на меня, — его голос полон разочарования.

Я поднимаю голову и пытаюсь сосредоточиться на его глазах, но резкость его челюсти не может скрыть то, каким разозленным он выглядит.

— Они не могут, да? Ты не позволяешь другим мужчинам прикасаться к тебе, не так ли? — он начинает кружить у моего входа одним пальцем. Настолько легко, что едва чувствуется, но с достаточным давлением для того, чтобы заставить меня хотеть больше, хотеть все это.

— Нет, так не должно быть, — слова вылетают из моего рта на одном дыхании.

— Неужели они? — выдавливает он.

— Иногда.

— Хватит, — рычит он, — ты там больше не работаешь.

Он отступает, и я открываю рот, чтобы заговорить, но прежде чем какие-либо слова вылетают из моего рта, он оборачивается, и его рот обрушивается на мой.

Единственный способ, которым я могу описать, что происходит, — он поглощает меня. Губы, язык, зубы. Его твердость трется о мой живот, и я тянусь вниз, чтобы прикоснуться к нему. Моя рука в миллиметре от него, когда он резко одергивает голову назад и тянется, чтобы выключить воду.

— Не здесь. И не так, — говорит он, выходит и возвращается через секунду с полотенцем.

Я знаю о нем, как защитнике, и мне это нравится, но как он мог сказать мне, что я больше не могу работать там? Мне нужны деньги. Если бы я могла уйти, то сделала бы это.

В одном полотенце, обернутым вокруг меня, и во втором вокруг его талии, мы идем в

спальню. Я сажусь на край кровати, а он запирает мою дверь, прежде чем подкрасться ко мне.

— Сэм, я не могу уволиться.

Его лицо все еще напряжено.

— Можешь. И ты сделаешь это. Я не могу смириться с мыслью, что ты была там. Я сказал, что хочу быть с тобой, и, черт возьми, женщина, я не могу представить себе еще один день, не зная, что ты только моя. И часть жизни со мной подразумевает, что ни один мужчина не сможет видеть тебя когда-либо снова.

Глава 17

Сэм

Я не даю Кортни шанса ответить, потому что ни секунды не могу держать свой рот подальше от нее. Я сбрасываю своё полотенце и развязываю полотенце у нее подмышками. Ее тело покрывается мурашками, она лежит на спине, когда я заползаю на нее сверху. Я хватаю член и провожу им по ее влажным складочкам несколько раз, после чего неспешно толкаюсь внутрь неё, из нас обоих вырывается стон, пока я вхожу полностью.

Я приподнимаюсь, и она оборачивает ноги вокруг моей талии.

— Скажи мне, — говорю я и выхожу из нее, оставив внутри только кончик.

— Что? — она извивается подо мной.

— Скажи мне, что бросишь ее, — я снова врезаюсь внутрь и стискиваю зубы.

Она ахает и скулит:

— Я не могу.

— Почему?

— Мне нужны деньги.

Ее глаза наполняются слезами, и я наклоняюсь ниже, опираясь на предплечья по обе стороны от ее головы.

— Нет, не нужны. Я сохранил все деньги, которые ты платила мне за аренду на счету. Мне они не нужны. Используй их, чтобы оплатить ваши больничные счета.

Она качает головой.

— Нет. Это слишком много.

Я больше не могу оставаться неподвижным, поэтому пару раз вращаю бедрами.

— Ты больше не будешь платить мне за аренду. А еще ты используешь эти деньги, чтобы положить на счет больницы. Затем, когда рассчитаешься с этим, можешь делать все, что захочешь. Но моя женщина не будет работать в стрип-клубе и не будет платить мне за аренду.

Я бы погасил эту гребаную задолженность за нее, но она никогда не согласилась бы с этим. Перешагнуть через подобное — достаточно большое препятствие для нее. Кортни привыкла быть независимой, и я уважаю ее за это, но пришло время, когда она может разделить свою ношу с кем-то. И этот кто-то — я.

Проблеск отчаяния пересекает ее лицо, и она снова качает головой.

— Я не могу этого принять, — шепчет она.

— Кортни. Я... — я на мгновение прислоняюсь своим лбом к ее, пытаюсь восстановить мысли. — Ты сломала цемент, окружавший меня на протяжении почти десяти лет. И нет ничего, что я могу дать тебе, чтобы отплатить за это. Я не пытаюсь подкупить тебя. Но хочу

быть с тобой, так чертовски сильно...

— Я тоже хочу быть с тобой, — она запускает пальцы мне в волосы, — но это уже слишком.

— Нет. Этого не достаточно. Я не могу дать вам достаточно. Но, принимая на себя весь этот стресс, я могу сделать это. Пожалуйста, детка, позволь мне сделать это для тебя.

Слезинка выкатывается из ее глаза, и я вытираю ее. Я бы хотел забрать все ее слезы.

— Сэм, — это все, что говорит она, глядя на меня. Я вижу, как вращаются колесики в ее голове, но не хочу давить на нее, поэтому даю ей немного времени, и медленно двигаюсь в ней. На моей спине начинает выступать пот, и я не знаю, как долго смогу продержаться.

Она садится и переворачивает нас, затем обрушивает свой рот на мой. Она все еще сжимает мой член и принимает каждую унцию силы, какая у меня есть, которую я должен позволить ей получить.

— Ты уверен? — спрашивает она.

— Да. Я уверен.

— Значит, ты полон решимости, верно?

— На сто процентов, — я улыбаюсь и подразумеваю именно это. Христос, я действительно так думаю.

— Тогда ладно. Я уйду.

Слава Богу!

— Это меня очень радует.

Она хихикает, и вместе с членом увеличивается мое гребаное сердце.

— Меня тоже.

— Хочешь знать, что могло бы сделать меня еще счастливее?

— Что?

— Если ты объездишь меня.

Она надувает губы и прищуривается.

— Хм...

— Детка, объезди, на хрен, меня.

Я толкаюсь вверх, и она вскидывает руки мне на грудь, чтобы не упасть.

— Хорошо, Сэм.

*

Солнце будит меня, и я очерчиваю изгиб талии Кортни, пытаюсь сдержать смех, когда она тянется назад и пытается ударить меня по руке.

Я делаю это снова, и она перекачивается на бок, лицом ко мне.

— Прекрати, — вздыхает она и открывает глаза.

Блин, я могу привыкнуть просыпаться с ней утром.

— Прекратить что?

— Ты щекочешь меня. А еще рано.

— Знаю, — я наклоняюсь и целую ее пухлые губы, — но мне нужно знать, если ты хочешь, чтобы я ушел.

Она садится.

— Почему?

— Из-за Бена. Не уверен, готова ли ты рассказать ему о нас.

Она наклоняется и берет меня за руку.

— В этом как раз заключается одна из причин, побудившая меня так легко тебя полюбить.

Я устался на нее неуверенный, что услышал правильно. В прошлый раз, когда кто-то сказал мне, что любит меня — это была Иззи, а сказанное ею — ложь. Перед ней были мои бабушка и дедушка... на самом деле они были единственными.

— Я...

— Шшш, — она целует мою ладонь и кладет ее себе на грудь. — Я не ожидаю, что ты ответишь взаимностью, но точно знаю, что мне делать. Мне нравится, что ты всегда думаешь о Бене, что ты ставишь его превыше всего. Ты не представляешь, как много это значит для меня. Однако, отвечу на твой вопрос: нет. Я не хочу, чтобы ты уходил. Я хочу, чтобы ты остался.

Не думал, что почувствую облегчение, которое ощущаю сейчас, зная, что она верит в меня, в то, что я не причиню боль ей или Бону. Я люблю ее. И Бена. Я люблю их обоих больше, чем я когда-либо думал, что способен. Но я не могу заставить себя сказать это.

— Это много значит для меня, — я съеживаюсь от этих банальных слов. — Я. Черт, ты знаешь, что я чувствую к тебе, верно?

— Да, — она улыбается.

Я был так погружен во все, что происходило прошлой ночью, и то, как мы закончили, что, когда мы заползли под одеяло, я вырубился.

— Вчера ночью я не пользовался презервативом.

— Все в порядке, я на таблетках. И я доверяю тебе.

Я не уверен, что услышать, как она говорит о доверии ко мне, значит больше, нежели услышать, как она говорит «я люблю тебя», но черт, это потрясающе.

— Хорошо, потому чувствовать тебя чертовски феноменально.

— Но я скажу, — она заползает на меня и седлает мой живот, — что заставить меня согласиться бросить стрип-клуб с твоим членом внутри меня нечестно.

— Думаю, это было совершенно справедливо.

Я вожу руками вверх-вниз по ее бедрам.

— Ты подлец, Сэм. Но у меня не было возможности сказать тебе о моем условии.

*бать. Я внезапно чувствую тошноту и облизываю губы.

— Какие условия?

— Условие. Только одно. Но это главное условие. Если ты не согласишься на него, мне ничего не остается, кроме как отказаться от соглашения.

Я отпускаю ее ноги, хватаю простыни и сжимаю их. После чего громко сглатываю, когда ее глаза следят за моим адамовым яблоком.

— Хорошо?

— Ты позволишь мне помочь тебе с документами.

Воздух с шумом покидает мой рот, и я улыбаюсь.

— Это все?

— Да, это все.

— Согласен.

Господь знает, мне не помешает любая помощь в этой области. К тому же, работать с ней — еще один повод, чтобы проводить с ней больше времени, возможно, я смогу отыметь ее прямо на рабочем столе, так что она не сможет спорить со мной.

— Серьезно?

— Да, — я переворачиваю нас и обнимаю ее красивое лицо своими ладонями. — Это лишь одна из причин, почему я влюбился в тебя.

Сейчас у меня нет сомнений. Я хочу, чтобы она знала. Хочу, чтобы она поняла, насколько я серьезен.

Ее лицо смягчается, и она кладет руку на мою щеку.

— Сэм.

— Ты самый бескорыстный человек, которого я знаю, и поверь мне, я вырос, не имея ничего, кроме противоположного этому. Знать, что ты моя. Ты, — я целую ее снова, потому что могу, — красивая, умная, веселая, заботливая, независимая женщина, которая хочет быть со мной. Это кажется нереальным, Кортни. Я — эгоист, по крайней мере, я пользовался этим, пока не появилась ты и не напомнила мне, каково это — чувствовать, что кто-то заботится обо мне. И Бен, — я смеюсь, — этот ребенок заставляет меня хотеть быть лучшим человеком, быть кем-то, на кого он может равняться. У меня такого не было, и я хочу быть больше, чем хорошим для него. Тот факт, что ты позволяешь мне быть таким человеком, является еще одной причиной.

— Ты хороший мужчина, Сэм. Нам повезло, что ты хочешь нас.

— Да. И я сделаю все, что в моих силах, чтобы убедиться, что вы оба счастливы.

— Мам! — кричит Бен возле ее комнаты.

Мы оба смеемся, и она тянется вверх, чтобы поцеловать меня в щеку.

— Ты делаешь меня счастливым, делаешь нас счастливыми, — потом она выползает из-под меня и кричит: — Мы сейчас спустимся. Иди и включи телевизор.

— Хорошо! — его смех просачивается сквозь дверь, а затем исчезает, когда он убегает вниз.

— Он всегда такой счастливый с утра?

Я надеваю свою вчерашнюю одежду, когда она копается в ящиках и реагирует невозмутимо на данную ситуацию. Мы не торопимся скрывать что-либо от Бена, и это выглядит потрясающе.

— Нет, — смеется она. — Необычно. Но я не жалею.

Она первой идет в ванную, и я встречаю их на кухне, где за те несколько минут, что я был наверху после нее, наступила паника.

— Ты не можешь продолжать делать это, Бенджамин.

— Прости, мам. Я забыл, — он говорит, засунув полную ложку хлопьев в рот из своей миски. Гораздо меньшую миску, чем я налил ему в прошлый раз. Принял к сведению.

— Тьфу. Дай мне минуту, чтобы спуститься и посмотреть, есть ли у меня материал.

Она убегает, а я сажусь рядом с ним за стол.

— Привет, приятель. Что происходит?

— Я забыл свое домашнее задание.

«Черт, я даже не подумал спросить его об этом прошлым вечером».

— Ты в детском саду, верно?

— Мммммм.

— Вам задают домашнее задание в детском саду? — я поднимаю листок с инструкциями. Это совсем не трудно, просто разрезать коробку с хлопьями по образцу, чтобы он мог держать свои книги в садике, и обернуть ее во что-то.

Дверь в подвал захлопывается, и появляется Кортни, взъерошенная и запыхавшаяся.

— Да, у него есть домашнее задание. И он должен был сказать мне или его няне. Обычно Мона или кто-то другой проверяет его папку, а я забыла тебя предупредить об этом, так что это не совсем его вина. Но это отчасти потому, что он должен знать, что необходимо проверять ее каждый вечер; теперь мы должны собрать коробки с хлопьями в держатель для книг, завернутый в оберточную бумагу, также мне нужно приготовить ему обед, и он должен одеться за... — она оборачивается и смотрит на часы на плите, — двадцать минут! Мой будильник не сработал или что? Дерьмо!

Я смеюсь и встаю, чтобы обнять ее. Она поворачивается и открывает рот, я уверен, чтобы сказать мне, что это не смешно, но я заставляю ее замолчать легким поцелуем.

— Еще одна причина, из-за которой я люблю тебя. Ты говоришь непрерывающимися предложениями, когда напряжена. Позаботься о его обеде, а я буду работать над коробкой из-под хлопьев.

— Но...

— Стоп. Я полон решимости, помнишь? А это значит, что ты носишься утром вокруг, как сумасшедшая, чтобы собрать Бена в садик и чтобы могла вовремя добраться до работы.

Ее взгляд смягчается.

— Ладно.

Она наклоняется и дарит мне быстрый поцелуй, прежде чем убежать наверх. Я хватаю коробку из-под хлопьев, которые он ел и ножницы. Не замеряя, я разрезаю картон и встаю, чтобы покопаться в ее шкафах в поисках скотча. Когда сажусь обратно, я оцениваю, сколько оберточной бумаги мне нужно, затем вырезаю квадрат.

— Будешь целовать мамочку?

Я резко закрываю ножницы и режу себе палец.

— Еб... дерьмо. Эмм.

«Где, черт возьми, Кортни?»

— Да, дружище. Все в порядке?

Он пожимает плечами.

— Ага.

Она возвращается на кухню с одеждой Бена и надевает ему чистые носки, пока он все еще ест.

— Поторапливайся и заканчивай. Затем почисти зубы и быстро спускайся назад, чтобы я могла закончить одевать тебя.

Как торпеда она идет к холодильнику и собирает ему обед прежде, чем он даже заканчивает есть.

Я сажусь и наблюдаю за хаосом. Спустя пару минут он отталкивается и поднимается наверх.

— Итак, я заканчиваю или он должен был помочь мне?

— Он должен был помочь, но мне плевать. Просто сделай это.

— Ладно, — я смеюсь над тем, как она суетилась, когда прошло только семь минут. У нас в запасе еще тринадцать, а чтобы закончить этот ящик, мне понадобятся еще две, поэтому я решаю подождать, чтобы Бен мог мне помочь.

Она исчезает и через несколько минут она возвращается, облаченная в рабочую одежду вместе с Беном. Она помогает ему одеться, и я подзываю его, чтобы приклеить оберточную бумагу внутрь коробки. Сэкономив две минуты, я провожаю их к ее машине и дарю Бону приветствие «кулак в кулак», а ей — поцелуй, прежде чем стоя на подъездной дороге с

улыбкой, наблюдать за ее автомобилем, пока он не исчезает.

*

Я убираю телефон от уха и пару раз бьюсь головой о руль. После того, как делаю глубокий вдох, я прикладываю его обратно.

— Женщина. Остановись. Я сказал, что хочу, чтобы ты просто выбрала. Мексиканская или итальянская.

Я спорил с Кортни на протяжении последних пяти минут о том, что я делаю слишком много для нее и Бена. А все, что я сделал, — позвонил ей и спросил, что она хотела съесть. Это еда. Иисус.

— Тебе не обязательно...

— Прекрасно. Я выбираю. Будет итальянская, потому что тебе нужны углеводы.

— Что?

— Я не видел тебя с утра, и все эти споры — пустая трата времени, которое я мог бы провести с вами, ребята. Вместо этого, я сижу в своем грузовике рядом с местом своей последней работы, спорю из-за чертовой еды, которую ты хотела бы съесть. Я не позволю тебе так легко отделаться сегодня вечером. Прости за каламбур. Я буду через сорок минут.

Я отключаюсь, бросаю телефон на пассажирское сидение и смеюсь. Она сводит меня с ума. Слишком независимая. Она должна успокоиться. Мой телефон звонит, и я поднимаю трубку, увидев ее имя на экране.

— Да?

— Ты на меня сердисься? — ее голос тихий. Теперь я чувствую себя паршиво.

— Нет, детка. Я просто хочу попасть домой, а ты споришь из-за того, что не изменится. Если я хочу купить тебе что-нибудь или принести еду с собой для вас, ребята, я сделаю это.

— Я не привыкла к этому.

Я откидываю голову назад и вздыхаю.

— Знаю, что нет. И я тоже. Обычно есть только я. Мы пройдем через это вместе?

— Да?

— Да. Так что в будущем, если я спрошу, что ты хочешь, просто сделай выбор. Это сэкономит много времени.

На линии воцарилась на секунду тишина.

— Ты не можешь купить все, — она торопится, произнося эти слова и, замолкает снова.

Мне на мгновение кажется, будто я выгляжу как чересчур большой мудака.

— Я не пытаюсь. Это еда, Корт.

— Может быть, для тебя. Но для меня это намного больше, — шепчет она.

— Знаю, — я завожу машину и пристегиваю ремень, — но мне действительно нужно ехать, чтобы я мог заказать еду и забрать ее. Я хочу увидеть тебя.

— Прошло только восемь часов, — смеется она.

— Это слишком долго, Кортни. Любое время вдали от тебя — это слишком долго.

Эпилог

Кортни

Я вешаю трубку и прислоняюсь к кухонной стойке. Я так не привыкла к этому. Одно

дело, когда Мона выручает меня, но Сэм? Он совсем другая история. Все происходит так быстро, а я пытаюсь приспособиться. Я не хочу показаться неблагодарной, но принимать заботу в новинку для меня.

Он так помог мне. Не знаю, где бы я была без его помощи. Я говорила серьезно о любви к нему ранее. С ним очень сложно. Давным-давно я увидела в нем то, что он сейчас видит в себе.

Я беру несколько тарелок и мисок, чтобы накрыть на стол, чтобы тот был готов, когда он доберется сюда. Ноги Бена топают вниз по лестнице, прежде чем я замечаю его. Он поворачивает из-за угла с бейсбольной перчаткой и мячом.

— Хочешь поиграть со мной, мам? — спрашивает он.

Обычно я не могу, так как готовлю ужин. Но поскольку Сэм взял его на себя, у меня есть время.

— Да, дорогой. Пойдем на задний двор.

Он выбегает, а я следую за ним. Мы перебрасываем мяч туда-сюда некоторое время, и я решаю, что это подходящее время, чтобы поговорить с ним о Сэме. Я ни разу не обсуждала с ним то, как он относится к тому, что у меня есть парень.

— Так, тебе нравится, когда Сэм тусуется с нами?

— Да! Он забавный. И он показывает мне, как делать крутые вещи в своем гараже.

— Ничего, если он будет проводить с нами больше времени?

Он останавливается и смотрит на меня, наклоняет голову, затем выпрямляет ее снова.

— Да. Может он научит меня ездить на велосипеде?

Он бросает мне мяч обратно.

Я не удивлена тому, что он принял его, но все равно чувствую облегчение.

— Конечно. Держу пари, Сэму это понравится.

— Понравится что? — голос Сэма пугает меня.

— Что он научится у тебя ездить на велосипеде.

— С удовольствием.

— Круто! — Бен вскрикивает и бежит к гаражу, где стоит его велосипед.

— Еще нет, Бен. Нам нужно поесть, а затем мне необходимо выяснить, как снять страховочные колеса с велосипеда, — кричу я.

— Женщина, — рычит Сэм и хватает меня за шею. — Ты больше не делаешь ничего, что требует от тебя держать инструмент, — он подносит губы прямо к моему уху. — Разве что мой.

Я смеюсь и отталкиваю его.

— Ты свинья.

— Бен, пойдем и поедим, а потом я сниму страховочные колеса с твоего велосипеда, — кричит он.

— Хорошо, Сэм, — Бен бежит обратно в дом.

Мы следуем за ним, но прежде чем входим внутрь, Сэм прижимает меня к сайдингу и целует. Я проскальзываю языком в его открытый рот и издаю стон, когда его пальцы щиплют меня за грудь.

— Я скучал по тебе, — шепчет он у моего рта.

— Я тоже скучала по тебе.

— И не только сегодня, Кортни. Все эти месяцы я вел себя, как идиот, и пытался держаться от тебя подальше. Я чертовски скучал по тебе.

Я обнимаю талию Сэма и притягиваю его ближе.

— Не будь идиотом, и тебе не придется скучать по мне.

— Хотя, должен признать, было весело наблюдать за тем, как ты выходишь из себя. Ты такая сексуальная, когда злишься.

Я смеюсь и запускаю руки в его волосы.

— Для умного парня это действительно было глупо.

— Что я могу сказать? — он пожимает плечами. — Я глупый, находчивый и влюбленный мужчина.

— Нет, — я качаю головой и тяну его за лицо вниз, наши носы соприкасаются, — ты добрый, заботливый, внимательный, привлекательный, щедрый, глупый, находчивый и влюбленный мужчина. И мне повезло с тобой.

— Нет, детка. Это я тот, кому повезло.

Вместо того чтобы спорить с ним, я склоняюсь и нежно прикасаюсь своими губами к его. Мы рука об руку подходим к кухонному столу, где Сэм поставил все коробки с едой на вынос из ресторана.

Мы садимся, и прямо перед тем, как Бен запикивает вилку со спагетти в свой рот, он смотрит то на Сэма, то на меня, затем снова на Сэма.

— Сэм?

— Да, приятель?

— Можно, Хлоя останется на ночь?

Конец

Больше книг на сайте — Knigolub.net